

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ VI.

- I. ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.
- II. НЕДѢЛЯ ВАИЙ.
- III. ПАСХА.
- IV. РУСАЛЬНАЯ НЕДѢЛЯ.
- V. СЕМНИЦЪ.
- VI. ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.
- VII. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.
- VIII. ПЕРВОЕ МАЯ.

Сост. А. Терещенки.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ:

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 3 апрѣля
1846 года.

Ценсоръ А. Очкинъ.

І. ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Вывоженіи людей въ верховное существо. Смышеніе праз-
дниковъ съ языческими отправлениями. Царь горохъ или
царь бобъ. Татьяна крещенская. Ксенія полуименица или
полухлѣбница. Евдокія свиститъ. Герасимъ грачевникъ. Со-
роки. Алексѣй Божій человекъ. Благовѣщеніе. Св. Антипій
цѣлитель. — Іоаннъ воинъ; каратель воровъ. Жены миро-
носицы. Юрьевъ день: значеніе Георгія и его подвиги.
Древнія названія Георгія и его отправления. Именины
юрьевскихъ обычаевъ. Юрьевы сроки и некоторыя по-
вѣрья. Власевъ день. Волось божество. Св. Власій, зе-
мледѣльческій праздникъ. Опахиваніе. Іеремій запрягалъ-
никъ. Мавра разсадняца. Св. Николай, хранитель отъ
бѣдъ. Никита, стражъ гусей. Феодосія колосняница. Ак-
линя гречишница. Борисъ и Глѣбъ грозные. Петръ рыбо-
ловъ. Прокопій жатвеникъ. Илья громовосный. Пантелей-
монъ заживный. Архидіаконъ Стефанъ. Ѳекла заревница.
Сергій, хранитель курей. Божая мать и Покровъ. Св.
Пятница. Симеонъ и Іуда. Анастасія, хранительница овецъ.
Кузьма-Демьянъ, безсребренники. Кузьминки. Екатерина
женолаваца. Василій великій. Пророкъ Наумъ. Спиридонъ,
солнце-поворотъ. Савватій и Зосима, хранители пчелъ. Царь
Давидъ, укротитель гнѣва. Заключеніе.

I.

ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Первоначальное состояніе людей было запечатлѣно ^{Взрваніе лю-дей въ верховное существо.} дикостію, суевѣріями и созданіемъ собственной вѣры, и ни одного не было гражданскаго общества, которое бы жило безъ своего верховнаго существа. По понятію народовъ, такое существо могло отвращать жестокіе удары отъ людей и хранить ихъ отъ бѣдствій, благотворить добрымъ и карать злодѣевъ. Но когда божественная вѣра просвѣтила языческіе умы, тогда она повсюду сблизила гражданъ между собою. Между тѣмъ разность обрядовъ вѣроисповѣданія создала особыя свои понятія, которыя, соотвѣтственно степени образованію народа, болѣе или менѣе утверждали крѣпость политическаго тѣла, потому во многихъ странахъ свѣта, доселѣ сохранились въ простонародіи чествованія дней угодниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ благотворителей или карателей, ибо они называютъ, не уважающихъ ихъ святость, истребленіемъ хлѣба и травы на поляхъ: громомъ, молніею, дождемъ и засухою, или ниспосылаютъ изобиліе на богобоязливаго поселяннина. — Простолудины воображаютъ, что угодники, обитающіе на небѣ, имѣютъ человѣческій видъ, одѣваются и живутъ тамъ, какъ люди; но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что постоянно находятся

въ дружбѣ между ангелами и добрыми людьми, и нисходятъ на землю, чтобы смотрѣть за поведеніемъ и трудолюбіемъ поселянъ. Таковые угодники могутъ принимать на себя разные виды, являться среди грома и бурь въ молніеносныхъ одеждахъ, или на копѣй верхомъ; или парящими на облакахъ въ видѣ ангеловъ. Народъ увѣренный, что ничего не совершается безъ предстательства святыхъ, приносить имъ жертвы и оказываетъ почести совершенно Божескія. Въ дни угодниковъ не работаетъ, боясь прогнѣвить ихъ. Крестьянинъ скорѣе согласится работать въ другой церковный праздникъ, нежели въ день праздника своего святого. Каждая деревня, каждый городъ, или лучше сказать, каждый приходъ имѣетъ своего защитника. Простосердечіе Русскихъ не простиралось однако такъ далеко, какъ католиковъ. Священники римскіе съ намѣреніемъ поддерживали въ-рваніе до фанатизма, и подкрѣпляли суевѣрія до безумной невѣроятности. Чтобы яснѣе это понять, то скажемъ, что католическое духовенство заставляло народъ оказывать чествованія, гораздо болѣе папамъ, нежели святымъ, — чествованія равныя Богу. Кто бы этому могъ повѣрить? Пусть бы не просвѣщенные боготворили папу, но это дѣлали просвѣтители и блюстители христіанъ, какъ называютъ себя католическіе отцы, которые вкореняли еще общее мнѣніе, что власть папъ выше царей самодержавныхъ; что папы раздають земныя и небесныя блага, что они могутъ низводить монарховъ съ престола, возмущать противу нихъ гражданъ, разрѣшать ихъ отъ присяги въ вѣрности, раздавать земли, государства и всѣ обитатели міра, суть подданные папъ. Эти мнѣнія подтвердили во всей силѣ, папы: Бонифаціи VIII, Григорій VII Гильдебрандъ и Александръ VI. — Іезуитъ Азаріо утверж-

дастъ, что папа непосредственно получаетъ власть отъ Бога, Коего онъ есть намѣстникъ на землѣ, а всѣ государи принимаютъ престолъ отъ папъ. На канунѣ Р. Х. папа благословлялъ мечъ и посылалъ государю, въ ознаменованіе, что папѣ дана власть на землѣ и на небѣ: карать и миловать. Монахъ Граціанъ писалъ, что папа есть солнце; а императоръ луна. Леонъ Аллаций говоритъ, въ сочиненіи своемъ *de regno christiano*: папа ни отъ кого не зависитъ, онъ судитъ весь міръ, а самъ не судится ни кѣмъ. Хотя бы онъ несправедливо управлялъ, должно ему повиноваться; онъ издастъ законы, перемѣняетъ ихъ по своей волѣ и опредѣляетъ самую вѣру. Хотя бы онъ хотѣлъ заблудиться, однако никакъ не можетъ, потому что онъ не причастенъ слабостямъ. Если бы ангелъ указалъ ему, то онъ не сдѣлалъ бы, потому что онъ имѣетъ власть Іисуса Христа. Онъ даже долженъ предавать смерти противныхъ его мнѣнію, и сжигать.—Предлагали даже вопросы богословамъ на рѣшеніе: можетъ ли папа раздавать повелѣнія ангеламъ? Кто милостивѣе: папа или Христосъ? Богословы не знали, какъ рѣшить; долго разсуждали, спорили и потомъ сами впали въ сомнѣніе: точно ли папа простой человѣкъ, или какъ Іисусъ Христосъ?—Наконецъ рѣшили, что папа не есть Богъ и не человѣкъ, но средина между ними: имѣетъ естество божеское и человѣческое. — Другіе говорили, что папа совѣтъ не человѣкъ, но Божій намѣстникъ. Августинъ Стеуръ, папскій бібліотекаръ, первый сказалъ: *папа есть Богъ на землѣ*. Феликсъ увѣрялъ, что папа безгрѣшенъ, какъ Богъ, и можетъ все творить, какъ Богъ. Папа есть начало всѣхъ началъ, почему не должно изслѣдовать его могущества, когда не изслѣдовано начало. Людовикъ Гомесъ утверждалъ: папа можетъ несправедливое сдѣлать праведнымъ. Барбарій пи-

сать, что папа выше всякаго права и что онъ все можетъ дѣлать противу права. Болларминъ проповѣдывалъ, что еслибы папа укрѣплялъ пороки, а добродѣтель изгонялъ; то церковь должна вѣрить, что пороки суть добро а добродѣтель зло.

Таковыми ученіями были напоены сердца несчастныхъ католиковъ, которые почитали святыхъ гораздо менѣе, нежели папъ. (') Цѣлая Европа томила въ дикой неволѣ заблужденій до XVI вѣка и народъ католическій содѣлался суевѣромъ до вступленія, но Русскій никогда не доходилъ до такого богопочитанія: онъ любилъ священниковъ, какъ своихъ наставниковъ, чтилъ и чтить угодниковъ Божіихъ за ихъ святые дѣла, и отнюдь не ставилъ ихъ не только выше Бога, но выше самыхъ ангеловъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что все это есть твореніе рукъ Божіихъ, и потому, воздавая почитаніе угодникамъ, чувствуетъ въ нихъ величіе Божіе.

Слѣженіе праздниковъ въ языческихъ отправленияхъ.

Многіе праздники и забавы, смѣшаны съ языческими отправлениями. Греки и Римляне ознаменовывали свои празднества радостію, чрезъ принесеніе жертвъ, христіане же запечатлѣли святостію религіи; но всѣ праздники, у всѣхъ народовъ, отличаются состояніемъ госуларства, его образованностію, его жизнію, привычками и страстями, изъ коихъ нечувствительно проспекли измѣненія. Земледѣльцы и воины, просвѣщенные люди и дикари, имѣютъ разные понятія о своихъ торжествахъ, но радость, при встрѣчѣ праздника, гораздо продолжительнѣе въ престоноародѣ, нежели въ высшемъ сословіи.

Самые дни повсемѣстнаго празднества, принаровлен-

(') Волтинъ : Приизч. на истор. Деклерка т. 1. с. 140-146.

ны къ мѣстности и времени. — Въ глубокой древности они совпадали со днями народныхъ судовъ и торговъ, срочными работами и мировыми сдѣлками. Повсюду они, составляя отдохновеніе отъ работъ, содѣлались извѣстными подъ именемъ праздниковъ (*)

Первые пастыри нашей церкви, ревностно востребляли псаломъ и суевѣрные вѣрованія, между тѣмъ языческія заблужденія не отставали отъ своихъ привычекъ. Татарское владычество возобновило суевѣрные обряды. *Памясскіе обычаи, коби блсовскія, игры, радуницы, русалье и художничество*, запрещенныя Стоглавомъ, не могли быть совершенно искоренены. — Что въ одномъ мѣстѣ выходило изъ употребленія, по мѣрѣ развитія чистоты нравовъ, то въ другомъ чествовалось съ упорствомъ. — *Повынѣ Волосъ* считается хранителемъ скотовъ, канунъ *Ивановскаго дня*, купалою и производителемъ земныхъ плодовъ; *Апринина*, слыветъ купальницею. — *Лѣшіе* суть страшилища людей; *полевые*, жители полей; *домовой дѣдушка*, есть стражъ домовъ; *ярило*, участникъ страстей. — Пророкъ *Илія* превращенъ въ небесную грозу, св. *Іеремія* въ запрягальника, св. *Феодосія* въ колосницу и проч., — всѣ они носятъ отпечатокъ превратныхъ понятій народа.

Отъ чего народъ далъ особыя названія праздни-

(*) Праздникъ означаетъ свободное отъ всѣхъ занятій время и совершеніе или способъ, какъ отправляютъ его, называется торжествомъ, которое заключается въ обрядъ более или менее пышномъ или таинственномъ. — Нѣкоторые думаютъ, что торжество происходитъ отъ сегоготескаго слова *торн* (*torg*), которое обратилось потомъ въ нашъ торгъ. По словопроизводству нельзя утверждать, но оно очень вѣроятно, потому что торгъ всегда сближалъ людей между собою и велъ ихъ, хотя дословнымъ путемъ, къ взаимной радости.

кашъ? — Славяне, издревле земледѣльческій народъ, имѣли къ язычеству своихъ боговъ покровителей, которые, по мнѣнію ихъ, споспѣшествовали ихъ благосостоянію, какъ въ полѣ, такъ и въ семейномъ бытѣ. Со введеніемъ христіанской вѣры, они долго уклонялись отъ чествованія церковныхъ праздниковъ. Правительственная власть употребляла усилія, а суевѣріе и преданность къ старымъ обычаямъ, слили съ христіанскими понятіями языческія чествованія, потому къ именамъ многихъ святыхъ, придали свои особые значенія и прозванія.

Если присоединить къ этому закоренѣлые предрассудки, суевѣрные толки по разнымъ примѣтамъ, вещамъ и дѣйствіямъ, извлекаемымъ изъ явленій природы и дѣйствій человѣка; (*) то все это суть слѣдст-

(*) Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ предрассудковъ

1. Звенить въ ухъ.

Когда звенить въ ухъ, тогда должно перекреститься, и ничего не загадывать, какъ поступаютъ другіе: потому что ангелъ хранитель записываетъ въ то время грѣхи въ книгу живота, и представляетъ Богу; при запискѣ ихъ онъ споритъ съ дьяволомъ, и кто не перекрестится, тогда ангелъ уступаетъ сатанѣ душу и отходить отъ нея съ рыданіемъ.

2. О преимуществѣ одного плеча предъ другимъ.

У каждаго изъ насъ сидитъ въ правомъ плечѣ ангелъ хранитель, а въ лѣвомъ дьяволъ; первый ведетъ къ добру а второй ко злу.

4. Пьніе куръ по пѣтушиному.

Если куры поютъ по пѣтушьему, особенно цыплята, то

вія того состоянія, въ какомъ находилъсь народъ нашъ до образованія своего. Но, не должно думать, чтобы одинъ нашъ народъ былъ преданъ предразсудочнымъ истолкованіямъ, — это общая черта простого сословія

считается не добрымъ предзнаменованіемъ, — непременно случится въ домъ несчастіе, которое отвратить только можно: скватить курицу или цыпленка, марять нимъ отъ передняго угла стѣны до порога, и гдѣ какая часть тѣла ляжетъ, ту отрубить: прійдется голова, — голову; прійдется хвостъ, — хвостъ. Думаютъ, что тутъ то кроется зловѣщій духъ. — Другіе, услышавъ пѣніе курицы или цыпленка, отвѣчаютъ ему: *на свою голову!* и немедленно зарѣзаваютъ.

4. *Распусканіе дуба, и цѣпленіе черемухи и серены.*

Когда распусканется дубъ или его отростки, равно когда разцвѣтаетъ черемуха и серена, тогда похляпается холодъ. Если весна холодная, то приписываютъ ея дѣйствіе этимъ растеніямъ.

5. *Вой собакъ.*

Въ какую сторону воютъ собаки, въ той сторонѣ быть пожару: если передъ домомъ, то въ домъ. Если собака воетъ передъ окошками, особенно больного, то непременно смерть ему. Вообще вой собакъ считаютъ дурнымъ знакомъ.

6. *Заецъ, священникъ, похороны и ведра пустыя.*

Если перебѣжитъ дорогу заецъ или перейдетъ священникъ, то случится не доброе. Чтобы отвратить несчастіе, надобно переломить прутникъ на двое, и каждую половину бросить на обѣ стороны; но обороны отъ священника никакой нѣтъ. Равнозначно предзнаменуется несчастіе, если священникъ поставитъ свою палку въ передній уголъ. — Встрѣчу съ священникомъ, принимаемую въ простонародіи за худое предзнаменованіе, иначе объяснить можно какъ тѣмъ, что Владиміръ І.

во вѣхъ государствахъ. Взгляните на низшее сословіе среди самыхъ просвѣщеннѣйшихъ странъ, и тамъ найдете тысячи недѣльныхъ вѣрованій. Но чувству всегда отрадно чествовать празднества, съ обрядными от-

блемъ духовенство особой властію, отъ чего священникъ сдѣлался тогда судьей, и что первые христіане Руссы были подвергаемы ими наказанію, за невыполненіе христіанскихъ обязанностей. — Встрѣчу съ похоронами и пустыми ведрами, всегда объясняютъ къ злополучію. Иные, повстрѣчавшись съ священникомъ, особенно съ похоронами, до того теряются, что бросаетъ ихъ въ потъ, блѣднѣютъ, или бѣгутъ отъ испуга домой и молятся Богу объ отвращеніи несчастія. Въ тотъ день не выходятъ уже изъ дома. — Встрѣчу съ пустыми ведрами истолковываютъ, что начатое дѣло будетъ пустое и не исполнится.

7. О дичь.

* Многіе изъ за что не стануть ѣсть дичи, и почитаютъ того безразсуднымъ, кто бьетъ ее. Другіе не ѣдятъ ничего застрѣленного или убитого, а непременно должно быть зарезано. Застрѣленную дичь потому считаютъ къ употребленію грѣшнымъ, что она птица вольная: Богъ ее кормитъ и Богъ беретъ ее, и не должно того ѣсть, чего не выкормилъ самъ.

8. Стриженіе овецъ.

Кто острижетъ овецъ до Семенова дня, у того овцы не будутъ мерзнуть во всю зиму; а кто не острижетъ, у того озы перемерзнутъ.

9. Подсолнечныя зерна.

Старые люди не позволяютъ грызть зеренъ изъ подсолнечника, будтобы грызущіе ихъ, дѣлаютъ противное Богородицѣ.

привлеченіями, какъ бы они ни казались несогласными съ чистотою истины. Благочестіе управляетъ человекомъ, а это не только сладостно, но утѣшительно для него. Встрѣчаемыя же многія суевѣрныя отправления, при

10. *Киданіе денегъ и хлѣба.*

Утверждаютъ, кто бросаетъ деньги во время игры, или хлѣбъ послѣ обѣда, или въ другое время; тотъ гнѣвитъ Иисуса Христа.

11. *Каша.*

Если стоящая въ печи каша, выйдетъ вонъ; то случится въ домѣ несчастіе.

12. *Воздушныя явленія.*

Если поселянину случится увидать сѣверное сіяніе, огненные столбы, блуждающіе огни и комету, то они наводятъ на него трепетъ: онѣ, по его мнѣнію, означаютъ не къ добру. Явленіе кометъ для нихъ всего ужаснѣе; онѣ предвѣщаютъ бѣдствія людямъ: войну, голодъ, моровую язву и наконецъ представленіе сѣта. Въ блуждающихъ огняхъ видятъ вертящуюся нечистую силу.

13. *Огонь на могилахъ.*

Часто бываетъ видно, около могилъ, блескъ огня, который иногда поднимается шаромъ съ искрами, иногда блеститъ звѣздочкою или въ родѣ свѣчи. Тогда заключаютъ, что это скитается по сѣту душа умершаго безъ покаянія, не зная, что это происходитъ отъ накопленія фосфорическихъ веществъ.

14. *Связь мельника съ чортомъ.*

Увѣряютъ до слезъ, что всякій мельникъ имѣетъ сношеніе съ дьяволомъ; если не дружеское, то покрайней мѣрѣ видится

совершеніи праздниствъ, должно принести простотѣ нравовъ, а отнюдь не упорному и закоренѣлому народу, который будтобы не желаетъ вытти изъ невѣжества. Нѣтъ, образованіе не достигло еще до всего народа, да-

съ нимъ, когда захочетъ ; но лучшее время для свиданія, это полночь, въ которую онъ съ нимъ бесѣдуетъ, а днемъ перешептывается, глядя въ глубину воды, подъ колесомъ; что мельникъ посылаетъ чортѣ, одинъ разъ въ годъ подарокъ,—откормленную черную свинью, и если этого онъ не сдѣлаетъ, то дьяволъ разрываетъ сначала его плотину, которую не можетъ насыпать ни одинъ мельникъ безъ его пособія, и наконецъ замучиваетъ его во снѣ.

15. Крикъ ворона и филина.

Если крикаетъ воронъ на чіемъ либо домѣ, то въ этомъ домѣ умереть кому нибудь. Тоже самое, если кричитъ филинъ, особенно когда садится на крестъ церкви. Тогда вся уверяютъ, что въ томъ приходѣ умереть непременно кто нибудь изъ церковно-служителей, —

16. Зимнее убежище ласточекъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что ласточки улетаютъ зимою на небо, а другіе увѣряютъ, что она кроются зимою въ коюдезяхъ или озерахъ, сцепившись ногами другъ за друга.

17. Ласточкино сердце.

У кого въ дому вѣтъ ласточка гнѣздо, тотъ называется благодѣтельнымъ. Если кто выйметъ изъ ласточки сердце, и будетъ носить его при себѣ; тотъ будетъ любимъ всѣми, особенно женщинами.

18. Летучая мышь.

Когда летучая мышь выдернетъ у кого либо волосъ изъ

же въ такой степени, чтобы половина его знала читать и писать.

Иакошнее было бы утверждать, что искаженныя обрядныя празднества не останутся навсегда въ просто-

головы, и положить его на сухое дерево; тотъ весь засохнетъ и ухнетъ.

19. Возвращеніе съ половины дороги.

Если кто съ половины дороги, или и менѣе, возвратится домой за вещью или забытою; тотъ не будетъ имѣть успеха въ начинаніи нѣ дѣла.

20. Сорока и кошка.

Щекотаніе сороки и умываніе кошки, означаютъ прибытіе гостей. Но когда валяется кошка, тогда означаетъ наступленіе вѣтра.

21. Качаніе лошади.

По тому мѣсту, гдѣ качалась лошадь, не должно ходить и ничего лить, чтобы не пристала къ тѣлу немочь: чесотка и лишай.

22. Чесаніе глаза, переносицы, кончика носа, усь и губъ.

Когда чешутся глаза, тогда будешь плакать; переносица, — услышишишь объ умершемъ; кончикъ носа — будешь пить водку, а усы или губы, цѣловаться съ кѣмъ нибудь.

23. Чакуша.

Кто найдетъ чакушу, тотъ долженъ бросить ее подъ печь, тогда не появятся въ избѣ ни сверчки, ни тараканы.

народи: уже измѣнилось много съ того времени, когда появились хорошіе пастыри; когда общенствѣ произошло въ избы, а образованіе начинаетъ дѣйствовать по-

24. Иканіе.

Кому икается, тотъ думаетъ, что объ немъ вспоминаютъ знакомые или родные. — При иканіи, какъ равно при заваніи, крестятся, чтобы чортъ не влѣзъ въ душу.

25. Молоко.

Не подавай на столъ молока, которое стояло въ непокрытомъ кувшинѣ, потому что нечистая сила уже пила изъ него. — Убавится молока въ коровѣ, если перебавить черезъ кувшинъ взорокъ ластка.

26. Соль и ножъ.

Не выкай и не бери изъ солонины соль внаста, съ кѣмъ бы то нибыло, и не дари никого ножемъ, иначе поссоришься. Въ первомъ случаѣ, чтобы набавиться отъ ссоры, надобно засмѣяться обонимъ, а во второмъ, давая ножъ, сказать: чуръ этого ножа.

27. Образъ и крестъ.

Дурной знакъ, кто дарить кого либо образомъ или крестомъ, — непременно къ смерти получившаго.

28. Кольцо и перстень.

Кто даритъ кольцомъ или перстнемъ молодую лавушку, тому не жениться на ней.

29. Покупка лошади и коровы.

У кого черные волосы, тотъ не долженъ погумать своей

всуду, хотя надалека. Но что особенныя обрядныя празднества, много уже измѣнены, то это можно видѣть изъ отправаленій ихъ: въ нѣкихъ мѣстахъ они или оставлены, или уже соединены съ чистотою Евангелія, или,

лошади, — она убѣжить отъ него, или уворуютъ ее. — Кто купилъ корову, тотъ проведи ее въ свой дворъ въ калитку, чрезъ положенный носъ. При покупке какой бы то ни было скотины, надобно спрашивать про нихъ недостатки: когда онѣ объявятся, тогда уничтожатся пороки, какъ то: упрямство, лѣнь, подниманіе на дыбы и брыканіе. —

30. Лихоманка и желтуха.

Кого бьетъ лихоманка, тотъ окури себя копытомъ; а у кого желтуха, смотри на живую щуку въ водѣ, — все пройдетъ. — Многіе думаютъ прогнать лихорадку испугомъ, потому внезапно бросаются на больного съ ножомъ или прицѣливаются ружьемъ. Одинъ мужъ, желая избавить свою жену отъ лихоманки, охватилъ ружье и сталъ цѣлить въ нее. Она начала кричать а онъ нарочно приблизился, чтобы напугать ее сильнѣе; она стала болѣе кричать, а онъ еще болѣе сталъ пугать, прицѣливаясь, вертѣть ружьемъ, и во время шутокъ, курокъ спрыснулъ и жена упала: онъ убилъ ее. — Вотъ способъ изгнанія лихоманки! — По разнымъ мѣстамъ даютъ ей разныя названія, а именно: *трясучки, трясавицы, комухи, комахи*, Величаютъ еще Лихоманкой Ивановной, чтобы она не обидѣлась, или боятся назвать, чтобы она не разстрѣлаше болѣе. Въ Малороссіи названія происходятъ отъ мѣста полученія, наприм. *подтылици*, когда она нападетъ на сонного человѣка подъ тыномъ (плетень); *веретенкица*, когда пряха допиралась до лихорадки; *могвал*, полученная отъ сна на навозной кучѣ; *стенкал*, полученная на стѣнѣ; *садовал оюродная, крымична*, (козодична), *рычкал* и т. п. — Сохранилось повсюдное повѣрье, что у лихорадки девять крылатыхъ сестеръ, коихъ нечистый духъ спускаетъ съ цѣпей, чтобы помучить людей. — Если лихорадка пролетомъ коснется губъ, то она обещуетъ, а если она коснется до всего человѣка, то маха-

что въ одномъ мѣстѣ чувствуется особенно, то въ другомъ уже со всѣмъ неизвѣстно.

Царь-го-
рохъ или
царь-
бобъ.

У католиковъ существуетъ праздникъ трехъ царей (генваря 6, по нов. исчислен.), который совпадаетъ съ

дети трясавица; но чтобы она не возвратилась къ больному, то ему надобно намазать свое лице сажей, — этого она пугается. — Иные переодѣваются въ вывороченное или чужое платье, чтобы она не узнала; переажкаютъ тихомолкомъ изъ дома въ домъ, чтобы она не нашла его; пишутъ на дверяхъ и окнахъ, безъ вѣдома больнаго : *дома нѣтъ*, чтобы этимъ обмануть лихорадку и спрятать отъ нее больнаго, котораго потомъ окуриваютъ его же паромъ. — Въ предохраненіе еще отъ лихорадки, носятъ на шею змѣишную или ужовую кожу, ожерелье изъ змѣиныхъ головокъ или восковые шарики, надѣланные изъ страстной сѣчи. —

31. Яйца.

Грѣхъ есть яйца, снесенныя до масляницы.

32. Ковшъ банный.

Грѣхъ великій, кто пьетъ изъ ковша, который употребляется въ банѣ при сливаніи воды на тѣло.

33. Украденная собака.

Кто укралъ собаку, тотъ смирятъ ея хвостъ ниткою, — тогда она не убѣжать.

34. Насѣдка.

Когда насѣдка сидитъ на яйцахъ, и въ то время умереть кто нибудь, тогда замираютъ ея яйца.

35. Вертлякіе вихри.

Если внезапно поднимается вихрь, или закружится вѣтеръ

нашимъ Рождествомъ Христовымъ. — Северо-западная часть Германіи и вообще всѣ послѣдователи католицизма, долгое время чествовали этотъ праздникъ, какъ среднюю зиму и начало новаго года. Это

глубоко: то должно воткнуть въ его средину ножъ и проинести: да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его! — Или! съ нами Богъ! — Вертавшійся взадъ дьяволъ, застоится и побѣдитъ собакою или кошкою, или оборотится въ аѣдну. — Тогда бей ее! — Убьешь, будешь счастливъ; не убьешь, она побѣдитъ сорокою и скроется. —

36. Паукъ.

Спускается паукъ и прямо предъ нами, — будетъ гость неожиданный, или получится неожиданно радостная вѣсть; письмо, деньги, повышение, награда и т. п.

37. Свистъ.

Свиститъ сверчокъ въ комнату, — не къ добру. Кто свиститъ въ изба, — лишний знаетъ къ опустынію дома. При свистѣ старшие люди бѣздуютъ, крестятся и говорятъ: съ нами Богъ! — Они думаютъ, а старухи уверяютъ до смерти, что съ свистащимъ свиститъ нечистая сила.

38. На кудыкину голову.

Вопросъ *куда*, почитается многими дурнымъ предзнаменіемъ. Если кто собрался въ дорогу и проходящій спроситъ его: *куда собрался идти?* или идущаго: *куда идешь?* то послѣдній отвѣчаетъ: *на кудыкину голову!* — выражая этимъ: чтобъ пропала твоя голова, спрашивавшая куда. Потому что ему славовало бы спросить: *далеко ли идешь?* или: *далеко ли идешь?* — Многие боятся произнести куда, находя въ немъ связь съ нечистой силою. Вопросенный при отъѣздѣ, откладываетъ свою посылку до утра, а идущій воротится назадъ, проверявъ съ досадою.

Часть VI.

2

времени года доселѣ называлось наскандинавскомъ полу-островѣ, *большой новой годъ*, и *бобовой праздники*. (*) Названіе первое произошло отъ того, что тогда совершали торжественные обряды, при наступленіи новаго года, и забавлялись святочными переряживаніями, а названіе послѣдняго отъ обычая подавать, въ этотъ день, первое блюдо съ бобами. Кто первый получалъ его, тотъ назывался *царь бобы*. — У насъ въ Россіи есть обычай подавать, въ большіе праздники, жареный на масле горохъ, разумеется между простолюдинами, печь пироги съ горохомъ или варить кашу по поламъ съ горохомъ. — Послѣднее болѣе происходитъ въ Малороссіи, — но это и тамъ не есть всеобщее обыкновеніе, а одно мѣстное. — Жареный или какъ называютъ въ Малороссіи смаженный горохъ и каша съ горохомъ, есть очень вкусное кушанье. — Употребленіе же гороха такъ древнее, что говоря о какомъ либо не зачатомъ событіи, обыкновенно выражаются: *о, это было за царя гороха*, или *во времена царя гороха*. Можно думать, что горохъ былъ любимѣйшимъ и обыкновеннѣйшимъ кушаньемъ въ самое древнее время; что онъ замѣнялъ долгое время зерновой хлѣбъ. До нынѣ изъ гороховой муки пекутъ лепешки и гороховики; дѣлаютъ кисель и пр. Принявъ въ соображеніе глубокую давность употребленія гороха, можно сказать приблизительно къ истинѣ, что самое названіе *царя-гороха* произошло отъ господствовавшаго употребленія гороха. —

Нѣкоторые находятъ въ *царь-горохѣ* историческій мифъ, но эта сказка, выдуманная простодушными нянюшками. —

(*) Das große neue Jahr und Bohnenfest.

Татьяна названа крещенскою потому, что въ это время стоятъ большіе морозы и по ея празднику (генваря 19) зимѣчаютъ объ урожаѣ и неурожаѣ: если бысть морозно и небо ясное, то означаетъ урожай; если вѣтеръ гнилый вѣтеръ (южный) или вѣтеръ теплая нятель, то будетъ засуха и неурожай.

Татьяна
креще-
на. 19
генв.

Въ этотъ день заключаютъ объ урожаѣ и о цѣнахъ на хлѣбъ, на весь предстоящій годъ. Если цѣны поднимались, то хлѣбъ будетъ дорогъ; если же поднимались, то хлѣбъ будетъ дешевъ. —

Креще-
на или
получе-
ния или
получе-
ния бича.
генв. 24.

Есдекіа свиститъ, говоритъ простолюдинъ. Многія животныя пробуждаются тогда отъ зимняго сна, и своимъ свистомъ и крикомъ возвѣщаютъ о наступленіи весны. Въ Россіи прежде всѣхъ возвѣщаетъ весну сурокъ, называемый въ Малороссіи байбакъ.

Есдекіа
о в и о-
туть.
март. 4.

Въ день преподобн. Герасима прилетаютъ грачи съ теплыхъ вѣтровъ, которые возвѣщаютъ собою наступленіе осени. Въ ознаменованіе этого пекутъ изъ тѣста грачи.

Гера-
симъ
граче-
на.
март. 4.

Въ великій постъ наступаетъ день сорока мучениковъ, называемыхъ въ простонародіи сороки. Они никогда раздѣляютъ постъ по поламъ. На канунѣ сорока мучениковъ, матери не даютъ спать дѣтямъ своимъ, заставляя ихъ слушать, какъ переломится постъ, и самыя утверждаютъ, что слышали, какъ онъ треснулъ по поламъ. — Въ этомъ онѣ утѣряютъ дѣтей, просящихъ скоромной пищи, которую имъ не даютъ, говоря имъ, что уже говѣть не долго. — Ребятишекъ покрываютъ еще рѣшетомъ и бьютъ сверху палкой, чтобы они слышали, какъ переломится постъ по поламъ.

Сорок.
март. 9.

По срединѣ великаго поста пекутъ еще кресты, и съ этими крестами сажаютъ кого либо на ночь на печь, чтобы онъ подслушивалъ, какъ перейдетъ половина

пѣста. Когда что нибудь троснеть въ народѣхъ ушѣхъ избы, тогда означаетъ, что пѣстъ перешелъ своею силой. Другіе пекутъ прѣсты по числу мужескаго пѣла въ семействахъ, не исключая малолѣтнихъ, и одинокіе деревенскіе и ли мѣстный крестъ запекаютъ въ пшеничной лепешкѣ: кому она достанется, тотъ долженъ заставить ея хлѣбъ въ слѣдующую весну. — Есть обиходъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что дѣти, взлѣзая на кровлю съ жаворонками, печеными изъ пшеничной муки, съ крикомъ зовутъ къ себѣ весну и жаворонковъ. Въ сѣверный день праздника пекутъ изъ тѣста жаворонки, въ напоминаніе того, что они прилетаютъ къ этому времени. — Говорятъ, что въ этотъ день сорока кладетъ въ свое гнѣздо 40 палочекъ. —

Хлѣбныя изображенія дѣлаютъ еще въ воспоминаніе подвиговъ Іоанна списателя лѣстницы (март. 30), и потому въ честь его пекутъ пшеничныя маленкія лѣстницы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (саратовской губери, аткарскаго уѣзда, въ селѣ Судацкѣ) пекутъ женитны пироги, которые украшаются поперегъ тѣстяными перекладными, и это печеніе называется *лѣстниками*. Ихъ приносятъ въ церковь, послѣ обѣдни; служатъ надъ ними молебны съ водоосвященіемъ, а народъ вибралется съ водою. Часть лѣстенокъ остается въ пользу священнослужителей, а остальное отдается нищимъ. — Лѣстники пекутъ еще въ день Вознесенія Іисуса Христа. Значеніе этого обычая есть милостыня, которая есть лѣстница духовная для восхода души на небо.

Алексѣй . . . Св. Алексѣй, сынъ одного богатаго римскаго дельмат
Вомія
человѣка
вѣкъ.
март. 17.

..(?) Родители св. Алексѣя были . . . Евменіа и . . . Агавиды

шю, онъ проводилъ дни и ночи въ молешіи, и когда его обручили съ дочерью царскою, тогда онъ, въ день самой свадьбы, оставилъ ее: бѣжалъ изъ родительскаго дома и отправился чрезъ Киликію въ малую Азію. Буря застала его на морѣ; онъ былъ выброшенъ на берегъ и въ рубищѣ нищаго прибылъ въ свой домъ, — гдѣ его не узнали, но дали пріютъ. Онъ во всю жизнь ходилъ нищимъ и постоянно молился Всевышнему. Около 27 лѣтъ провелъ онъ скрытно у своихъ родителей, которые только послѣ смерти его узнали, что онъ былъ ихъ сынъ. Примѣрное его благочестіе, отреченіе отъ земныхъ сокровищъ и суетной славы, и пламенное служеніе одному Богу, увѣковѣчили его добродѣтели, съ названіемъ Божіаго человѣка. —

Нѣкоторые смѣшиваютъ Алексія митрополита московскаго, жившаго въ XIV вѣкѣ, съ св. Алексіемъ. Нашъ Алексій былъ сынъ богатаго черниговскаго боярина Федора Бяконта и крестникъ В. К. Іоанна калиты. Онъ такъ же прославился святостію и услугами, оказанными имъ отечеству. Между многими примѣрами, достаточно привести одинъ. Когда Тайдула, жена хана Чагнбека, страдала тяжкою болѣзною; тогда ханъ писалъ къ В. К. Іоанну II. «мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа нашего: да испроситъ же онъ здравіе моей супругѣ» — Св. Алексій поѣхалъ въ орду (въ 1357 г.), съ надеждою на Бога. — Тайдула выздоровѣла отъ его молитвъ и прозрѣла. — Это чудо, прославило его еще болѣе. При жизни называли его святымъ, а послѣ смерти это прозваніе утвердилось за нимъ навсегда. —

Въ простонародіи говорятъ, что со дня праздника

ния жены св. Алексія не показано. — Четвъ минея подл. 17 март.

Алексѣя Божіаго человѣка, разверзнутся всѣ подземные потоки. Говорятъ еще: Алексѣя съ горъ потоки. Это значить, что въ день этого святаго (марта 17) начинается течъ вода съ горъ. Или: съ горъ вода а рыба со стану. Въ это время рыба трогается съ аммоя и трется подъ берегами. (*)

**Благоу-
щеніе,
март.25.** Праздникъ Благоушченія, совершаемый вездѣ единообразно, соединенъ съ нѣкоторыми особенностями. По хорошему его дню, судятъ о хорошей веснѣ и замѣчаютъ: каково было Благоушченіе, таковъ будетъ первый день Пасхи. Замѣчаютъ еще, если въ Благоушченіе морозъ, то будетъ много огурцовъ. Въ орловской и калужской губерніяхъ священники деревенскіе пекутъ, на праздникъ Благоушченія, просвиры изъ простой ржаной муки, собранной отъ поселянъ. Ихъ раздаютъ послѣ обѣдин, по нѣсколько: мужикъ сѣдаетъ на тошакъ одну или двѣ, а прочіа оставляетъ для застѣва хлѣба. Во время застѣва онъ вынимаетъ изъ за пазухи Благоушченскую просвиру, претиситъ и сѣдаетъ ее; потомъ начинается застѣвать неле. Старые люди говорятъ, что въ день Благоушче-

(*) Простолудны замѣчаютъ, что въ день Маріи египетской (апрѣл. 1.) горятъ свѣга и играютъ овраги, отъ того говорятъ: зажги свѣга, замрай овражки.—Въ день св. Иродіона (апр. 8) говорятъ: заставь соху, пора пахать овесъ. Замечаютъ еще, когда заквакаютъ лягушки, тогда пора сѣять овесъ; когда появляются крылатые муравьи, тогда начинаютъ сѣять овесъ. Овесъ сѣять хоть въ воду, да впору; а рожь подожди часокъ, да посѣй въ песокъ. — Снѣгу много, хлѣба много.— Въ великій четвертокъ морозъ, такъ и подъ кустомъ овесъ, а озимъ въ засѣку, т. е. не вѣрь всходамъ съ осени.—Въ день муч. Ирины (апр. 16.) подмываются берега, отъ того говорятъ съ Ирины разрой берега.

нія, какъ и въ первый день Пасхи, играеть солнце предъ восходомъ. Матушки и бабушки посылають въ просонкахъ дѣтей своихъ и внучатъ, посмотрѣть на это удивительное явленіе, но они никогда не видятъ его, а между тѣмъ рассказываютъ всѣмъ, какъ солнце вертѣлось по небу, каталось, раскидывало лучи, собирало ихъ и вновь играло ими.

Къ дню Благовѣщенія, какъ къ дню Пасхи, обновляютъ одежду и домашнія вещи. Со дня Благовѣщенія считаютъ за грѣхъ вдувать огонь, ужинать при огнѣ и спать въ избахъ. Мастеровые перестаютъ *засиживаться* (работать при огнѣ), и дѣлають свой шабашъ съ заходомъ солнца. Воры стараются украсть что нибудь въ этотъ день, чтобы удачно воровать во весь годъ.

Есть еще повѣрье, что въ этотъ день, какъ равно въ день Пасхи, никакая птица не вьеть гнѣзда. Одинъ только оканянный воробей не знаетъ этого праздника, потому что воробей есть представитель жидовства, какъ ласточка представительница христіанства. — Если курица снесетъ яйцо и положить его къ насѣдкѣ, то непременно родится уродъ.

Въ Литвѣ почти во всякомъ домѣ, исправляютъ ниръ, Встрѣчая домашняго друга, анста, который прилетаетъ тогда изъ за моря, всѣ радуются ему, ибо онъ своимъ появленіемъ возвѣщаетъ наступленіе весны. Тогда же поднимается медвѣдь изъ зимней берлоги, и своимъ ревомъ возвѣщаетъ весну. — Суевѣры утверждаютъ, во многихъ мѣстахъ Россіи, когда какая либо птица проснитъ Благовѣщенскую заутреню, или въ этотъ день завьеть гнѣздо; тогда отнимаются у ней крылья, на нѣсколько дней. Этого никто не можетъ видѣть, кромѣ вѣдьмъ, которыя тогда не летаютъ а сидятъ смирно дома. —

Св. Анти-
нія, че-
лестель
зубовъ.
апрѣл. 11.

У крестьянина болятъ зубы, онъ не вырветъ ни од-
го большого, но только, подержитъ на нить мелкую сере-
бряную монету, нѣсколько времени; потомъ прибѣгаетъ въ
наскокъ и вѣшаетъ на икону св. Антинія (*). Болятъ у на-
го глаза, или онъ оглохнеть отъ чего либо, прибѣгаетъ
съ молебнемъ къ св. Антинію. Если онъ не помогаетъ,
то молится Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ, или да-
етъ какой либо обѣтъ; но если и послѣ этого не про-
ходитъ болѣзнь, то уже никакихъ не принимаетъ посо-
бій, и на ваши предложенія отвѣтитъ: вѣтъ батюшка,
вѣрно такъ Богу угодно; да будетъ Его святая воля. (**)

Іоаннъ
воинъ,
каратель
воровъ.
апрѣл. 18.

Повсемѣстное вѣрованіе въ *Ивана воина* или *Ивана во-*
инственника, столь сильное, что простолудины прибѣга-
ютъ къ нему съ мольбою и жалобою, чтобы онъ рассу-
дилъ: кто правъ а кто виноватъ. Обворуютъ ли кого,
по воръ не извѣстенъ, а только въ подозрѣніи, неме-
дленно обращаются служить молебенъ Іоанну воину.

(*) Когда у ребенка долго не рожутся зубы, тогда суселары
прокалываютъ черному пятачку гребешокъ, костяннымъ или
деревяннымъ гребнемъ и кровью его намазываютъ десны. Соса-
зуютъ еще надѣвать ребенку ожерелье изъ раковыхъ жер-
новинкокъ или носить фѣлковый корень. Когда у детей па-
даютъ зубы, тогда велѣтъ стать спиной къ печкѣ, кинуть
зубъ черезъ себя и сказать: мышка, мышка! на тебя зубъ
костяной, а мнѣ дай жѣлѣзный. — Или: на тебя репной, а
мнѣ дай костяной. — Велѣтъ стричъ ребенка на шубѣ, — богатъ
онъ будетъ. Если ребенокъ въ первый разъ пойдетъ, то надобно
черкнуть ножомъ по землѣ, между его ногъ, и это называется
перерезать пути.

(**) Другіе, для отвращенія зубной боли, носятъ на шеѣ чер-
ную ленточку, или же поутру Лазарева - воскресенья, обра-
щаются лицомъ къ востоку солнца, и не переводя духа, про-
износятъ три раза: воскресенье Лазарево, субботній день! сла-
ви мнѣ Лазарь заны зубы лѣчить, подугъ ломать? —

И это такой ужасъ наводитъ на вора, что онъ тотъ часъ сознается, боясь страшнаго гнѣва парателя порока. Обидеть ли кто, т. е. разсорить, или се злости наидеть врагомъ на домъ, сей часъ прибѣгаютъ къ Ивану-ваину: онъ наводитъ на нихъ трепеть, и рѣдкій преступникъ не сознается, когда заставляютъ его поклаться именемъ Ивана воина. Прежде служенія молебна, обыкновенно обращаются къ подозрительнымъ особамъ и увѣщаваютъ ихъ признаться; не признаются; приступаютъ къ ворожбѣ. Ворожей или ворожеи, беретъ исальтырь, перелистываетъ и бьетъ нежесть въ средину каждого листа, какъ будтобы ищеть указанія или обличенія. Потомъ останавливается, смотритъ на роковую страницу и указываетъ: вотъ онъ! а, вотъ и другой! онъ не здѣсь, а спрятался. — Если ворожея указала, и послѣ нея станутъ отрекаться, то въ этомъ случаѣ заставляютъ ихъ поклаться Иваномъ воиномъ, въ томъ, что они правы. Если же они виноваты, то воинственникъ неменуемо испосылаетъ кару на клявшихся несправедливо, даже и на тѣхъ, коими клялись. Увѣряютъ, что послѣ несправедливой клятвы, постигаетъ виновниковъ величайшее несчастіе, а невинные, коими клялись, умираютъ медленно. — Смерть невинныхъ, вынуждаетъ преступниковъ открыться. Говорятъ, что не было примѣра, чтобы открылись обидчики и воры. — Въ день праздника этого святаго, поселяне отправляютъ молебни и молятъ о своемъ зашщипленіи отъ всѣхъ напастей, особенно отъ воровъ и обидчиковъ. —

Мнѣ случалось видѣть изображеніе Іоанна воинственна на старинныхъ иконахъ, половины XVII вѣка. Онъ представленъ скачущемъ на конѣ и съ мечемъ въ правой рукѣ. Таковое изображеніе нарисовано и на одномъ знамени, конца XVII вѣка. — Тамъ написанъ

ев. Юаннъ золотомъ и серебромъ, безъ шапки, но скату-
шимъ въправо на бѣломъ конѣ и съ мечемъ въ правой ру-
кѣ; верхняя одежда на немъ развѣвающаяся снѣжка и
сподняя на подобіе латъ. Внизу каймы надписи: «пѣн-
ни восхваляи: чудодѣйствуя бо вручаетъ богатодрне
скорбѣшіе люди, и молится Господу Богу, отъ вся-
кихъ бѣдъ спасти правовѣрныхъ.» —

Женъ
миро-
носци.

День женъ мирносецъ, называется бабынымъ празд-
никомъ. Въ это время женщины отправляются гулять
въ рощу, или на лугъ. Одна изъ женщинъ ходитъ, на
нанушъ этого праздника, собирать по домамъ яйца, изъ
конхъ готовятъ яшницу. — Правосѣтъ еще съ со-
бою на гулянье разное сѣстное и вино, и гуляютъ
до поздней ночи. Пѣсни и пляски, занимаютъ первое
мѣсто среди пирующихъ. —

Праздникъ женъ мирносецъ, происходитъ всегда на
третій недѣль послѣ пасхи. —

Значеніе
Георгія
и его
подвигъ.

Празднованіе Юрѣва дня совершается два раза въ
году: весною апрѣля 23, и осенью ноября 26. —

Св. Юрій, сѣдѣлавшійся предметомъ празднованія цер-
кви и гражданъ, находится въ особомъ уваженіи ме-
жду земледѣльцами. —

Св. великомученикъ Георгій, уроженецъ капподокій-
скій, (жившій въ концѣ III вѣка по Р. Х.), считается по-
кровителемъ стадъ и земледѣлія. Самое греческое сло-
во *георгіосъ*, *георгіосъ*, означаетъ земледѣльца. — Святый
Георгій обыкновенно представляется на бѣломъ конѣ,
поражающій копьемъ дракона, потому что ему припи-
сываютъ спасеніе дѣвицы отъ дракона въ ливійскихъ
стѣнахъ, которая была принесена ему на жертву; но
Георгій поразилъ его копьемъ въ то время, когда онъ
разинулъ чудовищную пасть и готовился прогло-
тить се. —

Драконъ есть таинственное значеніе: подъ нимъ ра-

звѣдѣть сопруженіе дѣвическаго служенія, на развалинахъ моего возродилась христіанская церковь. — Въ старославянской легендѣ подтверждается это самое значеніе:

Свѣта Ири (Юрій) знамена Христа Спасителя,
А дракъ сатана, злого неспрителе;
Паниа цирковъ свѣту знамена;
Ктера есть крови Христову выкупѣна (*)

Побѣдоносецъ Георгій въ большомъ уваженіи у русскихъ и грузинскихъ земледѣльцевъ. Греки, Италіянцы, Французы, Нѣмцы и Англичане равно чтутъ праздникъ Георгія. Въ Россіи онъ украшаетъ еще государственный гербъ и есть одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ орденовъ; его изображеніе выбиваютъ, съ государственнымъ гербомъ, на деньгахъ. Древнія московскія деньги преимущественно выбивались: сначала съ изображеніемъ одного Георгія побѣдоносца, въ послѣдствіи присоединили къ нему греческій гербъ: чернаго двухглавого орла (въ концѣ XV вѣка), а наконецъ Императоръ Петръ I, украсивъ его знаками андрѣевского ордена, образовалъ Императорскій гербъ.

Юрій, Гюрги и Гюргій употреблялися издревле у нашихъ предковъ, вмѣсто Георгій, а въ Малороссіи Юрко, въ червонной Россіи Ирѣи. —

Древнія
названія
Georgis,
и обра-
дненіе от-
правле-
ніа.

Греки ознаменовывали Юрьевъ день пастушескимъ празднествомъ. Тамъ земледѣльческія семейства за-калывали для пиршества новорожденнаго изъ животныхъ, и потомъ выгоняли скотъ на пастбище. На полѣ предавались веселію и простодушно вѣрили,

(*) Колларъ > Собр. червонно русскихъ пѣсенъ.

что св. Георгій есть покровитель скота и видѣн-
нѣйшій предохранитель отъ всякой заразы, нагоми
и похищенія отъ хищныхъ звѣрей.

Въ Исландіи и Финляндіи, поселане празднуютъ Юрь-
евъ день со многими языческими обрядами: мужчины
поютъ пѣсни, а женщины поливають молокомъ освя-
щенныя деревья. —

Въ Сербіи купаются до восхожденія солнца и вы-
гоняють въ поле скоть, освященною вербой. — Дѣ-
вицы молятъ св. Георгія о дарованіи имъ жени-
ховъ. —

Въ Сербіи, Иллиріи и Черногоріи поютъ еще молеб-
ни у колодцевъ, окрапываютъ святой водою скоть и
выгоняють его въ поле, какъ въ Россіи, святою вер-
бой. Карпатороссы выгоняють скоть на Юрьеву росу,
въ томъ предубѣжденіи, что послѣ этого вѣдьмы ни-
какой не будутъ имѣть надъ ними силы, и не будутъ
портить скоть. (*)

Въ Булгаріи каждое семейство зарѣзываетъ молодого
ягненка, и кровью его, которая не должна пасть на
землю, помазываютъ крестообразно лобъ, щеки и под-
бородокъ дѣтей; потомъ, когда его сжарятъ, тогда свя-
щенникъ совершаетъ молебенъ и благословляетъ ѣсть.
Ему отдается лопатка ягненка и шкура. Оставшіяся
косточки отъ съѣденнаго ягненка, зарываютъ въ зем-
лю. Въ Босніи, Герцоговинѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ
турецкой славянинѣ, такъ же жарятъ ягненка. Въ
красной Россіи пастухи встрѣчаютъ Юрьевъ день съ
пѣснями, варятъ въ полѣ молочную кашу и молятъ св.
Георгія о предохраненіи скота отъ всякаго несчастія.
Въ черной Россіи дѣлають земледѣльцы разные се-

(*) Савер. арх. 1825 г., № 14. с. 114, и № 15. с. 221.

нейших вирушек, а дѣвушки поютъ пѣсни. Последн-
ра ѣздить мушкетеры на лошадяхъ, въ томъ мѣстѣ,
что св. Георгій раздѣляетъ съ ними это удовольствіе,
какъ зашитица всякого скота, и не допустить нечи-
стую силу портить его. Тамъ думаютъ еще, что де-
монъ ѣздаетъ ночью тѣхъ лошадей, которыя не об-
ѣзжены въ Юрьевъ день, и ѣздитъ на нихъ до полу-
ночи, или до пропѣтія первыхъ пѣтуховъ. Въ Мало-
россіи донимъ говорятъ: св. Юрій насаетъ коровъ, а
Никола коней. Тамъ, рано по утру, выгоняютъ скотъ
на траву, стараясь захватить росу: отъ нея скотъ
дѣлается здоровымъ. За свое усердіе пастухи получаютъ
отъ хозяиновъ пироги, разное печеное, яйца и моло-
ко. Хозяинъ увѣренъ, что выгнанный скотъ на Юрь-
еву росу, принимается подъ защиту св. Георгія. —

Въ Малороссіи рано поутру выгоняютъ пастухи
скотъ, освященной вербою. Въ разныхъ мѣстахъ соби-
раютъ хозяева скотъ въ одно мѣсто, и отправляютъ
молебень; священникъ окропляетъ водою и проситъ
благословенія Возлюбл., хозяины дарятъ пастуховъ паде-
шицами (гречавицымъ хлѣбомъ), печеными съ творагома-
лищами и разными жаркими, и просятъ ихъ беречь скотъ,
поручая между тѣмъ особенному покровительству св.
Георгія. Въ другихъ мѣстахъ втыкаютъ въ коровьихъ
стойлахъ прутья селенной вербы въ страстные свѣчи,
въ томъ предубѣжденіи, что онѣ отгоняютъ нечистую
силу; и вѣдьмы, которыя очень портятъ рогатый скотъ.
Этого еще мало: окропляютъ самыя стойла святой во-
дою и накуриваютъ ладаномъ, чтобы оборотни, кото-
рые боятся ладану, не скрывались въ хлѣвахъ и за-
гонахъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, когда
хлѣбъ поднимется довольно высоко на засѣянныхъ по-
ляхъ, приписывая это вліянію Юрія, тогда служатъ на
поляхъ молебни, и окропляютъ поля святою водою, что

Тамъ думаютъ, что знахари и вѣдьмы, которые въ зарѣ Юрьева дня нарочно выходятъ въ поле, растѣляютъ по росѣ холеть и набрасываютъ имъ на рогатый скотъ, отъ чего онъ дѣлается недоимнымъ и тупымъ. Еще господствуетъ мнѣніе, что знахари и вѣдьмы, превращаясь въ разные виды животныхъ: телянокъ, собакъ, кошекъ и пр., сами высасываютъ у коровъ молоко. — Юрьевъ день въ такомъ уваженіи, что поселяне не смѣютъ выгнать въ поле скота, не совершивъ обычныхъ моленій. —

Во всей Россіи Юрьевъ день есть пастушескій и земледѣльческій праздникъ, и повсюду совершаютъ молебствіе, которое заключается семейнымъ угощеніемъ. Водка, пироги и яйца составляютъ непремѣнное кушанье, кромѣ другихъ яствъ, кои приготовляются по произволу и состоянію хозяиновъ. Послѣ Юрьева дни поселяне принимаются сѣять рожь, ячмень и овесъ, и вообще это время есть начало а осенній Юрій конецъ всѣмъ полевымъ работамъ.

Во Франціи и въ некоторыхъ мѣстахъ Германіи, оканчивается работа въ сентябрѣ. Собираніе винограда, составляетъ тамъ земледѣльческій праздникъ, какъ нашъ Юрьевъ день, или какъ рубленіе и сѣченіе капусты, сопровождаемое особаго рода веселіемъ: дѣвцы ходятъ тогда въ праздничныхъ нарядахъ по домамъ и поютъ пѣсни. Домохозяйства угощаютъ пирогами съ капустою и съ яйцами. — Въ олонеккой губерніи мальчики отправляются верхомъ на палочкѣ и съ колокольчикомъ въ рукѣ, подъ окна избы, и звенятъ; позвенѣвъ нѣсколько, отправляются къ другой избѣ и т. д., чтобы поздравить съ Юрьевымъ днемъ. — Скотъ не выгоняютъ въ этотъ день, по причинѣ глубокихъ сѣговъ въ полѣ.

Нѣтъ-
ніе Юрь-
овскаго

Не вездѣ Юрьевъ день сопровождается сходственными между собою обычаями. Въ Смоленскѣ жители

выходать за городъ, и прегуливаются на горѣ; въ туль-<sup>обыча-
евъ.</sup> ской губерніи служатъ молебны у колодцевъ, окроп-
ляютъ скотъ св. водою и выгоняютъ его въ поле освя-
щенной вербою. Въ шуромскомъ уѣздѣ (владимірской
губ.) ставили образа и свѣчи вокругъ пашни, съ пѣніемъ.

Воскликнемъ-те братцы!

Святую куралесу.

Дай же, Боже намъ,

Ячмень усатый,

Пшеничку колосисту.

Въ другихъ мѣстахъ Юрьевъ день извѣстенъ подъ
именемъ *теплаго, двѣнадцати морозовъ, съ водой, съ
кормомъ*. Отъ того говорятъ: Георгій везетъ корму въ
торокахъ, а Николай возомъ. Вообще замѣчаютъ, если
въ день Георгія идетъ дождь, то во весь годъ пойд-
детъ скотъ хорошо; т. е. не будетъ на него надежа.
Въ подмосковныхъ губерніяхъ говорятъ понынѣ:
Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ; или *Егорій
приходитъ съ двѣнадцатью морозами, а отходитъ съ
тепломъ*. У ливинскихъ и волгскихъ жителей: *Егорій
съ водой, а Никола съ травой*. Или: *Егорій съ мостомъ
а Никола съ возодемъ*.—Здѣсь разумѣется праздникъ св.
Николая (дек. 6.), а потому говорятъ еще о зимнемъ
пути: либо недѣлю не доѣдешь до Благовѣщенія, ли-
бо недѣлю переѣдешь—Въ рязанской и тамбовской гу-
берніяхъ: *Егорій съ кормомъ, а Никола съ мостомъ*; въ
тульской и орловской губерніяхъ: *Егорій съ полувозомъ,
а Никола съ цѣлымъ возомъ*. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ
костромской губерніи: *въ поле стадо сыпать и Егорья
окликать*. Окликанье производится пѣсней:

Мы вокругъ поля ходили,

Егорья окликали,

Макарья величали.

Егорій ты нашъ храбрый!

Макарія преподобный!

Ты спаси нашу скотину

Въ полѣ и за полемъ,

Въ лѣсу и за лѣсомъ,

Подъ свѣтлымъ нѣбѣмъ,

Подъ краснымъ солнышкомъ,

Отъ волка хищнаго,

Отъ медвѣдя лютаго,

Отъ звѣря лукаваго. (*)

Причитанія къ имени Георгія, произошли безъ сомнѣнія отъ земледѣльческой поры, къ коей принаровлены полевые работы. За нѣсколько недѣль до Юрьева дня, поля зеленѣютъ быстро, трава растетъ скоро, и къ Егорию она уже готова для скота. Съ Николаы трава идетъ на сѣнокосъ, и потомъ начинается свозка и уборка разнаго рода травъ и хлѣбнаго посѣва.

Въ Сибири бываетъ у рыбаковъ *Юровой* праздникъ, въ концѣ октября, когда рыбаки отправляются по рѣкѣ Иртышу для ловли красной рыбы (**).

Въ австрійской Галиціи существуютъ *грегоріанки*, для дѣтей деревенскихъ. Въ день св. Юрія, родители отдаютъ ихъ въ училищѣ, посему они называются *грегоріанками*. Ученики, собравшись въ день св. Юрія, предаются разнымъ забавамъ и шуткамъ. Одного изъ своихъ товарищей они дѣлаютъ бакалавромъ, и опоясавъ его веревочкой, съ нанизанными на ней ба-

(*) Снегир. Русск. простонар. праздникъ, вып. III, с. 74—76. выпуск. IV, с. 196.

(**) Писъм. Русск. офицера. с. 4—5, изд. 1827 г.

ранками, бѣгаютъ за нимъ и рвутъ на немъ баранки.

Старый грегоріанка угощаетъ новаго, наливъ пива и накрошивъ туда баранковъ. Когда все съѣдятъ, тогда онъ приноситъ гарнецъ воды, смѣшенной съ толченымъ кирпичемъ и обливаетъ сидящихъ а самъ между тѣмъ убѣгаетъ. Онѣ гоняются за нимъ, крича, что онъ разлилъ школьный медъ, и поютъ: Gre-gre-gregory, pójdźcie dzieci do szkoły.

Въ прежнее время ученики спускали пѣтуховъ для драки и изъ своей среди избирали еще короля, котораго, нарядивъ въ шутовское платье, водили по разнымъ мѣстамъ. — Нынѣ ходятъ ученики отъ избы къ избѣ, и поютъ юрьевскія пѣсни:

Ja mały żaczek,
Wylazłem na krzaczek ;
I krzaczka wpadłem w wodę,
Zbiłem sobie o kamień brodę,
Zobaczył Pan Jęsus z nieba,
Dał my kowaleszek chleba,
I obwarzanków kupa,
I białego sęra łupę. —

Ja mały maluta,
Podubiłem pamputa ;
Chodziłem do nieba,
Za kawalkiem chleba.
Chciałem nie wrócić,
Nie chcieli mnie puścić.
Przyjmeie mię państwo za ciurę,
Będę ja łupał są siadową kure.
Stoi ciura w płocie;
Będzie kij w robocie.
Juk urźnie malutę po za uchą,
Zaraz bida zostanie głuchą. —

Wylazłem na banie,
 Powiadłem kazanie;
 Powiadałbym jeszcze,
 Ale mi się jeść chce.
 Zleciał Anioł z nieba,
 Dał mi kromę chleba;
 A ja jemu za to:
 Trzawiki na lato,
 Buciki na zimę,
 A sam chce, kiec pod pierzynę. — (·)

Юрьевъ
 сроки в
 илѣнто-
 рыа по-
 гѣря.

Св. Георгій въ Россіи, призывается простолюдинами на помощь во всѣхъ работахъ. Юрьевъ день, освященный благовѣніемъ народа, замѣчательнъ еще и тѣмъ, что въ прежнія времена наши предки совершали сроки два раза въ годъ: въ весенній и осенній Юрій, на переходъ поселянъ отъ одного владѣльца къ другому, пока Борисъ Годуновъ не сдѣлалъ ихъ крѣпостными. Переходные поселяне, не думая никогда содѣлаться крѣпостными, были чрезмѣрно наумлены, когда объявили имъ, за нѣсколько времени до Юрьева дня, что они должны оставаться на земляхъ тѣхъ владѣльцевъ, на коихъ жили; что впродъ они не смѣютъ переходить съ мѣста на мѣсто, и остаются крѣпостными за помѣщиками. — Они увидѣли, что Юрьевъ день уже не существуетъ для нихъ; что Юрьевъ день уже не тотъ для нихъ, что прежде; что Юрьевъ день истребленъ навсегда. — Эти чувствованія горести, невольно родили восклицаніе: *вотъ тебѣ и Юрьевъ день!*

Нѣкоторые думаютъ, что въ Юрьевъ день свиститъ ракъ, а потому, если хотятъ выразить что либо трудное и продолжительное, то говорятъ: *дожидайся Юрьева дня, пока ракъ свистнетъ.* — Замѣчаютъ еще, что если въ Юрьевъ день березовый листъ съ полushку, то

къ Успенскому дню соберутъ хлѣбъ съ кадушку. — Нѣкоторые приписываютъ Георгію побѣдоносцу такое же караніе дьявола, какое пророку Иліи, а именно: гроза съ молніею бываетъ отъ того, что святой Георгій побѣдоносецъ борется съ чортомъ. Разъяривъ на своей комесницѣ, онъ бьетъ чорта съ небесной высоты, громомъ и молніею. Дьяволъ тогда бѣгаетъ широко по землѣ, такъ широко, что пушечная стрѣла изъ лука, самой сильною рукою, не сравняется въ быстротѣ съ его бѣганьемъ. Онъ принимаетъ образъ человѣка, иногда четвероногого животного или птицы, и въ то время отыскиваетъ повсюду человѣка, который бы думалъ о чемъ нибудь грѣшномъ, по этому, когда гремитъ гроза съ молніею, надобно кинуть всѣ дурныя мысли, думать объ одномъ Богѣ и Ему молиться, чтобы Онъ не допустилъ до грѣховныхъ помысловъ. Кто же полумаетъ объ обидѣ ближнему или о согрѣшеніи, въ того влетитъ бѣсъ, и Георгій, преслѣдуя его громомъ, убиваетъ человѣка, въ душѣ коего поселился нечистый. —

Въ Малороссіи употреблялись Юрьевы сроки, торги и разныя сдѣлки, посему вошло въ поговорку: *отъ тоби бабо и Юрьевъ день!* Но эта поговорка обратилась потомъ къ такому предмету, который требовалъ выполнения къ сроку, и не былъ выполненъ. Въ Россіи нынѣ говорятъ, въ такомъ же самомъ смыслѣ: *вотъ тебѣ и Юрьевъ день*, — У Сербовъ, Иллірійцевъ, Босняковъ, Герцеговинцевъ и Булгаровъ, дни св. Юрія были такъ же срочными. Австрійская императрица Марія Терезія, утвердила переходъ поселянъ (въ концѣ XVIII. вѣка), отъ одного владѣльца къ другому.

Святой Власій почитается простолюдинами за покровителя скотовъ, но онъ празднуется не всегда одинаково: въ иныхъ мѣстахъ въ февралѣ мѣсяцѣ, а въ

другихъ послѣ выгона скота въ поле, потому я поставилъ этотъ праздникъ послѣ св. Георгія.

Волось,
боже-
ство. Волось или Велесь, божество кievскихъ Славянъ, былъ признаваемъ ими за *скотья бога*, но по пришествіи св. крещенія Владиміромъ равноапостольнымъ, онъ, въ числѣ прочихъ кумировъ, брошенъ въ рѣку Почайну. —

День св. Власія празднуется церковью февраля 11 (*).

(*) Церковь наша празднуетъ двухъ Власіевъ: святаго мученика февраля 3., и священномученика епископа севастійскаго, февраля 11. Святый мученикъ Власій, уроженецъ кесаріи каппадокійской, былъ пастухомъ скота и претерпѣлъ мученическую смерть. Священномучен. Власій, будучи епископомъ въ Севастіи, терпѣлъ гоненія отъ неварныхъ, за творимыя имъ чудеса, и потомъ былъ извѣщенъ мечами. Однажды его встрѣтила женщина съ сыномъ, у коего стала въ гортани рыбная кость, и ова умоляла спасти его: помилуй сына моего, раба Спасителя нашего Иисуса Христа. — Власій помолившись, вложилъ руку въ гортань, говоря: «помоги, Господи, всѣмъ призывающимъ Тебя во истину. — Услыши и мою молитву изыми кость изъ гортани отрока сего, и исцели его. Если еще, что подобное случится съ людьми или со скотомъ, и кто помянетъ имя мое, произнеса: Боже! помоги молитвами раба твоего Власія, тому, Ты Господи, ускори свою помощь. — Послѣ этихъ словъ отрокъ получилъ исцѣленіе. Въ другой разъ встрѣтила его со слезами вдова бѣдная, и жаловалась, что волкъ похитилъ у ней послѣдняго поросенка. Святый подумавъ, отвѣчалъ: не скорби и не плачь: тебѣ возвратится твой поросенокъ живъ и невредимъ. — По прошествіи некотораго времени, волкъ принесть въ зубахъ, ко вдовѣ, ея поросенка: цѣлаго и невредимаго. — Когда эта вдова узнала о страдальческой смерти св. Власія, тогда она созвала къ себѣ своихъ соседей и съ ними помянула память Власія: потому что Богъ благословилъ ея домъ. — Ей стали подражать всѣ благочестивыя, помяная память св. Власія ежегодно. Въ тотъ день приносили

Въ Ростовѣ (Ярославской губерніи) стояла иступаніе до начала XII вѣка, въ честь Власу. — Онъ такъ же до читался тамъ; какъ въ Новгородѣ: приносили ему въ жертву масло, которое по нынѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ новгородской губерніи, называется володскимъ и водотнымъ. —

По всей Россіи и Малороссіи, день Власія есть земледѣльческій праздникъ, какъ св. муч. Флора и Авра (августа 18), которые такъ же считаются покровителями домашняго скота; имъ служатъ обѣдни и окропляютъ скотъ св. водою. Въ ярославской губерніи посылки приносятъ веченый въ церковь хлѣбъ, который достается потомъ священнику, и сгоняютъ всѣхъ своихъ лошадей къ церкви. Священникъ, отслуживъ обѣдню, окропляетъ всѣхъ освященной водою. — Въ калужской губерніи съѣзжаются крестьяне, въ престолный праздникъ этихъ мучениковъ, верхами къ церкви, и отслуживъ молебенъ съ окропленіемъ, купаютъ лошадей и завиваютъ имъ гривы.

Въ день св. Власія хозяева входятъ въ хлѣвы и окропляютъ крещенской водою: rogатыи скотъ, овецъ, лошадей и даже курей; ставятъ по угламъ прутки освященной вербы, курятъ ладаномъ, думая изгнать нечистую силу и предохранить скотъ отъ падежа. Если захвораетъ у крестьянина скотъ, то онъ принесетъ въ хлѣвъ икону св. Власія и служить молебенъ; а когда

въ церковь свѣчи, ониіамъ, подавали милостыню нищимъ и убогимъ. — Оттогда начался этотъ обычай, и донынѣ продолжается. — Четьи-миней, февр. 11, священномуч. Власія.

Простой народъ, чествуя память священномученика Власія, поручилъ скотъ его покровительству, и это произошло отъ равнiя въ творившiя надъ хищными зверями.

утирать лошадей, тогда заступниками Флору и Лавру. Богатые хозяины приглашают на домъ священника, въ праздникъ св. Власія, чтобы отслужить молебенъ и окропить скотъ св. водою. Такой точно ведется обычай въ Малороссіи, только съ большою расточительностію. Тамъ думаютъ, что въ это время вуколаки (оборотни), обращающіеся въ собакъ и черныхъ кошекъ, сосутъ молоко: у коровъ, кобылъ и овецъ; наводятъ падежъ на рогатый скотъ и душатъ лошадей. — Чтобы избавиться отъ этого несчастія, то пригоняютъ скотъ и лошадей къ черквѣ; священникъ служитъ молебенъ и окропляетъ св. водою. По совершеніи молебна, начинается пиръ. Подаютъ пироги съ масломъ, вареное и печеное; пастухи угощаются усердіемъ предъ шными. У другихъ есть вѣрованіе, что нечистой силѣ противустоятъ домовой, который, если любить хозяина, то онъ носитъ его лошадямъ кормъ изъ сосѣднихъ сѣноваловъ. Если не любитъ, то бѣдитъ на лошадяхъ, мучитъ и отнимаетъ у нихъ кормъ. Это дѣлается между орловскими жителями. Иные утверждаютъ, что видѣли домового, который нѣсколько похожъ на дьявола, и что порой онъ бываетъ доброй и злой. — Рассказываютъ еще другъ другу, какъ домовой таскаетъ кормъ лошадямъ, завиваетъ имъ хвосты и гривы; какъ стиплетъ домашнихъ животныхъ и птицу, и беспокоитъ хозяина дома, если онъ не любимъ имъ. Въ этомъ случаѣ онъ стаскиваетъ его съ постели, тѣлеги и саней, или раскрываетъ его во время сна. Хозяинъ видя, что домовой не любитъ его, спрашиваетъ: къ добру ли это, или къ худу? Домовой отвѣчаетъ ему, только ночью, прежнимъ безпокойствомъ. Это значить, что онъ выживаетъ его изъ дома. Чтобы прекратить безпорядки домового, прибѣгаютъ къ молебнямъ, окропленію св. водою по всѣмъ угламъ дома и двора; въ иныхъ мѣстахъ заводятъ въ домъ помяника медвѣдя, и просятъ

ею объ изгнаниі домашнего. Плахины приступаетъ къ дѣлу съ заговорами. Сперва онъ водить медвѣдя по всѣмъ угламъ двора и дома; потомъ стрижетъ съ него нѣсколько шерсть, зажигаетъ ее и обкуриваетъ весь домъ. Наконецъ водить медвѣдя по спинѣ того, кого безпокоитъ домовая. (*)

Въ Малороссіи совершалось слѣдующее языческое обыкновеніе. Когда сзѣрѣдѣтъ хлѣбъ, тогда женщины отправлялись съ вѣнками въ поле, и одна изъ нихъ, ведя въ горсть колоса, завила ихъ узломъ. Прочія дѣли хороводную пѣснь на азныя звѣнцы, а потомъ возвращались домой съ прежнимъ вѣнкомъ. Это дѣлалось въ томъ предположеніи, чтобы рука анхолія и колдуна, не могла испортить хлѣбъ. Въ ракульскомъ приходѣ (въ г. Вельскѣ, вологодской губерніи) стоитъ среди дѣся царковь, во имя св. Власія, построенная по тому случаю, что тамъ явилась икона св. Власія, генваря 19. Поселеніе съѣзжаются сюда праздновать и молятся, какъ заступнику скотовъ. Священникъ, отпѣвъ храмовую обѣдню, служитъ потомъ общій молебенъ, а частныя для тѣхъ хозяевъ, которые съ позволеніемъ кладутъ предъ образомъ св. Власія, коровьяго масла по нѣсколько фунтовъ, такъ что набирается нѣсколько пудовъ. Часть масла отдается священнику съ причетомъ, а остальная поступаетъ въ пользу церкви.

На многихъ старинныхъ иконахъ мыъ случаемъ видѣть св. Власія, идущимъ на конѣ; вокругъ сватого

(*) Медведемъ водятъ по спинѣ и въ то время, когда и не безпокоитъ домовая.—Думаютъ, у кого болятъ спина или поясница, достаточно провести его по больнымъ мѣстамъ, причемъ монахи проносятъ заговоры; имъ однимъ только известныя

были лошади, а были зеленое поле. Они представляли здѣсь оберегателей лошадей; мученикъ называлъ оукошавымъ весь длинный лѣсъ.

Опахиваю.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во время скотскаго падежа, прибѣгаютъ къ опахиванію. Оно состоитъ въ томъ, что знахари шепчуть надъ больнымъ скотомъ разные заговоры, и потопъ окуриваютъ его сохрѣвеной травою. Если это не помогаетъ, то вбиваютъ заколдованный колъ попереди загоя; если и это не помогаетъ, то обращаются къ Богу и служатъ молебны. Такъ обдѣлается у несчастныхъ суевѣровъ. Сначала прибѣгаютъ челоѣкъ къ ворожеямъ и знахарямъ; потомъ, вспомнивъ Бога, какъ бы не зналъ Его прежде, устремляется къ Нему со слезами. Но всегда ли обдѣлуетъ обращаться къ Нему?

Въ другихъ мѣстахъ скотскій падежъ, называемый коровьею смертью, сопровождается изгнаніемъ съ особыми дѣйствіями. Женщины, собравшись въ деревнѣ, даютъ знать, чтобы въ то время никто изъ мужчинъ не смѣлъ показываться на улицѣ. — Тогда одна изъ молодыхъ дѣвокъ беретъ образъ св. Власія, и начинаетъ ходъ около деревни; за дѣвкою идутъ въ чинномъ порядкѣ женщины. Въ первомъ ряду идутъ женщины съ вѣниками, пучками соломѣ и сѣна; во второмъ идетъ старая женщина на помощь, въ одной рубахѣ, съ распушенными волосами: ее окружаютъ бабы и пожилыя дѣвки съ ухватями и кочергами; въ третьемъ ряду бьютъ въ сковороды съ изступленнымъ крикомъ, пляшутъ и вертятся. Старухи, съ жажеными лучинами, окружаютъ обнаженную вдову, которая въ то время съ хомутомъ на шеѣ, и запряженную въ соху старуху, при коей находятся *незазорныя дѣвки* съ серпами и косами; окуриваютъ ихъ разными знахарскими травами и *опахиваютъ* вокругъ деревни три раза, съ за-

приказной въ сохѣ старуюю. Въ то время жгутъ на перекресткахъ серпами и косами, думая этимъ дѣйствовать перестѣ пути къ королевой смерти. Нещетоваго толпа остается наесто предъ каждымъ дворомъ, и стучать въ ворота, при страшномъ трескѣ и звонѣ производимомъ отъ удара въ заслонки, сковороды и чоршны; бѣшенно ревутъ и кричатъ: ай! ай! сѣни, руби! смерти! карью! ай! ай! сѣни, руби! Вотъ она: ай! ай! Если при нѣхъ крикѣ выскочить отъ испуга собака или кошка, то нѣхъ смерть неизбежна. — По совершении обряда, крикомъ вбѣять, что королева смерти не воротится. —

Другой обрядъ, похожій на королеву смерть, совершается во время сильныхъ повальныхъ болѣзней. — Женщины и дѣвки выносятъ въ полдень навозъ, за село или въ деревню, и складываютъ его въ кучу съ двухъ противоположенныхъ селенію концовъ, а потомъ зажигаютъ въ полночь. Къ одной заженной кучѣ везутъ дѣвки соху, въ бѣлыхъ рубахахъ и съ распущенными волосами, а одна дѣвка несетъ за ними образъ. Къ другой кучѣ несутъ женщины, въ черныхъ юбкахъ и грязныхъ рубахахъ, чернаго пѣтуха. Пришедши къ мѣсту, онѣ обносятъ пѣтуха вокругъ кучи три раза. Потомъ одна женщина, схвативъ пѣтуха, бѣжитъ съ нимъ на противоположенный конецъ селенія, и въ то время забѣгаетъ онѣ къ каждому дому; оббѣжавши женщины бѣгутъ за нею и кричатъ: а, ай! ступай, пропади черная немочь! (*) Добыжавши до кон-

(*) Въ окрестности Смоленска производятъ также самыя страшныя, только прибавляютъ черная немочь, рачевская. — Рачевка есть предмѣстіе города Смоленска, и тамъ осталось преданіе, что когда свирѣпствовала черная смерть, тогда она впервые проявилась въ городѣ изъ рачевскаго предмѣстія. —

на селеніи, она бросаетъ пѣтуха въ тѣнѣмѣй селеніи. Дѣвки бросаютъ сухіе листья и хворостъ; потомъ, схватясь за руки, онѣ скачутъ вокругъ огня, приговаривая: сгины! сгины! протала черная немочь! По конченіи пѣтуха, выпрагуются женщины въ соху, а дѣвки, неся предъ ними образъ, опахиваютъ имъ селеніе три раза. — Иныя дѣлаютъ еще иначе. Вечеромъ спешаютъ внезапно весь скотъ на одинъ дворъ, и окружаютъ особой стражей. Съ разсвѣтомъ дня сами козлеца должны разбирать свой скотъ, вынуждая осторожно на одной со двора. Если останется одна лишняя корова, то это ужъ ничія: это и есть моровая или коровья смерть. Ее немедленно раздѣляютъ на подлѣнцу и сожигаютъ живьемъ.

Во мнѣнїяхъ мѣстахъ вѣрять, что коровья смерть или сама набѣгаетъ, или ее заводитъ. Вотъ разсказъ объ ней. Мужикъ ѣхалъ съ мельницы, поздней порою, на встрѣчу ему плетется старуха и говоритъ: подвези меня дѣдушка. — Да куда тебя? — Вонъ, до какого селенія, родимый, куда и ты чай ѣдешь. — А кто же ты, бабушка? — Лѣчйка, родимый, каровъ лѣчу. — А гдѣ жъ ты лѣчила? — А вотъ лѣчила у Истоминной, да тамъ всѣ нареколади. Что дѣлать! Недавно привезла меня, и я захватить не успѣла. —

Мужикъ посадилъ бабу на возъ и поѣхалъ; но приѣхавши къ *ростанямъ* (перекрестку), забылъ свою дорогу, — а ужъ затамнѣло. Мужикъ, сотворивъ молитву; снялъ шапку и перекрестился. — Глядь, а бабы не бывало! Она, оборотясь въ черную собаку, бѣжала къ селенію и на завтра, въ крайнемъ дворѣ, пали три коровы. — Мужикъ привезъ коровью смерть.

Чтобы избавиться отъ коровьей смерти, то по мнѣнію крестьянъ необходимъ обрядъ опахиванья — Были примѣры самоотверженія: бросали жребій между

мужчинами и женщинами, и на кого онъ падалъ, когда зарывали живицы въ яму, съ пѣтухомъ и чепною женщиною, въ полнотѣ убѣжденіи прекращенія морозаго невѣтрія. —

У простонародовъ доселѣ есть поговорка: *Власій, ошибаюсь съ зими*. Это напоминаетъ намъ другую: *зима съ лѣтомъ спорится*, что бываетъ въ Сирѣнѣнїю Господню (Февраля 2). Простой народъ думаетъ, что зима сражается съ лѣтомъ, и послѣ долгой и упорной битвы, зима уступаетъ мѣсто лѣту. —

Пророкъ Іеремія называется въ престопаордіи за-
 прыгальникомъ, по той причинѣ, что съ этого про-
 мени производится большая сѣльная работа: очистка полей, омытъ, рассадка растѣній, копаніе грядъ и засѣвъ. Полевые работы совершаются помощію лошадей и волыны полагаютъ, когда они и ихъ лошади приходятъ въ изнуреніе, тогда пророкъ Іеремія прира-
 гаетъ нечеловѣку животныхъ и самъ доканчиваетъ ихъ работы. Въ день праздника этого пророка, по сѣльному отправляютъ молебни и окропляютъ земледѣльческія орудія Божественною водою; дабы ко-
 шуны и ляходѣи, не вредили имъ своими дьявольскими заговорами.

Въ праздникъ мученицы Мавры начинаютъ садить росаду (молодую капусту), такъ чего она называется Маврою рассадницею, и засѣвають гряды огородными растѣніями. Обряднаго празднества не совершаютъ въ сѣмѣстѣ. Нѣкоторые старыя женщины, послѣ росады и засѣва огородныхъ растѣній, варятъ молочную кашу и ѣдятъ ее на опорадѣ. — Сл. Мавру иногда называютъ Маврою молочною. Можетъ быть это отъ того, что тогда бываетъ самое сочное молоко и въ изобиліи. Пастухи варятъ на полѣ мавринскую кашу на молокѣ, которая почи-

Іеремій,
за пры-
гальникъ
гла 4.

Мавра
рассад-
ница.
гла 3.

тается самою лучшею и здравейшею. Это очень весьма естественное, потому что тогда поля бывают покрыты мягкой и сочною травою; отъ ней скотъ очень скоро тучится и доставляетъ превосходное молоко. — Въ Малороссіи никакихъ не соблюдаютъ обычаевъ послѣ росады. Тамъ опрыскаютъ святой роденой огородныя травы, чтобы ихъ не портили черви и всякая гадина. Но это не есть повсюдное обыновеніе: оно совершается одними старухами. Нынѣшнія женщины сажаютъ огородныя овощи безъ всякихъ обрядовъ, провозносъ только, послѣ работы: *роды Божіе, или благослови Боже.*

Въ иныхъ мѣстахъ св. мученица Ирина (празднуемая мая 5), такъ же называется разсадницею.

Св. Николай,
хранитель отъ
бѣдъ.
мая 9. и
дек. 6.

Ни одинъ изъ угодниковъ не находится въ такомъ почитаніи, какъ св. Николай. Въ честь его повсюду строятся храмы и придѣлы. Нѣтъ мѣстъ, гдѣ бы не находилось его изображенія. Ему служатъ благодарственныя молебни и къ нему прибѣгаютъ во всѣхъ несчастіяхъ, съ теплою мольбою. — Чудотворецъ Николай, есть посредникъ между Богомъ и людьми, и къ нему такъ швѣютъ сильное вѣрованіе, что Русской, войдя въ церковь, устремляетъ свое набожное вниманіе на его образъ, и молится ему съ немалымъ усердіемъ, какъ самому Богу. Онъ обставливаетъ его икону свѣчами и кладетъ ему поклоны, со вздохами и глубокимъ чувствомъ почитанія.

Народъ страшится его гнѣва, и потому призываетъ его на помощь: «святый Николай угодникъ! помоги мнѣ. Святый чудотворецъ! покрой меня своимъ покровомъ и сохрани отъ всѣхъ несчастій.» — Въ Малороссіи слѣпцы, ходя по ярмонкамъ, выпрашиваютъ отъбѣ милостыню:

Ой хто, хто Миколая любить,
 Ой хто, хто Миколаю служитъ:
 Тому святой Миколай,
 На всякъ часъ помогай.
 Миколай!

Тѣже слѣпцы поють Лазаря :

Якъ бувъ соби Лазарь,
 Такъ я его знавъ:
 Була у его сира свита,
 Такъ я и тую знавъ.
 Якъ полетѣвъ Лазарь,
 Да нидь небесами.
 Алилуй! алилуй! алилуй!

Въ весенній день Николая (мая 9), конюхи выгоняють лошадей въ поле и служатъ тутъ молебень, а священникъ окропляетъ ихъ освященной водою.—Послѣ ѣздить верхомъ, чтобы нечистая сила не успѣла поѣздить прежде, ибо если начнетъ она ѣздить и обыкновенно ночью, то заѣзживаетъ до смерти. Въ вечеру поють пѣсни и веселятся, и смотрятъ, чтобы никто не дотрогивался ихъ лошадей. Если замѣчаютъ, что лошадь вздрагиваетъ, то произносятъ слова: кишъ, кишъ, дьявольская сила! Или: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.

Между суевѣрными моряками считается два Николая: морской и мокрой. Первой управляетъ кораблями, а второй водами; оба невидимо присутствуютъ между ними. Нѣсколько разъ случилось мнѣ слышать отъ моряковъ, что они во время кораблекрушеній, единственно обзаны были спасеніемъ заступничеству св. Николая, который такую имѣетъ власть на моряхъ, что если не прибѣгнуть къ нему съ обѣтами, то вѣр-

ная погибель. Обѣты состоятъ въ наложеніи постничества, украшеніи его образа, чествованіи его праздника или въ сооруженіи въ его имя церкви. Празднества, отправляемыя въ честь св. Николая, бываютъ весеннія и зимнія: мая 9 и декабря 6. Зимнему Николаю оказываетъ Мордва особое почитаніе. Стоить указать ей на образъ св. Николая, и она устремится ставить свѣчи на перерывъ.

Моряки, во время бурь на водахъ, устремляются съ горячими моленіями къ св. Николаю, о избавленіи ихъ отъ кораблекрушенія.—Когда застигаетъ матросовъ кораблекрушеніе, тогда они выносятъ чудотворный образъ св. Николая на палубу, и умоляютъ его о спасеніи (*).

Митрополитъ Ефремъ установилъ, въ концѣ XI. вѣка, чтобы торжествовать мая 9, по случаю перенесенія мощей св. Николая изъ Ликии въ итальянскій городъ Баръ. Праздникъ западной церкви, отвергаемый Греками, доказываетъ, что мы имѣли тогда дружеское сношеніе съ Римомъ.

Никита,
стражъ
гусей.
мая 28.

Домашнія птицы такъ же охраняются, по мнѣнію простодушныхъ, особыми святыми. — Преподобный Никита, празднуемый мая 28, почитается стражемъ гусей и прочихъ домашнихъ птицъ, но особенно гусей. Простолюдины, поручая маленькихъ гусей мальчикамъ, отдають ихъ подъ покровъ Никиты, который не допускаетъ къ нимъ хищныхъ птицъ: орла, ястреба или другихъ животныхъ.

(*) Въ день мученицы Гликеріи (мая 13.) появляются комары, потому она называется Лукерья-комарница; въ день св. Исидора (мая 14.) начинаютъ садить огурцы; въ праздникъ семи дѣвъ (мая 18), сѣютъ первый ленъ; въ праздникъ Константина и Елены сѣютъ ранній ленъ и позднюю пшеницу. —

Преподобная мученица Феодосія, въ простонародіи Феодосія, колосовница. май 29. колосовница, правяемая мая 29, составляетъ особое мѣстное сельское торжество. Въ май мѣсяцъ хлѣбъ пускаютъ колосыя, а съ мая 29 онъ повсюду начинается называться зернами, по коимъ судятъ о богатствѣ жатвы, а въ день св. Іереміи (празднуемаго мая 31.) говорятъ: поѣсъ сѣтево, — т. е. кончай посявъ! —

Мученица Акилина, называемая народомъ гречишница Акилина гречишница. июл. 19. пею, указываетъ время посява гречихи. Въ южныхъ странахъ Россіи цѣтеть въ это время гречиха: благоуханный запахъ ея, безпрестанно привлекаетъ къ себѣ роемъ и члѣвкамъ, которыя высасываютъ изъ нея чистѣйшую сладость и увозятъ въ свои улья, для составленія лучшихъ сотовъ. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи и Литвы, срѣзываютъ, накануне для Акилины, пучки гречихи, и приносятъ домой: ихъ затыкаютъ за образа и оставляютъ до будущаго года. — Въ праздникъ Акилины зажиточные хозяины собираютъ сосѣдей, угощаютъ ихъ и просятъ помочь имъ въ жатвѣ. Тамъ первая жатва начинается гречихою, потому гречишница доставляетъ земледѣльцу радость. По святіи гречихи, освящаютъ первый ея умолотъ: одну часть оставляютъ дома до будущаго посява, а инъ другой пекутъ гречаники, которыми подчиваютъ своихъ работниковъ. Въ Россіи гречишница извѣстна потому, что около этого времени посявъ выбрасываютъ свои колосыя, по коимъ судятъ объ урожаѣ хлѣба.

Въ день этихъ святыхъ большая часть народа не работаетъ, развѣ по необходимости, и называетъ этотъ праздникъ грознымъ. Борисъ и Глебъ, грозницъ. июл. 24. Утверждаютъ, что на разѣ случалось видѣть, какъ внезапная буря разносила кошмы сѣна по полю или по водамъ; дождь портилъ совсѣмъ уже высохшее сѣно а молнія сожигала

саладѣные стогы. Въ другихъ мѣстахъ дѣтъ: Вордѣа и Глѣба именовался *барыши дѣла* и потому его празднуютъ, для полученія барышей во всея годъ.

Петръ,
р и б о -
ло въ.
июл. 29.

Рыбаки, закидывая свои сѣти, обращаются съ молитвою къ св. апостолу Петру, который посему именованъ Петромъ рыболовомъ. Если застигаетъ ихъ буря на рѣкахъ, то они также прибѣгаютъ къ нему. За избавленіе отъ опасности или за успѣшной уловъ, рыбаки возсылаютъ ему благодаренія. — Въ другихъ мѣстахъ складываются рыбаки на большую носимую вѣтчу, и становятся ее, во время обѣдин, бывшими ловцами *рыба и людей* (первыми апостоламъ). — Ходятъ еще пастухи по домамъ для собиранія подати, состоящей изъ яицъ, вотрушекъ, пироговъ (*) и т. п.

Нѣкоторые утверждаютъ, что въ день св. апостола Петра, солнце на восходѣ играетъ радугами. Чтобы видѣть это, то многіе восходятъ на гору и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ появленія солнца. Едва оно появится, толпа приветствуетъ его хоромъ:

Ой ладо! ой ладо!

На курганѣ соловей гнѣздо завиваетъ,

А нвола развиваетъ.

Хоть ты вѣа, не вѣа, соловей,

Не быть твоему гнѣзду совитому,

Не быть твоимъ дѣтямъ вывожатымъ;

Не летать имъ по дубравѣ,

Не клевать имъ яровой пшеницы.

Ой ладо! ой ладо!

(*) По мнѣнію народа день казанской Божіей Матери (іюля 1.) есть лучшее время для собиранія червца, который будтобы собирается тогда изъ всехъ мѣстъ подъ одинъ кустъ. — Замечаютъ, если въ день св. мучен. Мокриши ясно, то осень будетъ сухая; если мокро, то венастная. —

Въ день великомуч. Проконія поселяне празднують обильнѣе міромъ, наступившую жатву. — На канунѣ Проконія убиваютъ нѣсколько барашковъ и пекутъ ихъ, а въ день праздника отслуживаютъ молебень, за счастливое окончаніе сельскихъ работъ и потомъ пируютъ.

Св. пророкъ Ілія представляется народамъ грозно-мощнымъ: онъ производитъ громъ и молнію. Но его воля бываютъ дожди проливные и наводненія; засухи, бездождія и росы благотворныя. Во время бездождія и безводія, молятся Господу, умоляя св. Пророка о ходатайствѣ. «Ілія словомъ дожди держитъ на земли, и пакы словомъ съ небесе низводитъ», говоритъ одна церковная пѣснь, «тѣмъ же молимъ Тя: Того молящия щедре послѣ дожди водныя земли, съ небесе» (*). Иные ставятъ въ посудѣ на воротахъ, нѣсколько ржи или овса, и просятъ священника провѣщать Ілію, дабы онъ послалъ дождь. по этому случаю поютъ тропарь: *Ілія славыи, и пр.* Другіе величаютъ Ілію

(*) Канонъ, послѣдованія во время бездождія, пѣснь 8. — Говорятъ, что пророкъ, по переселеніи на небо, написалъ грозное посланіе изъ рая къ царю іудейскому Іораму, въ коемъ онъ предсказалъ гибель всему его дому, а самому Іораму лютую смерть. — Четь минелъ, въ концѣ; Воскресное чтеніе за 1839 г. № 18. с. 175-176. Есть преданіе, что пророкъ явился на земли живыхъ съ Іоанномъ, предъ вторымъ пришествіемъ Христа, въ томъ же тѣлѣ, какъ вознесся на небо; будетъ утѣшать благочестивыхъ и обличать антихриста. Это преданіе основано на словахъ пророка Малахія ст. 4. 5. и 6, и евангел. Іоанна, апок. гл. II. с. 3-12. — Слова пророковъ, замѣчаетъ Воскресное чтеніе, с. 176, — не прямо говорятъ о второмъ пришествіи Іліи, и трудно представить, чтобы Ілія могъ быть убитъ въ прославленіи тѣлѣ. Лук. гл. 9 с. 31..

на свѣтлой подлѣхъ, когда сѣвнѣннѣмъ ходить по до-
манъ съ молебниами. Въ Малороссіи думаютъ, когда
громъ гремитъ, тогда Іилія разлѣзаетъ по Небу на
огненной колѣсницѣ и бросаетъ стрѣлы, а молніею
поражаетъ укрывающагося чорта. Последнее мнѣніе
господствуетъ во всей Россіи. Если громъ гремитъ,
то вѣрятъ, что Іилія ѣздитъ по небу на огненной ко-
лесницѣ и убиваетъ стрѣлою дьявола, который повсю-
ду тогда укрывается подъ разными видами, особенно
подъ видомъ младенца, и проситъ у людей убійца-
ща. — Если бы злой духъ спрятался и за образъ Бо-
жій, то и онъ и образъ, не будутъ пощажены. Гро-
мовая стрѣла, поразивъ чорта, уходитъ въ землю и тамъ
остается три года. Потомъ находятъ ее на землѣ, въ
видѣ кремня. — Въ страданіяхъ колотыемъ, ожидаятъ
тотъ времени водою, и этой водою обливаютъ больно-
го. Нѣкоторые бѣгутъ къ рѣкѣ, во время грома, что-
бы умыться, но перекрестясь напередъ. Старообръ
утверждаютъ: кто часто „или“ всегда ѣстъ пшени-
чѣхъ, тотъ не будетъ бояться грома. Услышавшіе въ
первый разъ громъ, должны умываться съ серебра,
отъ чего лице побѣлѣетъ, зарумянится и самъ позо-
ровѣетъ. — Многіе увѣряютъ, что онъ находилъ стрѣ-
лы, которыя поражали людей, прогнѣвшихъ Бога.
По этому то мужикъ, когда гремитъ громъ, съ ужа-
сомъ крестится и читаетъ молитву, отъ чего произо-
шла поговорка: *громъ не грянетъ, мужикъ не перекре-
стится*. Считають того бусурманомъ, кто не крестит-
ся при громѣ, и думаютъ, что чортъ, который во вре-
мя грома бѣгаетъ повсюду, и ищетъ себѣ убійща
отъ гнѣва Божіаго, переселяется въ неперекрестивша-
гося, и тогда Богъ говоритъ дьяволу: *человѣка не по-
щажу; а тебя дастъ ему*. Іилія считается еще пощаже-
лемъ жатвы, и потому говорятъ, «Св. Іилія защищаетъ

жизни», ибо это время, есть время всеобщей жатвы. Въ Малороссіи, послѣ дня св. Іліи (июля 20), перестаютъ купаться, говорятъ: «Св. Ілія смутитъ воду». Вѣроятно это потому, что вода нагревается тогда и дѣлается нездоровою. — Въ Бѣлоруссіи думаютъ, что осень наступаетъ съ Ільина дня, и потому говорятъ: «на Ілью до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень». Конечно, это произошло отъ того, что солнце, сдѣлавъ съ іюня 40 поворотъ на осень, уменьшаетъ рабочіе дни, которые тогда дороги для поселянина.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи закалываютъ, на конуѣ Ільина дня, быковъ и тележковъ, и пируютъ въ честь пророка Іліи. Въ орловской губерніи поселяне ходятъ, въ самой Ільинъ день на поля, слушать полевныя: о шлюсованіи благословенія на успешное снѣтіе жатвы. — Замѣчаютъ: если въ день Іліи бываетъ дождь, то будетъ много пожаровъ. Дреужіе толковальщи прибавляютъ: если не бываетъ грома, то непременно губительного небу въ прозою: или зажжетъ дѣнь. — Тѣмъ толкователи утверждаютъ, что въ этотъ день дана воля всѣмъ гадамъ и мотыжь зѣрныи, а потому не должно выгонять скота въ поле.

Пермяки собираются въ день Іліи, изъ двухъ или трехъ деревень въ одну, приводятъ сюда быка или тележку, закалываютъ и готовятъ общій пиръ. Въ день же Проніи убиваютъ барана, и потомъ ѣдятъ жареного. Пророкъ Ілія бываетъ умоляемъ отъ нихъ приношеніемъ быка, а великомуч. Проконій приношеніемъ барана. Въ день Іліи не выгоняютъ скота въ поле, вѣря и увѣря другияхъ, что тогда свирѣпые зѣбри и ядовитые гады, оставая свои норы, рыскаютъ по полямъ и лѣсамъ, ища себѣ добычи.

Одинъ изъ очевидцевъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, прѣшедши однажды къ богатому мужику пчеловоду,

въ селеніе (смоленскаго уѣзда), увидѣлъ, что онъ разставлялъ иконы, прильпывалъ къ нимъ свѣчи, накрывалъ столъ снатурью и ставилъ угощенія. — Мужикъ былъ очень радъ его посѣщенію, немедленно поставилъ для него на столъ: соты меда и свѣжіе огурцы, и спросилъ съ поклономъ побѣсть чего нибудь, самъ же ставилъ въ то время въ передній уголъ лукошко съ ржанью, и потомъ положилъ на столъ большую булку. А это къ чему, любезной мой? спросилъ онъ у него. — Да вотъ, мой батюшка *Хеодоровичъ*, стѣблалъ онъ, со святыми прійдутъ водосвятя, увидишь съ мѣткою неувесорю *Богъ*. *Богъ* благословилъ меня райками, дакъ хочу отслужить молебенъ св. *Ильи*. Посяди жетна да покушайте въ доброе здорровье, а вотъ прійдетъ въ часинку отецъ *Иванъ*, и тамъ и яму будетъ олово. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ священникъ, а въ слѣдъ за нимъ пришли со святыми. Крестьянинъ встрѣтилъ образа у воротъ своего дома, сдѣлалъ земный поклонъ и потомъ иконы перенесли черезъ него: онъ всталъ, перекрестился, поцѣловалъ образа и вдругъ нахмурился. Поставилъ нѣсколько минутъ въ смущеніи, онъ взялъ одну икону, внесъ въ избу и поставилъ на приготовленномъ въ переднемъ углѣ лукошкѣ, прочія же иконы поставилъ рядомъ. Зажгли свѣчи и началось водосвятіе; по окончаніи водоосвященія, священникъ сѣлъ за столъ, на коемъ стоялъ медъ, а о молебнѣ ни слова. — Очividецъ этого дѣйствія, думая, что добрый старикъ забылъ свое обѣщаніе, напомнилъ ему: что же старикъ, ты хотѣлъ служить молебень св. *Ильи*? — Хотѣлъ бы дужа, стѣблалъ онъ, да емшь батюшка не оземъ съ собою св. *Ильи*. — Помилуй! да развѣ отслужить нельзя? возразилъ онъ. — Старикъ взглянулъ на священника, тотъ молчалъ. Потомъ мужикъ сказалъ: ужь до нлого разу; вѣсту св. *Ильи*. —

День св. Пантелеймона есть записанный праздник ^{иногда} по всей Россіи. Снятые колоса съ полей, приносятъ ^{иногда} въ церковь для освященія. Въ другихъ мѣстахъ кормятъ ими скотъ и собираютъ разные дѣлельныя травы, которыя сушатъ и употребляютъ въ домашнемъ быту. Въ Малороссіи Пантелеймонъ называется ^{иногда} подъ именемъ Палія и Палканы, потому что онъ пахитъ и сжигаетъ молнією конны сѣна и скверы хлѣба у тѣхъ, которые не чтутъ его память. Въ злыхъ день поселяне боятся работать. — (*)

Для укрѣпленія лошадей въ силѣ и приданія имъ <sup>Архидіа-
конъ Сте-
фанъ.</sup> большей красоты, совѣтуютъ многіе, чтобы изъ ^{август. 2.} архидіакона Стефана контъ ихъ черезъ серебро. Ему посвящали, въ прежнее время, сѣно и овесъ. На адской византийской иконѣ онъ представленъ верхомъ; предъ нимъ кони у врата толпятся и пьютъ воду. Должно думать, что онъ былъ некогда хранителемъ лошадей. Константинопольскіе воины, во время существованія восточной имперіи, посвящали ему чествованіе. (**)

(*) До Спаса Преображенія гришно есть яблоки, а орехи прежде Воздвиженія. — Это основано на томъ, что яблоки и орехи очень рѣдко вырываются къ этому времени, и что дѣтей трудно удержать отъ лакомства, если не настрашать ихъ и не увѣрить, что это гришно. —

(**) Въ день св. Лупы (авг. 23.), морозомъ окочу лупитъ. — Начинаютъ первые утренники, а тамъ морозы, послѣ оттепели михайловскіе (нояб. 1.) и введельскіе (ноябр. 21.), потомъ говорятъ: Введеніе ломаетъ леденъ. — Въ день Іоанна Предтечи (авг. 29.) не варятъ щей, потому что качанъ капусты напоминаетъ усѣченную его голову. — При наступленіи Воздвиженія (сент. 14.) говорятъ: качанъ съ шубой сдвинутъ, т. е. наступаетъ время теплой одежды.

Фольк-
заррора-
на-
сент. 24.

Мученица Божья, называемая жерлицей и припадаю-
мая въ сѣверо-восточной Россіи; есть окончательная
эпоха собиранія хлѣба съ полей. Съ перваго умолоты
варят кашу, которая называется домолотомъ и под-
чиваютъ его работниками. — Въ то время: обить по-
сить название жерлицы, а молотильники: ѣдятъ въ
честь его кашу, приговарывая: *хозяину хлѣба горюшко,*
а молотильникамъ каши горюшко. — Название жерлицы
вѣроятно произошло отъ того, что работники вы-
ходятъ въ это время на работу, съ первой утренней
зарей. Въ юго-западныхъ частяхъ Россіи жерлицы
неизвестны.

Сергія,
хране-
тель ку-
рей.
сент. 25.

Изъ домашнихъ птицъ куры, доставляютъ въ об-
ществу многообразную пользу. Изъ этого произошло
въ простомъ народѣ повѣрье, что онѣ не портятъ
святымъ и заводятся подъ покровительствомъ мучец.
Сергія, который по сему называется хранителемъ ку-
рей. Его празднество бываетъ сентября 25. Ему при-
ряютъ сбереженіе ихъ, и просятъ у него благослове-
нія на размноженіе курей. —

Божья
Матерь
Покровъ
окт. 4-

Суевѣрные поселяне говорятъ, что Божая Матерь за-
сѣкаетъ поля, а Покровъ собираетъ плоды. Всѣмъ из-
вѣстно, что этотъ праздникъ бываетъ осенью, октяб-
ря 1. Съ этого времени начинаются свѣдѣнья между
поселянами, почему дѣвушки прибѣгаютъ къ Покрову
съ молитвою, о дарованіи имъ жениха.

Молодые дѣвушки молятся въ этотъ день, съ осо-
бымъ усердіемъ, а просятъ Матерь Божію о ниспосла-
ніи имъ жениховъ. — Непременно каждая ставитъ свѣ-
чу предъ Ея образомъ, и весь день проводятъ дѣвушки
въ своемъ кругу. Если попадаетъ къ нимъ случайно
молодецъ, то замѣчаютъ его движенія и разговоры, по
которымъ судятъ о будущемъ. Для этого дня дѣлаютъ

сидящему и лежачему, пять можно считать; говори:
Шекра въ весело проведешь, дружка милого найдешь. (?)

Въ прежніе годы день пятницы: былъ почти повсе-
мѣстнымъ сборнымъ днемъ для торговъ. По городамъ Св. Пят-
ница.
Окт. 28. и деревнямъ, съѣзжались земледѣльцы и купцы, для
сбыта произведеній и совершенія торговыхъ сдѣлокъ,
потому пятница обратилась въ одинъ изъ праздни-
чныхъ дней, а простымъ народомъ она олицетворяема
надъ именемъ св. Пятницы: ей приписывали вліяніе
на скотъ и поля, и приносили очистительныя жертвы;
отправляли божественныя службы и хранили по до-
мамъ образъ, съ изображеніемъ мученицы св. Пятни-
цы: женщины худощавой, высокой ростомъ и съ луче-
зарнымъ вѣнкомъ на головѣ. — Уваженіе къ ней до
такой степени простиралось, что считалось за великій
грѣхъ работать въ этотъ день и предпринимать дальнюю
дорогу, не отслуживши молебна. Считали равнымъ не-
счастіемъ отправляться въ путь въ понедѣльникъ. Въ
языческія времена балтійскихъ Славянъ, князь и судья
производили по понедѣльникамъ судъ и расправу, въ
святищенныхъ рощахъ: тогда виновныхъ наказывали на
мѣстѣ, въ самой понедѣльникъ. По принятіи хресті-
анской вѣры, наши предки вѣроотно обязаны были
являться по воскресеньямъ въ церковь; не исполняв-
шіе же этого, подвергались наказанію и понедѣльникъ
былъ днемъ расплаты. — Отъ этого произошелъ пред-
разсудокъ, что понедѣльникъ несчастный день. Пятни-
ца и понедѣльникъ, составляютъ попятіе между про-
столюдинами и даже между многими образованными
сословіями, предметъ особыхъ гаданій. — Въ эти оба

(*) Октября 28 Парасковій зьявляеця, — съ этого времени на-
чинають почитать пять день.

дни ничего не рѣшаются предпринимать, бывъ уѣзжены въ неуспѣхъ; замѣчаютъ и гадаютъ на шѣлую недѣлю, по особымъ признакамъ разныхъ домашнихъ животныхъ, и изъ нихъ выводятъ особыя для себя предзнаменованія. — Если женщины прили и шили, то св. Пятница наказываетъ ихъ невольными ногтядомъ и заусеницею, или сводитъ имъ руки. Люди съ предрасудками, увѣряютъ, что тогда черти дерутъ лыки съ пальцевъ. Многія даютъ обѣтъ поститься въ понедѣльникъ и пятницу за какіенибудь грѣхи, тяготѣніе ихъ совѣсть, напримѣръ: если женщина заснитъ ребенка, то она налагаетъ на себя обѣщаніе впродъ не дѣлать атого; ставить въ церкви, яредъ образомъ св. Пятницы, свѣчу: молится за свои грѣхи и обѣщается вѣчно поведѣльничать, т. е. не ѣсть по поведѣльникамъ скоромнаго, класть по нѣсколько пенни новъ утромъ и вечеромъ (*) Другія изъ ревности къ

(*) Заснитъ младенца значить, когда безпечныя и криво смяція или пьяныя женщины, кладутъ съ собою на постели младенцевъ, и во время сна задавливаютъ ихъ. Тогда они вѣрятъ, что душа младенца не наследуетъ уже царствія небеснаго. Посему таковой женщины предписываютъ, некоторые суевѣрные, стоять одной въ церкви три ночи сразу, въ очерченномъ маломъ кругѣ. Въ первую ночь будутъ ходить около нея черти, нося ея младенца на рукахъ; во вторую, пойдъ мимо нея, будутъ его давить, бить, щипать и говорить ей, что если она выйдетъ изъ круга, то отдадутъ ей младенца. Какъ скоро она перейдетъ кругъ, то сама сдѣлается добычею дьяволовъ. Въ третью ночь будутъ его мучить въ ея глазахъ, уговаривая ее, чтобы она вышла изъ круга; когда же не послушаетъ ихъ, тогда измучатъ его до смерти. По прошѣтіи патуховъ, они исчезаютъ, оставляя ей измученнаго младенца, котораго она показываетъ всѣмъ, и потомъ пограбаетъ съ

благочестію, воздерживаются отъ всего мяснаго, исключая, если пятница приходится въ какой нибудь годовою праздникъ: Рождество Христово и т. п. — Обычный понедельник и обѣдная пятница, суть не всеобщаго употребленія. —

Въ обѣдній пятницу ничего не работаютъ. Исполняя свое общество налагало на себя обѣщаніе, — не приниматься ни за какую работу, по случаю постигающаго ихъ бѣдствія, напримеръ: паденія, неурожая, засухи,

11

должною почестію. Тогда душа младенца переходитъ въ рай. Это вѣрованіе, происшедшее отъ вѣшенія о должномъ почитаніи къ младенцамъ, грозитъ простодушнымъ и необразованнымъ матерямъ небеснымъ гнѣвомъ. Иначе душевіе дѣтей въ быдлоу состояніи, было бы посемействіе: гражданскій законъ не преслѣдуетъ совѣсти, но религіозное чувство сильно действуетъ на вѣщныя. Мысль, что душа мертвого будетъ мучима въ аду, пробуждаетъ раскаяніе и обращаетъ живущихъ съ мольбою къ Богу. — Отъ чего происходитъ заспаніе младенца? Простой народъ такъ объясняетъ: дьяволы безпрестанно ищутъ души человѣческой, преимущественно немилостивой, а это есть душа младенца. Они оную ищутъ нѣтъ грѣху и доводятъ ее до того, что она, едва только успѣетъ съ своимъ ребенкомъ, какъ они подложатъ его подъ бока матери, дорочаютъ ее во все стороны, пока она не наляжетъ на младенца и не задушитъ его. Это минута ихъ торжества. Они уносятъ съ рукоплесканіемъ задушеннаго, а на мѣсто его кладутъ чурбанъ, превращенный чертими въ мертвого младенца. Пробудившаяся мать рыдаетъ горько и проклинаетъ: грѣхи помутили мѣня! — Для очищенія души своей отъ грѣховъ, она прибѣгаетъ къ свѣтлымъ добровольной. —

Многіе постанутъ въ понедельникъ, въ томъ мнѣніи, что архангелъ Михаилъ не оставитъ ихъ своимъ заступленіемъ предъ Богомъ, въ послѣдній день суда. — Церковь наша отирается службою въ каждый понедельникъ, въ честь архистратига Михаила.

сильныхъ дождей, появленія вреднѣйшѣй червей и др., думая утѣлостивить этимъ св. Пятницу; который, по мнѣнію престолюдиновъ, караетъ ихъ за неоказываніе ей почитанія и за невышолженіе обрядовъ молебныхъ. — Прежде даже писались заповѣдныя записи въ томъ, что бы по воскресеньямъ и пятницамъ: работы не работати, дѣла не дѣлати, никакою чернотѣ; ни угода, ни бѣдѣ, ни лѣсоводжѣ, ни рыбы ловитѣ, ни людѣ, ни животнѣ не работати. — Были даже молитвы, сочиненныя въ честь св. Пятницы, которыя носили на шеѣ, для предохраненія себя отъ чаръ и многихъ недуговъ; привязывали эти молитвы къ больной головѣ, полагая, что это лучшее средство и надежнѣйшее лекарство для излеченія своей боли. — (*) Въ первую пятницу послѣ пасхи, народъ собирался, въ прежніе годы, на ярмарку или торгъ, и совершалъ около дѣвственныя молебны св. Пятницѣ. Самыя часовни именовались пятницами, которыя укрывались иконою св. Параскевы, потому между престолюдинами она именовалась, то св. Параскевію — пятницею, то просто св. Пятницею. — Во время церковныхъ обрядовъ выносили образъ св. Параскевы, увѣшанный ленточками, монетами, цѣтками и душистыми травами. — Народъ встрѣчалъ съ благоговѣніемъ и толпой тѣснился лобызать изображеніе, въ надеждѣ избавленія отъ разныхъ недуговъ. — Цѣтѣы и травы, украшавшія образъ, хранились въ церквѣ, которая потомъ варила и давала пить отваръ отчаяннымъ больнымъ, какъ вѣрное средство къ исцѣленію. — Въ праздникъ св. Параске

(*) Параскева по гречески значитъ пятница; а Параскевѣю именуютъ: она потому, что родилась въ день пятницы.

въ сентябрѣ 28, отправляли собирать божественную славу: новая поля для обрабы, заложить плоды для воспоминанія, и хранить у себя дома до следующего года. (*) Въ юности и въ старости Малороссіи существовали обычаи, описанные въ это время, чтобы водить по деревнямъ женщинъ съ распущенными волосами, подъ именомъ цѣлительницъ. Распущенныя стародубки (черниговской губерніи) водили ее даже во время церковныхъ ходовъ. Въ дубовицѣ, рѣшительнѣ сохранилась преданіе о преданіи св. Пятницы, въ Стародубѣ (черниговской губерніи). Тамъ водили преставленную женщину, по имени Пятница, съ зрѣлымъ ходомъ, и въ приносилъ ей дары. Спрятали ей часовни на перекресткахъ, и во время скопскаго надежа, моровой язве или другому какому-либо бѣдствію, прибѣгали къ ней съ молитвами. (**). Въ исторіяхъ и въ старомъ народѣ почти все покровительницею братскихъ союзовъ, а сельскія невѣсты прибѣгали подъ ея покровъ.

Въ равнинѣ и въ старомъ Россіи пятница имѣетъ различіе, и именно: временною, потому что преданіе св. Параскевѣи приходится всегда случайно въ пятницу; обжорною, бывающею на третьей недѣлѣ пасхальнаго поста, и обжорною: мучбѣнною, отъ поминающаго по усопшимъ. У простаго народа считается девять главныхъ пятницъ: 1. обжорная, на вре-

(*) У Таларова было такъ, въ употребленіи, чтобы носить при себѣ. Вотъ молитва: если дитя не спитъ по ночамъ, то напиши эту молитву въ день пятницы, и приложи ее къ голови дитяти, т. е. угланъ югласа, бу дуанъ джума кювъ битибъ башинга ма- гинъ ханъ малахъ зарѣхъ агаа ги ааа гх ма ааагх аааг аа атх аааа.

(**) Motley: The hist. of the life of Peter the Great. 181.

тѣмъ недѣлѣ великаго поста (*) 2. строгая, 3. сыроед., 4. престоная, 5. разгульная, 6. молебная, 7. пятничная, 8. предпѣтничная, въ день св. Параскевы и 9. девятой пятницы. Въ уѣздахъ: тейкурскомъ (архангельской губерніи) и вельскомъ (вологдской губерніи), отправляютъ ежегодно празднество въ честь пятницы, на первой недѣлѣ Петрова поста, подъ именемъ девятой пятницы. Въ одной старинной часовнѣ, въ пяти верстахъ отъ Верховажья (вологдской губерніи), бывають крестный ходъ и молебствіе, потѣмъ угощеніе и игры. Дѣлашныя и парни играютъ въ молупрѣсть. Офѣ составляется изъ двухъ круговъ: пары сначала сходятся, а потѣмъ пускаются попарно въ запуски. Божарыня бѣгаютъ за парой и стараются ее разорвать, и тѣмъ оканчивается игра. Эта забава напоминаетъ наши древнія малоазійскіе Грековъ запуски, которые упоминались на олимпійскихъ играхъ и были восхваляемы многими поэтами.

Обряды, отправляемые въ честь пятницы, суть разнообразныя: нѣкоторые совершаютъ крестный ходъ около часовни и отпѣвають молебствіе, за концъ слѣдуютъ угощенію и игры. Другіе угощаютъ своихъ тещей и тестей, киселемъ съ масломъ: это дѣлають молодыя зятья въ разгульную пятницу, въ знакъ благодарности за полученіе отъ нихъ непорочной жены.

На торгахъ производили мірано судъ и расправу, когда еще не было устроено единообразнаго гражданского судопроизводства, и самыхъ преступниковъ вы-

(*) Въ буевскомъ уездѣ, костромской губ., зятья угощаютъ своихъ тещей и тестей, на первой недѣлѣ великаго поста, въ пятницу: киселемъ съ масломъ, привозимыхъ въ гробахъ, и тѣмъ эта пятница называется *обокорною*.

водили преимущественно въ то время на площадь, для осужденія надъ ними наказанія, потому что въ торговый день пятницы, самъ народъ собирался. Многія купеческія сѣлки, производились постоянно въ этотъ день, и для таковыхъ оборотовъ было десять торговыхъ пятницъ, на кои съѣзжались все покупщики и продавцы. Въ какое же время онѣ бывали? этого неизвестно. — Должно думать, что онѣ, по разности мѣста, шли свои опредѣленные въ году сборища, облегчавшія сельскіе сѣзды, служившіе урочными временами для сбыта товаровъ и заключенія новыхъ условій.

Въ день этихъ святыхъ католики совершаютъ Священъ и Іуда. окт. 28. пиръ, за упокой усопшихъ, именуемый въ Вѣлорусіи *дзяды*.

Пастухи почитаютъ мученицу Анастасію оберегательницею овецъ, и вѣрятъ, что она одна въ состояніи вырвать изъ когтей волка, беззащитную овцу, — посему прибѣгаютъ съ мольбой: о недопущеніи волка къ стаду овецъ. — Образъ мучен. Анастасіи ставятъ на деревѣ, въ томъ полѣ, гдѣ пасутъ овецъ и полагаютъ, что уже одного этого достаточно. — Другіе обращаются съ мольбою къ мученику св. Мамонту, такъ же оберегателю овецъ. Анастасія, христианка, мученица овецъ. окт. 29.

Косьма и Даміанъ почитаются искусными врачами Косьма-Домъкъ безсребренникъ. ноябр. 1. отъ сильныхъ недуговъ, и потому прибѣгаютъ къ нимъ съ молитвою, въ день праздника ихъ, ноября 1 (°). Нѣкоторые почитаютъ св. Косьму и Даміана, оберега-

(°) Косьма и Даміанъ были близнецы, прославились чудесами въ врачеваніи и подавали помощь больнымъ безденежно, потому прозваны безсребренниками. Еще празднуютъ ихъ день сент. 17. См. Чет. мин. новб. 1. и сент. 17.

галами курей отъ вриного похищенія. — Въ именихъ Космы и Даміана считаются покровителями свадебъ, что доказывается пѣсней:

Тамъ шелъ самъ Козьма-Демьянъ,
На свадьбу Агафонъма:
Ты сватый ли ты Козьма-Демьяновъ,
Да ты смуй ли ка намъ свадьбу
Въковычную, не разрыченную. —

Кузьми-
ки.

Перваго ноября бываетъ дѣвичій праздникъ, называемый кузьминками или *Кузьмой-Демьяномъ* (отъ имени святыхъ Космы и Даміана). За недѣлю предъ этимъ праздникомъ дѣвки, которыя ходили на носидѣль, въ одну избу, дѣлають между собою ссыпню (складчину). Одѣ выпрашиваютъ у своихъ родныхъ разной муки, хлѣба, овощей, дровъ и варятъ пиво; потомъ собирають гречишной муки, а гдѣ жѣтъ ее, то вишневиной, для печенія блиновъ, пироговъ, однихъ словомъ: снабжаются всими нужными припасами для своего праздника. Если не достадуть, то уносятъ ночью изъ чужихъ дворовъ. Тогда многіе изъ домохозяевъ не догадываются у себя куръ, не находятъ въ погребахъ молока, сметаны, яицъ и пр. Потомъ приглашаютъ къ себѣ на веселіе родныхъ, съ конми вируютъ, не забывая ни пѣснь, ни плясать. —

Празднство совершается вездѣ почти однообразно. Вотъ болѣе простосердечное веселіе, бываемое между пензенскими крестьянами.

Приготовивши запасы всякими правдами и неправдами, собираются поклонницы Кузьмы-Демьяна въ назначенную ими избу, въ кумашиникахъ (красныхъ сарафанахъ), въ катяйчатыхъ или просто синихъ льняныхъ сарафанахъ, съ бѣлыми или пестрыми рукавами и круже-

лами; въ шоломовъ фатахъ, поязачныхъ серебристыхъ (i); въ вышитыхъ лентахъ, вышитыхъ по порядку изъ маленькихъ ленточками; въ бѣлыхъ тонкихъ ленточныхъ онучахъ, называемыхъ праздничными. Богатыя бываютъ въ котахъ, отороченныхъ краснымъ сафьяномъ, съ лаптками (**); въ косникахъ (***) и съ лентами въ длинныхъ косахъ, мелко заплетенныхъ. Предъ полуднемъ онѣ зовутъ къ себѣ родныхъ, женскаго пола, покупать горячихъ блинковъ, которые печетъ посторонняя женщина, а за невѣнчаніемъ ея, сами очередуется. Потомъ, наливши буракъ пива (****), надѣваютъ его на рычагъ и отправляются съ этимъ подаркомъ, при пѣніи пѣсенъ, къ своему старостѣ или управляющему; поздравляютъ его съ праздникомъ, (хотя этотъ праздникъ для другихъ ничуть не праздникъ); просятъ его принять отъ нихъ буракъ съ пивомъ, и пожаловать къ нимъ въ гости: откусить мягкихъ блинковъ и искушать моложаваго пивца. Отсюда онѣ идутъ съ пѣснями въ свою хату, и послѣ нѣкотораго времени, отправляются уже просить къ себѣ родныхъ изъ мужескаго пола. — Передъ вечеромъ, а иногда даже передъ обѣдомъ, всѣ собираются и садятся по старшинству за столъ, на которомъ навалены горы блиновъ, щедро намазанныхъ

(i) Лентою называется жесткая, шириною въ три вершка полая, вышитая блестящею шурой, у богатыхъ она вышивается серебромъ; поверхъ ленты позлащаютъ свои фаты или платки, но такъ, чтобы макушка головы оставалась не закрытою.

(**) Девочки шьются изъ разноцветныхъ сидель дождя шитью подобіе сердца, шириною въ три а длиною въ четыре вершка; въ впадинѣ этого сердца, вышивается другое маленькое сердце, къ которому прикреплена ленточка.

(***) Косники связываются изъ разноцвѣтнаго бисера.

(****) Буракъ похожъ на боченокъ.

мѣломъ. Дѣдочкиныя родныя приносятъ съ собою, вѣдомо подарка, пивомъ вина и тутъ же распиваютъ сами. Когда поднесутъ гостямъ пиво, тогда имеютъ дѣвушки :

Полно, полно намъ дѣвушки,
Чужо пиво пить!
Не пора ли намъ, подружки,
Свое затѣвать?
Камва (солодъ) на вить,
А хмѣль на тычинъ;
На тычинъ, на тычинъ,
На самой вершинъ.
Тычиннушка низко гнется,
А хмѣль выше выгнется;
Тычиннушка обломилася,
А хмѣль опустился.
Опустился, обвалился
На мать сыру землю.

Вечеромъ, когда уйдутъ все гости, дѣвушки играютъ въ свои игры, пляшутъ и поютъ съ оставшимися молодыми парнями. Последніе наряжаются медвѣдями, домовыми, смертію, кому какъ вздумается, и стараются, чтобы не узнали ихъ. Узнанныхъ бьютъ безъ милосердія, пока не сбросятъ съ себя своего наряда.

Приглашеніе на праздникъ повторяется на другой день, но на третій зовутъ всѣхъ родныхъ, съ прежнимъ обрядомъ. Если староста или управляющій не былъ у нихъ въ первые два дня, то онѣ считаютъ это не милостію къ себѣ, потому падаютъ ему въ ноги и умоляютъ его. — Въ этотъ день дѣвушки угощаютъ его, съ утра до вечера; забавляютъ его пѣснями, плясками и перераживаніями. Поразгулявшіеся гости; мужчины и женщины, принимаютъ потрѣмъ участіе во всѣхъ заба-

нахъ. Тогда дѣвушки, давъ имъ волю потѣшаться, отправляются по частямъ къ своимъ подругамъ; при пѣніи громкихъ пѣсень. Одна часть встрѣчаетъ пѣнщицу другую, забавляетъ ее плясками, не забывая угощать; послѣ провожаетъ съ тѣмъ же пѣніемъ. Иногда собирается на улицѣ нѣсколько частей, тогда отъ пѣнія стонетъ небо и земля, по выраженію старухъ, потому что каждая сторона силится перекричать другую, думая этимъ понравиться женихамъ. Дружескія прогулки съ распѣвомъ, продолжаются до глубокой ночи.

На юго-западѣ Россіи существуетъ обыкновеніе, что <sup>Екатери-
рина
моло-
даница.
нояб. 24.</sup> предъ днемъ великомученицы св. Екатерины, холостые постятся и молятъ ее: о дарованіи имъ хорошей и доброй жены. Живущіе тамъ католики, совершаютъ это предъ 25 числомъ, потому что у нихъ праздникъ св. Екатерины бываетъ днемъ позже нашего. На самый праздникъ молятся усердно: о ея заступленіи. Послѣ обѣда бываетъ у нихъ пирушка, съ пѣснями и плясками, на подобіе свадьбы. Ложась спать, загадываютъ: приснится ли та, на которой желаютъ жениться? или: какая будетъ суженая? Сны объясняютъ не одни ихъ знатоки, но даже самыя бабы. (*)

(*) Въ Польшѣ дни великом. Екатерины и св. Андрея, считаются роковыми днями для молодыхъ людей, гадающихъ о судьбѣ своей. Мужчины молятъ великомуч. Екатерину, а дѣвушки св. Андрея: о счастливомъ ихъ вступленіи въ бракъ. Въ прежніе годы мужчины сажали сучья вишневаго дерева, въ темныя нѣста, и заботились, чтобы они принялись. Если вишня разцвѣтаетъ предъ Р. Х. или новымъ годомъ, то предвѣщаетъ счастливую жизнь и хорошую партію.

W wigilio Ś. Jędrzeja,
Spełniona moja nadzieja.

Часть VI.

Василий
вспомнил.

Вспомнил въ первый разъ въ поле-есть, счастливый-
бу предъ образомъ Василия великаго, и его особен-
ну надзору поручаютъ окрещеніа самимъ, поому на-
тукъ члуть его и боятся прогнѣвать.

BogdaŃ to sie sprawdziło,
Co mi się ongi wysniła.
Ze z rąk ojca dobrodziejsza,
Zostałem wydana
Za pana Stefana,
Bo też to galant cacany,
Wąs misternie wymuskany,
Tak ułożona zgrabnie czupryna
Ochby za statnego miał kupidyna.

Помъ подушки имли бумажны, съ шпонами дѣвонъ нл
мущеръ. Кто мущеру вытянулъ какую бумажку, та бу-
детъ суженая или суженый. Но ложась спать приговаривали
еще :

Łóżko moje depezę ciebie,
Panie Boże proszę ciebie,
Niech mi się ten przyśni,
Kto mi będzie najmiłszy. —

Давушки въ Подлясін, желая знать : кто будетъ ихъ му-
жомъ? произносятъ : 9. расцѣгу стѣясъ, 9. клѣсцъ, 9. сіѣдцъ,—
потомъ засыпаютъ коноплянными сѣмянми землю, пригото-
вленную въ лубочномъ щипкѣ, и говорятъ :

Св. Андрей!
Я на тебѣ лежъ сію,
Дай мени узнать,
Зъ кимъ буду обирати.

Ложась спать, кладутъ подъ правое ухо кусокъ хлѣба, и
тогда узрѣвы, что каждая изъ загадавшихъ увидитъ своего

Пророкъ Наумъ печатается поминникомъ умственныхъ и механическихъ зачатій. Крестьянинъ, думающій научить грамотѣ своего сына, идетъ спеша къ письменному челоуку спрашивать: *нѣтъ ли завтра какое мученика?* — Если онъ получитъ въ отвѣтъ, что завтра пророка Наума, то служить ему молодежь и вѣдетъ сына къ учителю. Въ другой праздникъ онъ не охотно отдастъ въ ученіе своего сына, потому что *одинъ пророкъ Наумъ наводитъ на умъ.*

Пророкъ
Наумъ.
декаб. 1.

Преподобный Спиридонъ, въ простонародіи ерлице-поворотъ, не есть праздникъ, а народное замѣчаніе, что съ этого времени солнце дѣлаетъ поворотъ на зиму. Церковь почитаетъ, что самъ Спиридонъ поворачиваетъ солнце на зиму, и наблюдаетъ, чтобы оно не скрывалось отъ людей. —

Спиридонъ,
солнце-
пово-
ротъ.
дек. 12.

Полезна отъ пчелъ извѣстна каждому. Еще въ глухое время дикой природы, когда были язычниками, оказывали почитаніе пчеламъ, и думали, что ихъ хранятъ невидимо добрые духи. Какимъ же образомъ два соловецкіе чудотворца: Савватій и Зосима, содѣлались въ народѣ хранителями пчелъ? — Навѣрно. — Обитатели сѣверо-восточной Россіи почитаютъ ихъ и приносятъ въ церковь для освещенія, первые медовые соты. Намъ извѣстно, что эти два чудотворца жили въ концѣ XIV до половины XV в. Преподобный Савватій построилъ (1429 г.) на островѣ Соловецкомъ,

Савватій
и Зосима,
хранители
пчелъ.

сушевого. — Въ некоторыхъ мѣстахъ бѣгутъ лѣзущими, мода саміи дѣла, къ плетню и перебираютъ мода, при промазеваніи словъ: *то молодцы, то молодцы.* На какомъ дѣлѣ останется последнее слово, такой будетъ мужъ. — Царни зная, что лѣзущки побѣгутъ къ плетню, вынавиваютъ коды дѣтень. — Geleh. Gr. i zab. ч. 2. с. 319—321.

расположенномъ на бѣломъ морѣ, мужескій Соловецкій монастырь. — Преподобный Зосима устроилъ монастырь. Отъ чего же именно этихъ угодниковъ, а не другихъ, почтили прозваніемъ хранителей пчелъ? Вѣроятно потому, что они первые перенесли сюда пчелъ, и старались о ихъ размноженіи. —

Царь Давидъ, укротитель.

Народъ весьма уважаетъ царя Давыда; почти каждый грамотный знаетъ наизусть его вдохновенные псалмы. Во время напастей, бѣдствій и горестей, всякій утѣшаетъ себя его священными изреченіями; отправляясь въ дорогу, спрашиваетъ у него защиты отъ лютыхъ звѣрей и разбойниковъ, ибо думаютъ, что Давидъ пѣиетъ и игрою на гусляхъ, усыпляетъ ихъ невидимо, и вездѣ онъ находится съ тѣни, которые прибѣгаютъ къ нему. Такое вѣрованіе къ Давиду (царствовавшему съ 1005-1055 г. до Р. Х.) произошло, нѣтъ сомнѣнія, отъ того, что онъ, будучи юношею—оруженосцемъ у царя Саула, укрощалъ гнѣвъ его сладостной игрою на гусляхъ; что въ одномъ сраженіи съ Филистимлянами онъ поразилъ Голиафа, камнемъ изъ праща; что онъ силою своего краснорѣчія, поражалъ ярость враговъ и наставлялъ на путь заблудшихъ. — Другіе, когда имъ икается или зѣвается, крестятъ ротъ и говорятъ: помини Господи царя Давыда и всю кротость его. (*)

(*) Должно замѣтить, что многіе дни и примѣты служатъ въ народѣ указаніемъ и истолкованіемъ погоды, напр. на канунъ новаго года ставятъ 12 коробочекъ съ солью, или берутъ 12 луковицъ, изъ конхъ каждая бы была 12 слоевъ; выдѣлываютъ каждую луковицу и насыпаютъ ее солью. Каждую коробочку или луковицу называютъ именемъ мѣсяца и на утро осматриваютъ: въ которой коробочкѣ размокла соль, тотъ мѣсяць будетъ дождливый или сырой. — По дню св. Платона и св. Ро-

Простой народъ, поручая многое изъ общешитаго ^{Заклю-} подъ покровъ св. угодниковъ и мучениковъ, ^{ченію.} прибѣгаетъ къ нимъ съ истинной вѣрою; но къ сожалѣнію, часто произноситъ молитвы неправильно, напримѣръ: *батьюшка, Христова Воскресеніе!* — Предъ открытіемъ царс-

мава (новб. 17) заключаютъ о зимѣ. Если день тёплый, то зима будетъ теплая; холодный, — зима холодная. Вообще о погодѣ замѣчаютъ: если солнце заходитъ красно, то день будетъ вѣтряный. Размноженіе комаровъ, мухъ, свѣтлая радуга и летающая паутина предвѣщаютъ хорошую погоду. Растялающийся дымъ по землѣ, — къ невастю; несущійся прямо вверхъ, — къ хорошей погодѣ. — Отсырѣетъ соль, къ невастю. — Такія примѣты и тысячи другихъ, составляютъ въ народѣ ходячій барометръ. Не только бездушные предметы, но многочисленные дѣйствія животныхъ, указываютъ на измѣненіе погоды, ибо нельзя отвергнуть, чтобы животныя не предчувствовали перемѣну. Скотъ мычитъ и роетъ землю предъ бурей и дождемъ, собаки и кошки ѣдятъ траву, домашнія птицы и воробьи купаются въ пыли, лагушки квакаютъ сильно, вороны и галки летаютъ высоко, ласточки ширяютъ почти по землѣ — все это дѣлается къ непогодѣ. — Кошка спитъ, подвернувъ голову подъ брюхо, — будетъ морозъ, а лаятъ невасте; скребетъ ли она лапами, къ ятели. Если кошка дѣлаетъ въ печь, уголья разгораются сильно въ печкѣ, столбы вьются около солнца или очерчивается кругъ около солнца и луны; то предвѣщаютъ морозъ. — Если дерево или лучина трещитъ, когда горитъ, и мечетъ искры; то къ невастю. Это замѣта вѣрнѣе, потому что лучина отсырѣла. — Самъ человекъ предчувствуетъ невасте: является боль въ ревматизмѣ, въ раненныхъ или ушибленныхъ членахъ, горятъ пальцы, болитъ голова, болятъ или чешутся моволы. Есть люди, кои по особому чувству угадываютъ нахожденіе кошки въ комнатѣ, гдѣ бы она не спряталась. При появленіи змѣи отскакиваетъ самая злая собака, при появленіи кошки свертывается змѣя въ клубокъ и не защищается: кошка грызетъ ее безбоязненно а индѣйки заеваютъ змѣю —

нихъ вратъ, когда шаркнеть отдернутая завѣсъ, произносятся мучники: *шаркни Боже по душѣ, по тѣлу, по жиламъ, по дыткамъ, по жиламъ здоровью. Женщины говорятъ: шаркни Боже по бытъю, по жатнѣ, по братьямъ, по сестрамъ, по жиламъ жнвотамъ, по жиламъ здаровью.* Нерѣдко имена двухъ святыхъ соединяють въ одно: св. мучен. Фрола и Лавра, произносятся *Фрола Лавровичъ*; Косма и Даміанъ, *Кузьма Дамичъ* и т. п. Люди, прозванные полуобразованными, обращаются къ мученикамъ и угодникамъ съ теплымъ чувствомъ и твердымъ упованіемъ, въ полученіи облегченія въ болѣзняхъ, горестяхъ, страданіяхъ и несчастіяхъ. Должно радоваться, что эти полуобразованные, сохранили вѣру и упованіе. — Надобно утѣшаться, что они не забываютъ почитать угодниковъ и мучениковъ. Вотъ перечень тѣхъ святыхъ, къ коимъ возносятся чистосердечныя моленія (*). — О сохраненіи отъ пожара и молніи, св. Никитѣ новгородскому (праздн. генв. 31). — О здоровьи младенцевъ: преподобн. Симіону Богопримцу (праздн. февр. 3) и пресвятой Богородицѣ тихвинской (праздн. іюня 26). — Отъ внезапной смерти: священномученику Харлампію (праздн. февраля 13), преподобному Онуфрію великому (праздн. іюля 12), священномученику Садоеу (праздн. октября 19) и великомученицѣ Варварѣ (праздн. декабря 4). — Объ укрощеніи страстей: преподобному Мартиміану (празд. февраля 14), св. мучениц. Олимпиадѣ (праздн. апрѣля 14) преподобному Іоанну многострадальному (праздн. іюля 26). О избавленіи отъ *тресвицины болѣзки* (лихорадки): препод. Марѣ (праздн.

(*) По наименованію святыхъ: съ какими обрадами отправляются возванія? представляется здѣсь, по возможности, одно годовое исчисленіе святыхъ, особенно чествуемыхъ народомъ.

сентября 14). мученицы Фотиния смирлицы (праздн. марта 20) и преподобному Василию новосу (праздн. марта 27). — О прогнании лукавыхъ духовъ отъ людей а. апосто: св. Маркоу (праздн. сентября 16), и преподобному Нисомену (праздн. декабря 23). — О найденіи упроденныхъ нещой и бѣжншихъ людей: мученику Осодору Тирину (праздн. сентября 17). О избавленіи младенцевъ отъ осы, мученику Косму саврійскому (праздн. марта 5). — О разрешеніи отъ немощей и безчадія: преподобному Ипатию (праздн. марта 31.) и преподобному Роману чудотворцу (праздн. ноября 27) — О прозрѣніи слѣпыхъ, пресвятой Богородицѣ казанской. (праздн. іюля 8). О избавленіи отъ муки, умершихъ безъ покаянія, преподобному Пансио великому (праздн. іюля 19). — О исцѣленіи глазной боли: мученику Лаврентію армидіанскому (праздн. августа 10), мученику Леонову сотнику (праздн. октября 16) и мученику Мину египетскому (праздн. ноября 11). (*) — Объ освобожденіи роженицы отъ трудныхъ родовъ: пресвятой Богородицѣ еоодоровской (праздн. августа 16) и великомученицѣ Екатеринѣ (праздн. ноября 24). — О избавленіи отъ запоя: Мойсею Мурину (праздн. августа 24) и мученику Вонифантію (праздн. декабря 19). — Отъ

(*) Когда на глазу бываетъ ячмень, тогда суетвары прокалываютъ его зерномъ ячменя и бросаютъ курица. Иные обводятъ ячмень обручальнымъ кольцомъ и читаютъ молитву; другіе даютъ ячмень кольцомъ, целуютъ глазъ и потомъ плюютъ или поѣснѣ иглу на ниткѣ предъ глазомъ, смотреть на глазъ и плюютъ. Но чтобы зарѣе согнать ячмень, то показываютъ больному глазу кукишъ, только, чтобы при этомъ никого не было, произнося три раза: ячмень, ячмень! вотъ тебѣ кукишъ. Что захочешь, то себя купишъ. Купи себѣ топорокъ, переселись поперекъ (поперегъ). На, на, на. — Въ заключеніе проводятъ по глазу указательнымъ пальцемъ. —

галеиной боли св. пророку Іоанну Предтечѣ (праздн. августа 29). — Отъ пожара и молніи, пречистой Богородицѣ (праздн. сентября 14). — О избавленіи младенцевъ отъ редицы, св. великомученику Никитѣ (праздн. сентября 15). — О изученіи иконнаго писанія, св. апостолу Іоанну Богослову (праздн. сентября 26). — О сохраненіи отъ злаго очарованія, священномученику Кипріану и Устинію (праздн. октября 2). — О исцѣленіи отъ грыжи, великомученику Артемію (праздн. октября 20). О любви мужа къ женѣ, св. мученику Турію, Роману и Авиву (праздн. ноября 15). — О избавленіи отъ скотскаго падежа, св. Медосту (праздн. декабря 18). — Объ истолкованіи сновидѣній и прекращеніи оспы, святымъ девяти мученикамъ. О согласіи мужа съ женою, св. Евангелистамъ. — Объ исцѣленіи больного и вообще отъ всѣхъ болѣзней, образу всѣхъ скорбящихъ. —

II. ПЕДЪЛЯ ВАЙ.

**Выходъ Спасителя въ Иерусалимъ. Древній обрядъ на
вербойной недѣлѣ. Суетныя замѣчанія.**

•

II.

НЕДѢЛЯ ВАЙ.

Спаситель, въѣзжая на ослѣ въ Иерусалимъ для ^{въѣзда} празднованія Пасхи, былъ встрѣченъ жителями, при- ^{Спаси-}
шедшими сюда на праздникъ, съ финиковыми ^{тѣла въ} вѣтвями ^{Иеруса-}
(вѣтвями) и радостными восклицаніями: *осанна!* (спасе-
неніе) *благословенъ грядый во имя Господне.*

Вѣровавшіе въ Него, свидѣтельствовали этимъ воз-
глашеніемъ чудесное воскресеніе Лазаря, которое со-
творилъ Иисусъ Христосъ, за нѣсколько дней до свое-
го въѣзда въ городъ. Многіе изъ Іудеевъ пришли сю-
да, чтобы видѣть не только Иисуса, но и воскресшаго
Лазаря. — Постылали свои одежды и бросали паль-
мовыя вѣтви, гдѣ проѣзжалъ Христосъ. Это торже-
ственное событіе, освященно христіанскою церковью го-
дичнымъ воспоминаніемъ. Воскресные христіане посто-
новили праздновать его ежегодно: одинъ изъ святи-
телей являлся въ этотъ день на ослѣ, и народъ при-
чалъ: *осанна!* — бросалъ, во время его шествія, паль-
мовыя вѣтви. Константинопольскіе патріархи и римскіе
папы, ввели потомъ этотъ обычай въ употребленіе, и
при византійскомъ дворѣ раздавались подарки и мед-
ная монета вай, названная отъ торжественнаго обряда.

Вай значитъ собственно вѣтвь, потому и самая це-

дѣля, въ которую совершалось это дѣйствіе, проименована *недѣлю вай*. —

По разнымъ мѣстамъ Россіи эта недѣля называется: вербной субботою, вербнымъ воскресеньемъ и вербной недѣлю, по той причинѣ, что въ то время освящаютъ у насъ зеленую вербу.

Древній
обрядъ
на верб-
ной не-
дѣлѣ.

Нѣкоторые духовные писатели свидѣтельствуютъ, что Григорій В. учредилъ, въ концѣ VI вѣка, пальмовое воскресенье, которое при Карлѣ В. вошло въ употребленіе на всемъ западѣ, подъ тѣмъ же самымъ наименованіемъ (*dominica palma*). По принятіи нами христіанской вѣры отъ Грековъ, нѣтъ сомнѣнія, что и обычай празднованія вай, тогда же введенъ ими; но мы не ранѣе XVI вѣка встрѣчаемъ народное празднѣніе.

Очень многіе обычаи остались бы въ неизвѣстности, если бы намъ не передали объ нихъ свѣдѣній современные писатели. — Англійскій посланникъ Гаклюйтъ, первый описываетъ (въ концѣ XVI вѣка.) шествіе митрополита, ѣхавшаго на конѣ — Въ недѣлю вай собирався народъ предъ обѣденою, въ Кремль. Изъ храма Успенія выносили тогда большое дерево, обвѣшанное разными плодами: яблоками, изюмомъ, смоквами и финиками; укрѣпляли его на двухъ саяхъ и везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ, въ бѣлой одеждѣ, и пѣли молитвы. За саями шли юноши, съ зажженными восковыми свѣчами и большимъ фонаремъ; за ними несли двѣ восковыя хоругви, шесть кадильницъ и шесть иконъ; за иконами слѣдовали священники въ великолѣпныхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ; за ними бояре и сановники, наконецъ Государь и митрополитъ: послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на конѣ, на которомъ были придѣланы ослинныя уши изъ полотно; конь былъ покрытъ бѣлымъ полотномъ. —

Митрополитъ держалъ лѣвою рукою на каѳѣникахъ св. Евангеліе, екованное золотомъ, а правою благословлялъ народъ. Кошя велъ бояринъ; Царь Іоаннъ грозный держалъ одной рукою поводъ узды, а другой несъ вербу. Путь устилали сукнами. Многочисленное стеченіе людей, съ вербами въ рукахъ, сопровождало это шествіе. — Обойдя вокругъ главныхъ кремлевскихъ церквей, митрополитъ входилъ въ храмъ Успенія, служилъ обѣдню, потомъ давалъ обѣдъ Царю и вельможамъ. — Почти тоже самое говоритъ Маржеретъ, служившій въ смутныя времена Россіи: патриархъ ѣздилъ въ вербное воскресенье на ослѣ, сѣдя бокомъ по обычаю женщинъ; по недостатку же ослѣвъ, брали лошадь: покрывали ее бѣлымъ полотномъ, такъ что, кромѣ глазъ, ничего не было видно, и привязывали къ ней длинныя уши. — Царь велъ лошадь за поводъ, изъ Кремля до церкви, именуемой Іерусалимъ; оттуда въ храмъ Богоматери. Во время шествія растлали особые люди одежду по дорогѣ, шла впереди святителя. Въ запискахъ Вера, между описаніями о церковныхъ обычаяхъ, въ 1627 г., сказано: на шестой недѣлѣ поста бываетъ ввечеру и на утрени служба въ соборѣ, а предъ обѣдней патриархъ ѣдетъ на ослѣ къ Троицѣ на ровъ, и потомъ опять отправляется въ соборъ (*). — Этотъ обычай, какъ видно изъ описанія, давно употреблялся у насъ, но наши лѣтописи умалчиваютъ объ немъ.

Святители не ѣздили на ослѣ, а на конѣ, котора-

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. изд. 1821. с. 466; Гайнхютъ: *Navig., Marger.: État de l'emp. de Russie et gr. duch. de Moscovie; Olear. Diff. begehrte Beschf. der neue. oriental. Reife., etc.* с. 104. изд. 1647. г.

го паряжали ослонъ. — Обыкновеніе же, что Царь держалъ поводъ узды, есть восточное. Патріархи, представляя на востокъ главу Церкви, требовали отъ императоровъ, чтобы они оказывали имъ почести, какія были оказаны Спасителю, при въѣздѣ Его въ Иерусалимъ, потому народъ привѣтствовалъ ихъ : осанна ! и бросалъ подъ ноги : травы и пальмовыя вѣтви, изъ покрывалъ путь дорогами сукнами, и провожалъ ихъ въ церковь съ пальмовыми въ рукахъ вѣтвями.

На западѣ также императоры водили коня, на которомъ сидѣлъ папа. — Въ римской церкви существовалъ обычай возить на колесницѣ рѣзаннаго изъ дерева ослъ, съ изображеніемъ сидящаго на немъ Иисуса Христа. Съ распространеніемъ реформатскаго вѣроисповѣданія, это обыкновение исчезло, и у Нѣмцевъ сохранились одни названія : голубая патха (*der blaue Ostertag*) и пальмовое воскресенье (*Paln-Sonntag*). — У католиковъ, живущихъ въ Россіи, празднуютъ вербную недѣлю по нашему обычаю.

По большимъ городамъ совершали епископы такое же дѣйствіе, какъ патріархи, а воеводы вели лемалъ за узду. — Патріархъ Іоакимъ, разсмотрѣвъ на совѣщаніи нинѣ соборѣ въ 1678 г., обрядъ шестви на ослати, призналъ его нововведеніемъ, и запретилъ архіереямъ проповѣдать его по городамъ, дозволивъ при шествіи носить одинъ образъ Христа. Іоакимъ не хотѣлъ знать, что это обыкновение было въ царствованіе Іоанна IV. Запретивъ шествіе на ослати по городамъ, онъ самъ употреблялъ его въ Москвѣ. Наши первосвятители хотѣли пользоваться уваженіемъ, равнымъ Царямъ. Со смертію патріарха Адріана, въ 1700 г., прекратился обрядъ и въ самой Москвѣ, ибо въ послѣдствіи увидѣли, что это чествованіе оказывали не Христу, но одному патріарху, Историкъ Татищевъ говоритъ : я помню, какъ Гоголь

лари І. Іоаннъ и Петръ звали леопидъ патріарха, прогнавъ его за представителя Христа (*). Наши Государь, оказывали глубокое свое уваженіе къ духовной власти, они при слѣдующихъ случаяхъ: 1) Если Государь приобщался Св. Тайнъ въ соборѣ, въ присутствіи патріарха; то онъ перевязывался въ оутарѣ оралентъ, и приобщался какъ діаконъ. 2) По совершеніи большой менихины, митрополитъ кушалъ у Государя, а Государь стоялъ у него за свѣломъ (**).

Сохранялись нѣкоторые примѣры шестіе на осемь

(*) Положеніе патріаршее и всего собора, о обрядѣ въ тербуну педую благаго, утѣшеніе лета 7436, (1678 г.) хар. — Древн. днл. ч. 6, с. 357. — 363. Успенск. Опытъ о древн. Русскихъ с. 433.

(**) Въ патріаршество Іоакима, едва не былъ поставленъ въ Россію папа. При Царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ находился учителемъ и придворнымъ проповѣдникомъ, монахъ Симионъ. Пеліцый, который, пользуясь особой царскою милостію и будучи преданъ въ католическому исповѣданію, склонилъ Государя на доставленіе въ Москву папы. Въ это время онъ назначилъ изгнаннаго патріарха Никона, предлагалъ быть 4 патріархамъ: въ Новгородѣ, Ростовѣ, Казани и на Крутицахъ а архіепископовъ произвести въ митрополиты. Предположеніе Симиона было бы произведено въ дѣйствіе, если бы Іоаннъ не возсталъ, но злобродетельству къ нему. Онъ обратился къ Царскимъ любимцамъ, просилъ ихъ отговорить пагубное предначертаніе, и исключилъ ихъ на свою сторону, велѣлъ Андрію Лызову сочинить записку, съ изложеніемъ сильныхъ доказательствъ, отъ угрожающаго вреда для Государства, и что, между прочимъ, это предосудительно для памяти Царя Алексѣя Михайловича, который самъ лишилъ Никона патріаршества, какъ недостойнаго этого званія. — Стараніемъ Іоакима уничтожено предначертаніе Симиона. — Успенск. Оп. о древн. Русскихъ. с. 430—431.

въ разныхъ Эпохи. Въ смутное время, когда Москва была въ рукахъ Поляковъ, патріархъ Гермогенъ, окруженный пѣхими и конными Поляками и Нѣмцами, которые стояли съ обнаженными мечами и заряженными пушками, шелъ съ красной площади въ Кремль. — Народъ боялся сопровождать его; нѣсколько бояръ и сановниковъ шли съ печальнымъ лицомъ; лошадь велъ вмѣсто Царя, князь Гондуревъ (*). — Послѣднимъ Олеарій, находясь въ Москвѣ въ 1636 г., такъ описываетъ вербное торжество. — Ходъ начинался изъ большого Успенскаго собора, къ лобному на красной площадѣ мѣсту, съ коего патріархъ давалъ благословеніе народу; потомъ отправлялся въ церковь Василія блаженнаго, въ коей находился приѣздъ шествія Христа въ Иерусалимъ, и по отслуженіи тамъ малобия, совершалъ шествіе тѣмъ же порядкомъ. — Впереди везли большую низменную колесницу, на коей стояло дерево, обвѣшанное множествомъ яблокъ, винныхъ ягодъ и изюмомъ; подлѣ дерева сидѣли четыре мальчика въ стихаряхъ и пѣли: осанна! благословенъ. — За нимъ слѣдовало во множествѣ духовенство, во всемъ его облаченіи, съ крестами, хоругвями и иконами; нѣкоторые пѣли, а другіе кадили предъ народомъ. Потомъ шли гости и лучшее купечество; послѣ дьяки, бояре и князья; за ними самъ Царь, въ богатомъ одѣяніи съ короною на головѣ, и былъ поддерживаемъ подъ руками двумя первѣйшими боярами: кн. Ив. Борисовичемъ Черкасскимъ и кн. Алекс. Мих. Львовымъ. — За Государемъ вѣдалъ патріархъ на лошади, покрытой сукномъ, которая представляла осла, и ее велъ за

(*) Древн. выш. ч. X.

узду самъ Царь. На головѣ патріарха была круглая, изъ бѣлаго атласа, унизанная дорогими жемчугами, шапка. Въ правой рукѣ онъ держалъ, изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, крестъ, коимъ осѣнялъ народъ, принимавшій благословеніе съ благоговѣніемъ; по бокамъ патріарха и позади его, шли митрополиты, епископы и другія духовныя особы; нѣкоторые изъ нихъ несли книги, а другіе кадильницы. Около 50 юношей, одѣтыхъ въ платье, по большей части, краснаго цвѣта, снимали съ себя верхнее платье и растылали на пути. Во все шествіе продолжался, по всѣмъ церквамъ, колокольный звонъ (*).

Не всегда шествіе на ослатѣ происходило одинаковымъ порядкомъ. Патріархъ Іосифъ, (въ 1668 г.) отправившись на красную площадь, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства и народа, остановился на лобномъ мѣстѣ, и послалъ протопопа и ключаря за осломъ, который стоялъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Патріархъ боляринъ спрашивалъ ихъ, а они ему отвѣчали словами евангелія. Потомъ, когда подвели осла, патріархъ взялъ въ одну руку евангеліе, а въ другую напрестольный крестъ и, осѣнявъ Царя, сѣлъ на осла, котораго велъ Царь за поводъ. Шествіе направилось къ успенскому собору. Царь и народъ несли въ рукахъ вербы. По прибытіи въ соборъ, началась обѣдня (**).

(*) Mach.: A relation of three embassies of Carlisle, c. 295-298. Olear. Reise. c. 104-106, изд. 1647 г. in f.; Mottley: The history of the life of Peter the great, т. 1, с. 124-125.; Herb.: Rer. Moscov. com. ed. Amst. 1557 г. с. 49. Petrejm: Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb Ruschlow, с. 681-683., ed. Лейпц. 1620 г.

(**) Триодіонъ 1666 г., говоря объ обрядѣ зай, не упоминаетъ объ ослѣ, (Снегир. Русск. прост. праздн. и пр. вып III. с. 169) Часть VI.

Въ малолѣтство Царей Іоанна и Петра, шествіе это повторялось еще, и патриархъ дарилъ ихъ деньгами по 500 руб.; но со смертію послѣдняго патриарха Адріана, Петръ В. уничтожилъ этотъ обрядъ какъ унижительный для царскаго званія. Въ послѣдствіи, это церковное воспоминаніе замѣнено приношеніемъ зеленой вербы во храмъ для освященія ея. —

Каждый, съ особымъ чувствомъ благоговѣнія, идетъ къ заутренѣ, въ вербное воскресенье. По совершеніи привычнаго празднику богослужебнаго обряда, священникъ окропляетъ всѣхъ освященною водою и помазываетъ чело елеемъ (*).

Истинно-
верб-
ная не-
дѣля.

Вербная недѣля, по большимъ городамъ, составляетъ нынѣ не одинъ церковный обрядъ освященія вербъ во храмѣ, но и нѣкоторые образы, гулянье. — На улицахъ и площадяхъ разставляютъ для продажи распустившіяся вербы и первые весенніе цвѣты. — Изъ живущихъ въ небольшихъ городахъ и деревняхъ, каждый ломаетъ для себя вербу, съ особыми примѣтами, и ѣстъ распустившійся цвѣтъ, — который называется кашею, вчитая ее здоровою. Вкусъ вербной каши

(*) Посвящаемый въ патриархи совершалъ шествіе на осла вокругъ города. (Древ. вѣст. ч. 6. с. 245. надъ 1783 г.) Не мѣнѣе странный обрядъ, происходилъ въ недѣлю св. отецъ предъ Р. Х., подъ названіемъ *пещное дѣйствіе*, или воспоминаніе о трехъ отрокахъ: Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ, которые были брошены въ печь Вавилонянами, за непоклоненіе золотому истукану, но ангеломъ защищены, и они остались невредимыми. *Пещное дѣйствіе* совершалось только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были мѣстопребываніе епископы; въ послѣдствіи этотъ обрядъ уничтоженъ. — Времени уничтоженія неизвѣстно, но должно думать, что это случилось въ царствованіе Преобразователя Россіи, ибо обрядъ совершался еще въ 1678 г. — (Нови. Древ. Вѣст. ч. 6).

сладкій, но надобно, чтобы она была самая молодая. Въ столицахъ: въ Петербургѣ и Москвѣ продаются не только настоящія, но искусственныя вербы. Нигдѣ не бываетъ столь пышнаго и богато-разнообразнаго приготовленія для вербнаго воскресенія, какъ въ Петербургѣ. Съ четверга шестой недѣли до сумерекъ субботы, весь гостинный дворъ, внутри и внѣ, наполненъ искусственными произведеніями вербъ съ плодами, игрушками и разными деревьями южныхъ странъ: деревья лимонныя, обрикосовыя, апельсиновыя, померанцовыя, финиковыя и проч., украшенныя плодами, такъ сдѣланы прекрасно, что неопытный глазъ легко обманывается. Таковыя деревья продаются до 200 руб. Цвѣты въ горшкахъ: розы, глицинты, тюльпаны, незабудки, резеда, лилея, гвоздика, восточный макъ и другіе, спорятъ съ природными цвѣтами, и только разочаровываютъ васъ тѣмъ, что не издають запаха, яблоки, груши, апельсины, дыни, арбузы, хлѣбы, крендели, сухари удивляютъ васъ искусствомъ. Дѣтскія игрушки, въ блестящихъ измѣненіяхъ, духи, помада, курительныя душистыя свѣчи покрываютъ сотни столовъ. Картины, стеклянныя и восковыя изображенія, изъ разныхъ предметовъ царства животнаго, растительнаго и ископаемаго; каменные и кристаллыя яйца, окрашенныя разною краской; рѣзанные изъ разноцвѣтной бумаги херувимы на вербахъ, конфетныя лакомства, миндальныя и шоколадныя каврижки, женскія для работъ мелочныя вещи, съ изысканной отдѣлкою: наперстки, иголки, уборныя штатулки и другія безчисленныя вещи украшаютъ гостинный дворъ, который превращается въ то время въ роскошный базаръ и пышное гулянье. Тысячи людей толпятся здѣсь отъ простаго человѣка до важнаго савонника. Сотни блестящихъ экипажей загромождаютъ

собою всю часть невеликаго проспекта, со стороны Гостиннаго двора. — Посѣщающіе базаръ одѣваются въ богатую одежду, и всякій выказываетъ свой вкусъ и всю изысканную роскошь. Прелестный полъ затмѣваетъ всѣхъ своими щегольскими нарядами. — Царскій домъ удостоиваетъ народное гулянье своимъ посѣщеніемъ. Въ вечеру субботы вербная выставка прекращается, и если она продолжается еще на седьмой недѣлѣ поста, то кой гдѣ, и то для распродажи оставшихся въ незначительномъ количествѣ вещей.

Въ Малороссіи существовало обыкновеніе совершать ходъ, изъ одной церкви въ другую, съ вербами въ рукахъ. По духовнымъ заведеніямъ воспитанники, одѣтые въ праздничное платье, также совершали вербное шествіе, въ сопровожденіи своего начальства. Въ Литвѣ и смежной съ нею Польшѣ, происходило тоже самое. Ученики носили пуки пштовъ и вербы, перевязанные разноцвѣтными лентами.

Сущность
и ма-
нѣваніа.

Теперь совершаютъ у насъ одно освященіе вербы, которая бережется въ домахъ, съ особымъ почитаніемъ. Ее держать во весь годъ, за образами, или затыкаютъ углы коровьихъ сараевъ и стойла, чтобы вѣдьмы не испортили скотъ. — Иные бьютъ слегка свой скотъ освященною бербою, предполагая, что тогда никакая не прикоснется къ нимъ нечистая сила. Таковое понятіе распространено въ большей части Россіи (*). — Когда выгоняютъ скотъ въ первый разъ въ поле, тогда сопровождаютъ его изъ загонѣвъ освященною вербою. Когда бѣгутъ люди, или скотъ, тогда нѣкоторые, по

(*) Есть обыкновеніе, именно, саратовской губ., камышинскаго уѣзда, въ селѣ Лопуховкѣ, что пчеловоды не должны ужинавать при огнѣ (въ вербную недѣлю), иначе не поведутся пчелы.

совѣту знахарей, варятъ вербу съ травами и даютъ пить отваръ. — Кто проспнитъ вербную заутреню, того бьютъ освященной вербою, приговаривая : *не я бью, верба бьетъ, на красныя лица, на мякія перенечи, или верба хлѣсть, бей до слѣзъ.* — Въ Малороссіи говорятъ : *не я бью, верба бьетъ : за твой день, за великъ день.* — *Будь здоровъ якъ верба!* Въ другихъ мѣстахъ есть обыкновеніе спрыскивать спящихъ водою, при чемъ произносятъ тѣже самыя слова, за исключеніемъ окончанія, которое замѣняетъ словами : *Будь здоровъ, якъ вода.* Эти приговорки зашли къ намъ изъ Литвы, гдѣ съ давнихъ временъ было въ обыкновеніи : *ne ja biju, werba bije: za tų deň, za welik deň. Chira w les, zdrowie u kosci.* — На Жмудѣ, въ Литвѣ, простой народъ тоже хлещетъ другъ друга вербою, приговаривая :

Ne asz muszu	Не я бью,
Werba musz,	Верба бьетъ ;
Uż nediely,	Чрезъ недѣлю
Bus welikos. —	Великъ день придетъ.

Тамъ, выгоняя скотъ въ первый разъ на поле, поселянинъ креститъ скотъ и бьетъ каждого освященною вербной вѣтвію, въ томъ мнѣніи, что отъ этого весь скотъ будетъ крѣпокъ и здоровъ.

III. ПАСХА.

Пасха въ ветхозавѣтной церкви. Пасха въ новозавѣтной церкви. Употребленіе крашенныхъ яицъ, и значеніе яйца между язычествомъ. Происхожденіе крашеннаго яйца, и его значеніе между христіянами. Колокольный звонъ. Ознаменованіе Пасхи богоугодными дѣлами. Пасха и куличъ. Приуготовленіе къ свѣтлому воскресенію и суевѣрныя значенія. Мѣстное совершеніе Пасхи.

III.

П А С Х А.

Въ ветхозавѣтной церкви пасха (отъ еврейскаго сло-^{Пасха въ ветхозавѣтной церкви.}ва пасахъ) означаетъ обходъ, потому что ангелъ истребитель, поразившій смертію египетскихъ первенцевъ во всемъ царствѣ, въ одну ночь, миновалъ дома израильскіе. Истребленіе первенцевъ заставило Фараона Рамазеса отпустить Евреевъ въ обѣтованную землю, (Палестину), подъ предводительствомъ Моисея (за 1570. до Р. Х.) Предъ исходомъ изъ Египта, каждый хозяинъ изъ Евреевъ, долженъ былъ заколотъ, по волѣ Божіей, непорочнаго и безъ всякихъ недостатковъ однодѣтнаго агнца, и испечь его цѣлаго на огнѣ. Гдѣ семейство было малочисленное, что немогло съѣсть всего агнца, то поведѣвалось пригласить сосѣда, чтобы ничего не оставалось отъ ужина. Евреямъ сверхъ того приказано было одѣться по дорожному, взять въ руки посохи и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Кровію же агнца окропились ворота каждого еврейскаго дома. Этимъ дѣйствіемъ были означены тѣ дома, которые Богъ пощадилъ.

Въ новозавѣтной церкви пасха есть самъ Іисусъ Христосъ. — Въ праздникъ Воскресенія Христова благовѣстятъ въ полночь, и зажигаютъ повсюду огни и воскуриваютъ ениміамъ. На торжественный благовѣстъ немедленно стекается народъ во храмъ и возжигаетъ

^{Пасха въ новозавѣтной церкви.}

свѣчи. Священнослужители облачаются въ свѣтлыя ризы, и въ этомъ великолѣпномъ видѣ исходятъ церковь во срѣтеніе жениху своему, Христу; совершается крестный ходъ вокругъ храма и «Христосъ Воскресе!» возвѣщается радостно повсюду. Невидимо открываются райскія двери, и въ этотъ день примиренія неба и земли, дѣлаются всѣ друзьями. «*Воскресеніа день и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обьемемъ*», провозглашается постоянно. Царскія врата въ продолженіи семи дней свѣтлой недѣли стоятъ открытыми. — Для празднованія пасхи сначала не было опредѣленнаго дня, и какъ она совпадала съ еврейскою, то положено совершать ее въ первый воскресный день послѣ іудейской, или послѣ перваго весенняго полнолунія. Такое празднованіе пасхи постановлено никейскимъ соборомъ, бывшимъ въ царствованіе Константина великаго (325 г.) Пасха никогда не бываетъ ранѣе 22-го марта и позже 25 апрѣля.

Привѣтствіе и христосованіе начинается прежде всего въ алтарѣ между священнослужителями; потомъ они выходятъ оттуда съ крестомъ, евангеліемъ и св. иконами, и становятся въ одинъ рядъ передъ царскими вратами, лицомъ къ народу. Тогда предстоящіе идутъ къ освященному собору, цѣлуютъ крестъ, евангеліе и иконы. Священнослужители привѣтствуютъ ихъ: *Христосъ Воскресе!* предстоящіе отвѣчаютъ: *Воистину Воскресе!* Цѣлованіе дѣлается всеобщимъ и радостная вѣсть о Воскресеніи соединяетъ сердца правовѣрныхъ узами братства. — Взаимное цѣлованіе соблюдается съ точностію патріархальною по губерніямъ, и не прежде выходятъ прихожане изъ церкви, пока всѣ не перещѣлуются. — Суворовъ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣду, становился въ рядъ съ священниками, и христосовался со всѣми, никого не разбирая. Позади

Суворова стояли денешники съ корзинками крашенныхъ яицъ, и онъ каждому подавалъ яйцо, а самъ ни отъ кого не принималъ. Во всю святую недѣлю онъ угощалъ всѣхъ безъ разбора насхою и куличемъ.

Азіійскіе и еврейскіе народы имѣли обыкновеніе, еще Употребленіе крашеныхъ яицъ въ древнее время, и значеніе ихъ въ древнее время, и значеніе ихъ въ настоящее время. въ древнее время, ставить яйца на столъ, при началѣ новаго года, и дарить ими своихъ благодѣтелей. Для этого раскрашивали яйца разными цвѣтами, особенно краснымъ, который у Кельтовъ почитался самымъ лучшимъ. Въ прежніе вѣки новый годъ начинался съ весенняго равноденствія, съ того самого времени, когда христіане учредили празднованіе пасхи, коѣй присвоено употребленіе крашенокъ. — Не должно думать, чтобы это введеніе было установлено безъ намѣренія. Въ Персіи, въ праздникъ новаго солнечнаго года, марта 20, жители привѣтствовали другъ друга окрашенными въ разную краску яйцами. (*) Такое обыкновеніе сохранилось долгое время во Франціи, Италіи и Испаніи, и это обыкновеніе, какъ нѣкоторые думаютъ, перешло въ Европу отъ Жидовъ. Во время своей пасхи, они ставили на столъ круто сваренныя яйца, знаменуя симъ птицу зизъ. — Естественсмыслитель Плиній говоритъ, что Римляне употребляли окрашенныя яйца при различныхъ играхъ, богослужебныхъ обрядахъ и очищеніи грѣховъ. Плутархъ изъясняетъ причину этого обыкновенія такимъ образомъ: яйцо представляетъ Творца всей природы, вселѣствующаго и все въ себя заключающаго. — Оно, какъ солнце, которое все оживляетъ и рождаетъ, приносилось въ честь Бахусу. — Ученія древнихъ философовъ объ образованіи міра объясня-

(*) Le Brun : Voyages par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales, т. I. с. 191—192. in f.

лись изображеніемъ яйца. Египтяне представляли его подъ видомъ вселенной, и въ его образъ покланялись благодѣтельствующему божеству Кнефу. Храмъ его находился на островѣ Элифантинѣ; истуканъ представлялся въ образѣ челоуѣка, съ гермофродитскими частями, — въ знакъ его совершенства во всѣхъ частяхъ. На головѣ его сидѣлъ ястребъ, — знакъ дѣятельности; во ртѣ держалъ яйцо, — знакъ оплодотворенія и щедротъ. Изъ этого яйца родился *фтаевъ*, огонь, котораго Греки превратили въ Вулкана или Эфганета. Это слово на коптскомъ языкѣ, коимъ говорятъ нынѣшніе Египтяне, значитъ воспромышляющій. Ученіе египетское объ яйцѣ перенесъ въ Грецію Орфей, (жившій за 1200 л. до Р. Х.). Греческіе и римскіе философы выражали яйцомъ дѣйствующую силу природы. Древніе Персы изъясняли изображеніемъ яйца происхожденіе міра. По ихъ мнѣнію, въ началѣ ничего не было, кромѣ Божества; всѣ существа плавали во тмѣ. Наконецъ родилось яйцо: ночь покрыла его своими крыльями; любовь, старшій сынъ Творца имѣлъ попеченіе о созрѣніи яйца. Когда оно достигло плодотворной силы, тогда раскрылась вселенная: солнце и луна, по своей тяжести, опустились со всѣми твореніями. Эту мысль о мірозданіи перенесъ къ персамъ съ востока Зороастръ, коего ученіе сохранено въ *Зенда-Вестѣ*, — священной книгѣ. Персы величали яйцо въ своихъ священныя пѣсняхъ и сохраняли память его употребленіемъ окрашенныхъ яицъ. Они держали еще особо литыя яйца въ своихъ храмахъ, въ изображеніе всего рождающагося.

**Прото-
ходо-
сло-
во
о
не-
малого
яла, и
его
за-
че-
ние не-**

Обыкновеніе привѣтствовать, цѣловать и дарить другъ друга красными яйцами, есть поучительное воспоминаніе о первыхъ ученикахъ и ученицахъ Христовыхъ, которые въ первые дни, по воскресеніи Господа Спа-

сителя, привѣтствовали другъ друга вѣстію : Христось ^{мду хри-} Воскресъ! а вѣрующіе отвѣчали : Воистинну воскресъ! ^{стіана -} и потомъ запечатлѣвали привѣтствіе лобзаніемъ Святой любви. Говорятъ, что Марія Магдалина, отправясь въ Римъ, послѣ вознесенія Христова, для проповѣданія евангелія, предстала предъ императора Тиверія (въ 334 г.), поднесла ему красное яйцо, и тутъ же начала предъ нимъ проповѣдь. Первенствующіе христіане, подражая поступку Св. Магдалины, ознаменовали память Воскресенія Христа, между многими священными обрядами, введеніемъ обычая дарить другъ друга краснымъ яйцомъ. Впослѣдствіи это обыкновение сдѣлалось всеобщимъ въ церкви христіанской, и яйцо послужило изображеніемъ Воскресенія Христова и нашего (*).

Яйцо, родившись отъ птицы, не остается тѣмъ, чѣмъ родилось ; оно даетъ птичкѣ жизнь, сперва внутри себя, а потомъ производитъ ее на свѣтъ. Такъ Иисусъ Христось, возставъ изъ мертвыхъ, даруетъ жизнь сперва духу, а по концѣ времени, воскреситъ и наши тѣла. Для чего же мы даримъ другъ друга краснымъ яйцомъ? Въ воспоминаніе крови Христа Спасителя, пролитой Имъ за насъ на крестѣ.

(*) Иностранцы съ изумленіемъ описываютъ христосованіе и окрашиваніе яицъ. Изъ писателей объ этихъ предметахъ, замѣчательные суть: Herb. Rer. Moscov. com.; Paul. Iovii; Leg. Moscov.; Marger. Etat de l'emp. de Russie; Petrejum Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb Ruschow с. 683—685. Tanner Legat.; Olear. Reise; с. 106 ed. 1647 г.; Mach.: A relat. of three embasies of Carlisle; Mottley The hist. of the life of Peter the great, т. I. подъ статью: the celebration ascaster; Le Brun : Voyages par la Moscov. etc , т. I. с. 33.

Коло-
кольный
звонъ.

Во всю свѣтлую недѣлю, хранится въ церкви на налоѣ освященный хлѣбъ, называемый артосъ. Въ послѣдній день этой недѣли, торжественно благословляется артосъ и раздѣляется между присутствующими.

Всю свѣтлую недѣлю звонятъ до вечера. Въ первый день пасхи читаютъ на разныхъ языкахъ, при колокольномъ звонѣ, изъ евангелиста Іоанна Богослова : *Въ началѣ бѣ слово.*

Россія имѣетъ въ году такіе торжественные часы, которые наполняютъ душу благоговѣйными размышленіями и возносятъ человека къ Творцу вселенной. Это есть воскресная полночь. Изъ мертвого безмолвія, вдругъ раздается необъятный міръ колокольныхъ звуковъ, быстро перекатывающихся въ поднебесномъ пространствѣ, и самое небо, кажется, внимаетъ тогда земному празднеству. Безбожные, поражаемые торжественностію колоколовъ, возносятся мыслію къ безконечному величію Воскресенія изъ мертвыхъ. Тутъ православная церковь лучше выразила свою мысль, нежели римско-католическая. Возьмемъ для сравненія Римъ и Петербургъ. Тамъ Воскресеніе Христово совершается въ полдень субботы, въ церкви св. Петра; стрѣляютъ изъ пушекъ съ крѣпости св. Ангела; народъ стрѣляетъ по городу изъ ружьевъ, пистолетовъ и превращаетъ величественный праздникъ въ забавную потѣху. Въ воскресенье вечеромъ, освѣщаютъ храмъ св. Петра, который тогда снизу до верху покрытъ огнемъ. Еще не все, — Итальянцы ждутъ чего то съ нетерпѣніемъ. Раздался троекратно звукъ колокола, сердца ихъ вздрогнули радостно; въ толпѣ веселой — шумъ, рукоплесканіе и Ave Maria, и Resurrezione, и gloria tibi, Domine, — носятся среди народа, устремившаго свои глаза на крестъ, который весь пылалъ огнемъ; куполъ, фронтонъ, колоны храма потонули въ огнен-

номъ мѣрѣ освѣщенія. — Но это искусственное впечатлѣніе, поражающее чувство черни, никакъ не можетъ сравниться съ торжественнымъ благовѣстомъ, выражающимъ первую пѣснь воскресенія: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!* — Воскресеніе наше совершается въ полночь, въ ознаменованіе, что изъ мрака смерти возсталъ вѣчный свѣтъ жизни. Для встрѣченія Господа, мы призываемся въ церковь, — мы еще видимъ плащеницу, слышимъ надгробныя пѣнія, какія раздавались вчера, и продолжались во всю ночь сѣтованія и вопли Апостоловъ и мироносицъ; — наконецъ отворяются царскія врата, и священнослужители въ сіяющихъ ризахъ выходятъ вѣстниками всемірной радости, съ пѣніемъ: *Воскресеніе твоё, Христе спасе, ангелы поютъ на небеси!* — Они идутъ съ хорухами, крестами а съ ними весь народъ; обходятъ храмъ три раза, и останавливаются предъ затворенными дверьми гроба, отъ котораго еще не отваленъ камень. — Самое начало величественное, выражаетъ необыкновенное провозглашеніе. Всѣ молитвословія и утреннія чтенія, сливаются въ одно пѣніе священной радости. Да празднуетъ весь міръ видимый и невидимый. — Свѣтися, свѣтися, Иерусалиме новый, осіянный славою воскресшаго Господа. — Нынѣ пасха, нынѣ пробужденіе отъ смерти къ жизни. Нынѣ празднуемъ истребленіе смерти, разрушеніе ада и начало новой, вѣчной жизни. Воскликнете Господеви, вся земля да поклонится, и поетъ Тебѣ. Да исповѣдятся Тебѣ людие, Боже, да исповѣдятся людие вси. — Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его. — Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ! — Эти уповательно сладостныя и веселыя пѣснопѣнія оглашаютъ весь храмъ.

Въ 11 часовъ ночи, раздается съ Петропавловской крѣпости первый пушечный выстрѣлъ, въ половинѣ дѣ-

надцатаго второй, а ровно въ 12 третій. Не возможно выразить, какое происходитъ тогда въ душѣ радостное волненіе! — Блеститъ освященіемъ столица, которая, можно сказать, тонетъ въ пожарѣ огней. Улицы, dotted пустыя, безмолвныя и мертвыя, покрываются пародешъ; перекатный гулъ колоколовъ, шумъ, грохотъ отъ безчисленныхъ экипажей, однимъ словомъ, куда не обратите свои глаза, все высказываетъ необыкновенный день праздника.

Нѣсколько разъ я прислушивался къ торжественному звону, и всякій разъ мнѣ слышалась новая музыка и новый хоръ ликующихъ голосовъ. Весь мой слухъ превращался въ безконечный міръ побѣдоносныхъ звуковъ, которые дѣйствуя ни на одинъ слухъ, но и на душу, напоминаетъ каждому человѣку, что все соединилось воспѣть Воскресшаго изъ мертвыхъ. *Воскресеніе твое, Христе спасе, Ангелы поютъ на небеси, а не только мы предстоящіе.*

Первый благовѣстный звонъ, летитъ отъ Казанскаго собора, — отъ него разносятся благодатные звуки по всѣмъ храмамъ, и вся столица въ благоговѣйномъ трепетѣ отъ разнообразно игривыхъ тоновъ колоколовъ: Александро-Невской Лавры, Смольнаго монастыря, Спаса на сѣнной, Андрея первозваннаго, Св. Троицы, въ измайловскомъ полку; Спаса Преображенія, на литейной; Св. Николая Чудотворца и пр. и пр. Петербургъ заглушается непрерывнымъ звономъ колоколовъ. Вообразите себѣ, какое должны произвестъ на сердце впечатлѣніе московскіе колокола! Въ Москвѣ, гдѣ ихъ такъ много.

Празднованіе пасхи, всегда было всеобщимъ и продолжительнымъ. Св. Апостолы завѣщали веселиться, первые семь дней, безъ исключенія. По мѣстнымъ же

карагенскимъ соборомъ постановлено (488 г.) просить христіанскихъ царей о воспрещеніи позорныхъ представленій въ Воскресенье и во всѣ прочіе свѣтлые дни. Тоже самое повторено шестымъ вселенскимъ соборомъ (въ 691 г.). Древніе христіане знаменовали день пасхи богоугодными дѣлами: открывали темницы и давали свободу менѣ важнымъ преступникамъ (*). Константинъ В. простиралъ свои милости не только на христіанскія, но на цѣлыя языческія области. Законами римскихъ императоровъ: Валентіана II, Θεодосіа I., Аркадія (жившихъ съ 375—408) и Юстиніана (527—565) определено, чтобы градоначальники освобождали заключенныхъ изъ темницъ, и отпускали ихъ на волю, не ожидая высшихъ распоряженій правительства. Прощеніе однакожъ не распространялось на тѣхъ, которые вторично впадали въ преступленіе, потому что это значило бы давать поводъ, къ уничтоженію самаго благодѣянія.—Не одно правительство, но и владѣтели рабовъ оказывали имъ свои милости: давали имъ полную свободу, подражая Господу Богу шкупившему насъ отъ грѣховнаго рабства. Въ этотъ день всѣ наслаждались видными благодѣяніями. Пособія и благотворенія щедро сыпались на убогихъ, сырыхъ и нищихъ (**).—Ни что не святитъ столько этотъ день,

(*) У насъ повсюду соблюдаютъ благотворный обычай прощать своихъ враговъ. Существуютъ даже особыя общества благотворителей, какъ напримѣръ, въ Петербургѣ и Москвѣ, которые, жертвуя своимъ достояніемъ, собираютъ еще посильныя приношенія для выпуска должниковъ изъ темницъ.

(**) Въ Петербургѣ сохранился умильный обычай, который, какъ говорятъ, существуетъ также во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ страстную недѣлю и въ недѣлю Свѣтлаго Воскресенія, разносятъ птичекъ въ клеткахъ, какъ то: жаворонковъ, синицъ,

какъ ознаменованіе его христіанскою любовью: радовать благотвореніями бѣдныхъ, беспомощныхъ и несчастныхъ. — Русскіе! вы такъ добры и чувствительны къ несчастію каждаго ближняго, святите в этотъ день своими возвышенными благотвореніями. Много есть такихъ, которые встрѣчаютъ пасху со слезами. Прійдите и утѣшите ихъ. Быть можетъ, многія семейства, томимыя голодомъ, истаиваютъ въ скорбяхъ, а жертва никогда такъ не пріятна Богу, какъ въ то время, когда она приносится чрезъ подаваніе помощи ближнему, хотя бы онъ былъ нашъ врагъ. Мы все дѣти одного Отца Бога, потому все равны предъ Нимъ. Милость Его осыплетъ васъ, за исполненіе святыхъ его повелѣній: люби ближняго твоего, какъ самого себя. — А кто нашъ ближній? Каждый человекъ.

Пасха
пугаетъ.

Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ сѣверныхъ мѣстахъ Россіи, дѣлается пасха изъ творогу, на коемъ вырѣзываютъ кресты или другія священныя изображенія. — Въ южной Россіи пасха готовится изъ хлѣба, со всею изысканностію, и то, что называется здѣсь пасхою, именуется на сѣверѣ куличемъ. По окон-

подорожниковъ и продаютъ ихъ, съ условіемъ на выпускъ. Благотворительная и вмѣстѣ трогательная мысль, и тѣхъ, которые ловятъ для продажи на выпускъ, и тѣхъ, которые покупаютъ, чтобы освободить изъ неволи. — Должно думать, что обычаи освобожденія птицекъ, введенъ нашими терпимыми затворниками, когда онѣ, услаждая свое заключеніе пѣніемъ звонко-голосистыхъ плѣнницъ въ теченіе зимы, выпускали ихъ на волю въ свѣтлый праздникъ, когда выпускали изъ тюрьмы виновныхъ и должниковъ. — Я знаю много примѣровъ, что русскія дѣвушки собираютъ складчину на тотъ самый предметъ, чтобы откупить нѣсколько куличей и выпустить птичекъ на волю. Какая должна быть радость для освободительницъ!

чаіиі освященія, пасху и куличъ несутъ домой, и разговляются въ кругу своихъ семействъ (*).

Въ Малороссіи приготовляются къ великому дню (Свѣтъ ^{Приготовленіе къ свѣтлому воскресенію и евангелия за чтеніемъ} Преподобному Воскресенью), съ особымъ благоговѣніемъ. — Тамъ почти всѣ, въ продолженіе страстной недѣли, не только не употребляютъ ничего рыбнаго, но даже отказываются отъ самыхъ простыхъ яствъ и чая. Хлѣбъ съ водою составляетъ единственную ихъ пищу. — Въ чистый, или великій четвергъ, по отслушаніи чтенія 12 евангелій, которое начинается вечеромъ и продолжается до полночи, возвращаются домой съ цвѣтными зажженными свѣчами, нажигаютъ кресты на воротахъ, дверяхъ, стѣнахъ и по всему дому, чтобы дѣвоушская сила, бѣснующаяся во всю страстную недѣлю, подъ видомъ разныхъ животныхъ и вѣхъ людей, и хватающая ихъ на улицахъ, не похитила бы кого либо изъ семейства, или не причинила кому нибудь вреда. По погребеніи же Спасителя, до Его Воскресенія, черти распространяютъ повсюду ужасъ: они ходятъ по кладбищамъ, рыскаютъ вокругъ церквей и воютъ собачьимъ голосомъ. — Такую собаку немедленно гонятъ изъ дому. — Черти, шатаясь около Божіихъ храмовъ, чтобы пугать молящихся, или чтобы ихъ ловить, не смѣютъ входить въ дома, которые ограждены тогда крестами на дверяхъ, потолкахъ и стѣнахъ. Если ночью встрѣтится съ кѣмъ либо бѣгущая тѣнь, или представится что нибудь страшное, то надобно промѣнать

(*) Когда духовенство ходитъ съ крестомъ по домамъ простолудинцовъ, тогда надоторые изъ хозяевъ сыплютъ на столъ подъ скатерть соль, на то мѣсто, гдѣ должно лежать евангеліе или крестъ, и потомъ этой солью кормятъ скотъ, въ отвращеніе отъ него болѣзней и заразы.

три: раза : да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и все пропадетъ. При слушаніи евангелія не должно дремать, иначе дьяволъ унесетъ въ адъ. Когда же дождутся Великаго дня, тогда ничто не можетъ сравниться съ неизъяснимой радостію: все оживаетъ и все радуется новою жизнью,—даже враги мирятся.

Есть повѣрье во всей Россіи, что воронъ, на зарѣ чистаго четверга, носить изъ гнѣзда своихъ дѣтей купать въ рѣкѣ. Кто окунется прежде птенцевъ, тотъ въ продолженіе всего года будетъ здоровъ. Проспавшихъ заутреню обливаютъ холодной водою.

Страстные свѣчи хранятъ не въ одной Малороссіи, но во всей Россіи, для предохраненія дома отъ непредвидимаго бѣдствія. Въ Малороссіи лютъ свѣчи весьма толстыя и длинныя: бываютъ въ два аршина длины и около десяти фунтовъ вѣсу. При чтеніи евангелій, дѣлаютъ воскомъ отмѣтки на свѣчахъ, для означенія, сколько прочтено евангелій и сколько продолжалось стояніе въ церквѣ. Страстными свѣчами благословляютъ молодыхъ. Также, когда есть въ домѣ безнадѣжный больной, то ставятъ предъ иконою эти же свѣчи.

На святой недѣлѣ берутъ огонь изъ кадильницы и высыпаютъ его въ ведро, думая, что онъ непременно выгнать всю нечистую силу изъ покоевъ, и считаютъ его за нѣкую святость. Въ орловской губерніи существуетъ обыкновеніе, что на святой недѣлѣ ставятъ образъ Божіей Матери въ маленькую кадку, наполненную какимъ нибудь хлѣбомъ: рожью, овсомъ или гречихою, и кладутъ на верхъ зерна три сырыхъ яйца. Давъ имъ полежать нѣсколько времени, разсыпаютъ одну часть зеренъ по двору, а другую высыпаютъ въ жито.

Простолюдины вездѣ въ Россіи вѣрятъ, что когда

воробьи кричать въ чистый четвергъ, то это значитъ, что они радуются вмѣстѣ съ жидами о преданіи Спасителя. Крикъ ихъ: чи, чивъ,—переводятъ на слова: живъ, живъ! т. е., что Іисусъ Христосъ не распятъ, еще живъ, а ихъ щебетанье понимаютъ за постоянное возгласеніе о увесеніи тѣла Христова. По этому самому воробья почитаютъ проклятой птицею. — Нѣкоторые еще вѣрятъ и другихъ увѣряютъ, что въ то время, когда Христа распинали, воробьи приносили къ кресту тѣ гвозди, которые ласточки уносили отъ распинавшихся (*). Въ наказаніе воробьи носятъ на ногахъ оковы невидимые, почему никогда не могутъ ходить, а все прыгаютъ.

Осину почитаютъ проклятымъ деревомъ, будтобы, по преданіи Спасителя, удавился на немъ Іуда; почему листья осины, хотя бы никакого не было вѣтру вѣчно шевелются и переговариваются между собою. Осина имѣетъ чрезвычайную силу противу колдуновъ и встающихъ ночью изъ могилы: вбиваютъ колы осиновой между ихъ плечъ, и тогда ни одинъ уже не встанетъ.

Утверждаютъ, что въ первый день Св. Воскресенья, всѣ черти связаны. Если послѣ утрени пройти съ первымъ яйцомъ по угламъ двора, катая по каждому углу, то навѣрно найдете чорта, съ шапкой невидимкой, которую тотъ часъ должно схватить и надѣть на себя. Но при катаніи яйца, надобно имѣть большую осто-

(*) По этой самой причинѣ народъ считаетъ за грѣхъ бить ласточку; равномерно голубя, пегалицу и синичку: за убіеніе ихъ бываетъ падежъ за скотъ. — Убить воробья не грѣхъ, и не дай Богъ если воробей влетитъ въ пономъ,—это къ зариному бѣдствію.

решилось, чтобы чертъ не схватилъ : тогда какаю-
нѣй ливнѣтъ яйца и продастъ Христа. Кто доста-
нетъ шапку невидимку, тотъ, куда бы не пошелъ въ
ней, не будетъ видимъ, и все можетъ дѣлать, что ему
захочется. — Кромѣ чудесной шапки, каждому хочется
имѣть *перезимный цѣлковый*, коимъ только можно
узнать въ церкви колдуна. Чтобы достать *перезимный*
цѣлковый, надобно вынести въ полночь, въ первый
день пасхи, черную кошку на перекрестки, на концѣ
собираются черти, и бросить ее имъ, или вмѣсто ко-
шки, бросить нитку въ улаши, а самому схватить ле-
жащій адѣсь *цѣлковый*, и бѣжать не оглядываясь. Ес-
ли черти успѣютъ развязать узелъ или разорвать ко-
шку, за которую дерутся, и потомъ догонять убѣгаю-
шаго, то бѣда ему! Если не догонять, то *цѣлковый*
останется при немъ, и чтобы онъ не покупалъ на не-
го, всегда будетъ имѣть его въ своемъ карманѣ не *раз-*
зименнымъ. — Чтобы узнать колдуна, должно одѣта-
ся въ новое платье, съ ногъ до головы, и въ первый
день заутрени на святой пасхѣ, стать съ первымъ вы-
нятымъ изъ подъ курицы яйцомъ, на такомъ мѣстѣ,
откуда можнобъ было видѣть весь народъ и замѣчать:
не стоитъ ли человекъ съ рогами? — Колдуны не мо-
гутъ стоять въ человѣческомъ видѣ, но въ дьявольс-
комъ, потому что они продались чертямъ. — (*)

(*) Способы узнаванія и видѣнія чертей распространены
судѣбными истолкователями Талмудистовъ, дополнившихъ,
объяснявшихъ и измѣнявшихъ законъ Моисея. — Между многи-
ми нелицеприимными, такъ говоритъ простолюдинамъ о чертахъ
кто хочетъ узнать: были ли у кого черти, тотъ пускаетъ воз-
нѣтъ мелкопросеянной золы и посылаетъ ея надъ кроватью:
утромъ онъ увидитъ на золѣ слѣды пѣтушечьихъ лапъ. — Кто

Увѣряють, что на Свѣтлое Воскресеніе играетъ солнце, и это обнаруживается чрезъ сотрасеніе его лучей: Почему многіе, чтобы видѣть какъ оно играетъ, нарочно вѣшаютъ на самыя высокія зданія: на колокольни, башни и дома, и ожидаютъ этого явленія съ нетерпѣніемъ. — Мордва, почитая солнце за божество Чи-пасомъ, приносятъ тогда ему въ жертву птицъ, пирожное и хлѣбные напитки. —

Въ чистый четвергъ стригутъ дѣтямъ волосы въ томъ предубѣжденіи, что они вырастаютъ лучше и не будетъ болѣть голова.

Кто на канунъ праздника Благовѣщенія окончилъ какое либо свое дѣло, тотъ будетъ счастливъ въ своихъ дѣлахъ во весь годъ. На Благовѣщеніе раздаютъ ржаные просфоры крестьянамъ, которые берегутъ ихъ на застѣ. Въ иныхъ мѣстахъ есть застѣта, между женщинами, что если на канунъ Благовѣщенія удастся нѣмъ стянуть что нибудь, то будутъ имѣть успѣхъ въ теченіе всего года. Въ другихъ мѣстахъ думаютъ воры иначе: чтобы удачно красть, то надобно унести чтобы то ни было, во время первой заутрени на святой недѣлѣ. —

Послѣ утрени ходятъ старухи на могилы христосоваться съ умершими, особенно съ родными. Старухи, стоя у могилы и называя по имени отца, мать и другихъ родныхъ, воскладають, рыдая: *Христосъ воскресе*.

желаетъ увидѣть чертей. тотъ пусть добудетъ матку черной кошки, рожденной въ первыхъ родахъ черной же кошкою, тоже родившеюся отъ матери своей въ первые ея роды, — и сжечь эту матку въ порошокъ; потомъ насыпать себя въ глаза порошокъ: тогда увидишь чертей.» — Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1846 г. за ноябрь тысящъ, с. 229—230. см. статью В. В. Григорьева Еврейскія секты въ Россіи.

се! батюшка мой Степанъ Анникемчъ. — На это восклицаніе отвѣчаетъ замогильный голосъ батюшки: *свиститику воскресъ.* Произношеніе словъ: Христосъ воскресъ, производить отрадное умиленіе, потому что вѣрующимъ они подають несомнѣнную надежду на воскресеніе. Въ народѣ есть суевѣрное преданіе о силѣ этихъ чудесныхъ словъ. Со дня воскресенія Господа, Онъ посадилъ въ подземелье, полъ той скалой, гдѣ находился гробъ Его, главнаго сатану, Вельзевула, съ тѣмъ, чтобы отъ одного Свѣтлаго Воскресенія до другаго грызъ бы онъ двѣнадцать желѣзныхъ цѣпей, двѣнадцать желѣзныхъ дверей и двѣнадцать желѣзныхъ замковъ, и когда все перегрызетъ, тогда послѣдуетъ преставленіе свѣта. Сатана сталъ грызть: сначала замки, потомъ двери а наконецъ цѣпи, и всегда остается ему догрызть немножко послѣдней цѣпи: только стоять ему стиснуть хорошенько зубами, чтобы совершенно перегрызть; но въ то время провозглашаютъ священники: Христосъ воскресъ! — замки, двери и цѣпи сливаются опять, и онъ снова принимается за вѣковую свою работу, и теперь грызетъ еще!

Въ католическихъ земляхъ существовалъ обычай бѣснованія, въ продолженіе чистаго четверга и пятницы. Всѣ, почитавшіе себя бѣснующимися, бѣгали къ кресту, который былъ выставленъ всенародно съ кускомъ живоначалаго дерева; корчились, выпускали вой, падали на землю, ревели и низвергали пѣну, чтобы возбудить состраданіе людей, кои въ то время бросали имъ деньги. Другіе начинали бѣсноваться въ опредѣленную полночь, и тогда имъ позволялось бѣгать по городу, реветъ и богохулить. Народъ смотрѣлъ съ трепетомъ, крестился и думалъ простосердечно: это говорить демонъ. Бѣсновавшихся схватывали, водили си-

лей три раза около креста, и когда это не излѣчива-
ло ихъ, тогда оставляли на волю сатаны. (*)

Въ Литвѣ на чистый четвергъ, пряжи, веретена и
прялки, прячутъ далеко въ томъ предубѣжденіи, что
съ ними будутъ встрѣчаться змѣи цѣлый годъ. Другія
снимаютъ пиръ, и по окончаніи его, хозяйка беретъ
зажженную свѣчу, тушитъ, и бросивъ ее въ уголъ,
произноситъ: да погаснутъ очи у нашихъ враговъ, какъ
эта свѣча. —

Въ Черногоріи великій постъ соблюдается со ^{настное} всюю ^{совершен-}
строгостію: тамъ не ѣдятъ даже рыбы безъ разрѣшенія. ^{ніе На-}
Къ свѣтлому празднику откармливаютъ въ каждомъ до-
мѣ борова; въ страстную пятницу убиваютъ его, а въ
субботу пекутъ цѣликомъ. Испеченный боровъ называет-
ся *печиво* (жареное). Если бы онъ не помѣстился въ
пече, то его жарятъ въ лѣсу. Богатые ставятъ на столъ
жареныхъ поросятъ и разные хлѣбы, и всѣ вообще,
въ продолженіе свѣтлой недѣли не употребляютъ дру-
гой пищи. —

Въ черной Россіи ставятъ въ праздникъ Свѣтлаго
Воскресенія, называемаго великая ночь, на нѣсколь-
кихъ столахъ свяченое (куличи), крашенныя и облуп-
ленныя яйца, поросенка съ хреномъ въ зубахъ, ба-
рашка изъ масла, окоронъ, кружокъ бѣлаго сыру,
колбасу, соль, сало, и все убираютъ цвѣтами. Посре-
ди ихъ красуется баба, называемая еще *папушикомъ*.
Это родъ каравая, и большею частию на шафранѣ; бы-
ваетъ вышиною около аршина, и чѣмъ выше, тѣмъ
почетнѣе для дома, честь и слава хозяйкѣ. Около глав-
ной бабы стоятъ небольшія шафранныя, сахарныя и
кружевные бабы. Кружевными названы по своей позд-

(*) Волг. прим. на истор. Леклерка, т. 1. с. 171 и 172.

реватости, похожей на кружева. За ними идутъ пре-
большія лепешки, длиною въ два локтя, шириною въ
одну а толщиною въ четверть; верняя сторона об-
сахаривается и убирается цвѣтами; потомъ слѣдуютъ
мазурки, небольшія сахарныя лепешки, съ миадалемъ
и конфектами. — Почти все это освящается въ день
пасхи, а въ самый ея праздникъ хозяинъ разговляется
освященнымъ яйцомъ, совѣмъ своимъ семействомъ
и прислугою. — Въ этотъ день всѣ бывають дома и
никого къ себѣ не принимаютъ. Простой народъ въ
первые три дня, забавляется битьемъ писанокъ (раз-
рисованными яйцами) и крашенками (окрашенными).
Битье состоитъ въ томъ, что одинъ держитъ яйцо
вверхъ носкомъ, а другой бьетъ носкомъ своего яйца,
и если разобьетъ, то оно достанется ему. Поселяне и
крестьяне ходятъ другъ къ другу и къ своимъ помѣ-
щикамъ христосоваться писанками, за что получаютъ
отъ послѣднихъ, что нибудь въ подарокъ.

Почти такое же обыкновение въ Литвѣ. Тамъ въ
первый день праздника хозяинъ разговляется свяче-
нымъ совѣмъ домашними, начиная яйцомъ, которое
дѣлитъ на столько частей, сколько въ домѣ людей: да-
вая каждому по кусочку, желаетъ каждому дожить до
будущаго Христова воскресенья. Всѣ въ этотъ день си-
дятъ дома, и весьма недовольны если кто посѣтитъ
ихъ. Еслибы сосѣдъ потребовалъ у сосѣда огня, то
не даютъ, и требованіе считаютъ не добрымъ предви-
менованіемъ. На другой день обливаютъ другъ друга
холодною водою, — мальчики же ходятъ по домамъ и
поютъ ораціи (стихи), за что получаютъ по яйцу. Та-
кой обрядъ называется волочебникомъ (wołoszebniem),
ибо онъ означаетъ хожденіе по домамъ съ поздравле-
ніемъ, и это соблюдается въ смоленской губерніи. Вла-
чебникъ означаетъ у Литовцевъ воскресную награду.

Орація, південній про зтокъ случаѣ, на жидуцкомъ и польскомъ языкѣ, почти всѣ одинаковаго содержанія.

Asz masz wajkieles,
Panos Marios tarnelis,
Fjau, ejau kiely
Nulanžian szakiely,
Łelijos szakiely,
Weliku rita,
Lelija prazida ;
Ne diel manis wiena,
Bat diel wisa swieta.

Я малый мальчикъ,
Дѣвы Марія служба ;
Шель, шель дорогою,
Сорвалъ я вѣточку
Лилія вѣточку.
Въ великій день утронъ,
Лилія разцвѣла ;
Не для меня одного,
А для всего свѣта.

Ja mały źaczek,
Boży robaczek,
W szkole nie bywałem,
Różgi nie widziałem.
Różga zielona,
Z drzewa łamiona ;
Nie wielie co umiem
I to ich możoiam powiem :
Na wielką noc rano,
Z grobu z martwych wstano.
Rączkę podnosze
Włóczębnego prosze. —

Я маленькій мальчикъ,
Божій червячекъ,
Въ школы не бывалъ,
Розги не видалъ.
Розга зеленая,
Съ дерева сломаная ;
Не много чего знаю ;
И те вамъ, господа, разскажу :
Въ великій день по утру,
Онъ изъ гроба воскресъ.
Подношу я ручку,
Воскреснаго прошу.

Ia mały rzeźniczek,
Mam ostry nożyczek ;
Będę rzał cielete,
Dla panow na święta.
Przyjdzie siaki, taki,
Dam jemu flaki ;
Przyjdzie ubogi,

Я маленькій мясничекъ,
У меня острый ножичекъ,
Буду рѣзать телятъ,
На праздникъ для господъ.
Придетъ сякой, такой,
Я дамъ ему требуку ;
Придетъ ко мнѣ убогіи,

Dam głowę i nogi.	Я дамъ ему голову и ноги.
Nie śmiejcie się mości panowie,	Несмѣйтесь господамъ мои,
Bo dostaniecie książką po głowie;	Не то получите книжкой по го-
	ловѣ ;
Lepiej jajka dajcie,	Лучше яичко дайте,
Święta witajcie. —	Праздникъ встрѣчайте (*).

Есть еще обычай, что многіе вѣшаютъ въ сараяхъ люльки, и старой и молодой долженъ покачаться въ ней, въ воспоминаніе повѣсившагося Іуды. — Въ смоленской губерніи ходятъ крестьяне, въ первый день св. воскресенья, *волокебничать*, поздравлять. Парни, собравшись въ избу, соглашаютъ первоначально свои голоса, и потомъ отправляются къ господскимъ домамъ, подъ предводительствомъ *мѣхоношаго* и *запѣвалы*. Первый носитъ на своемъ плечѣ валку, унизанную кусками сала, а второй, выступая впередъ, запѣваетъ :

Запѣв. А ишли жъ, брели волокебники, —

Пѣвц. Христось воскресъ, сынъ Божій!

Запѣв. Къ тому двору, Елизаветинному, —

Пѣвц. Христось воскресъ, сынъ Божій!

Запѣв. Лизаветушка, паня добрая, —

Пѣвц. Христось воскресъ, сынъ Божій!

Запѣв. Пана добрая, неспѣсивая. —

Пѣвц. Христось воскресъ, сынъ Божій!

Это приступъ, за этимъ слѣдуетъ вирша :

Запѣв. Въ первомъ часу заутрени, —

Пѣвц. Христось воскресъ, сынъ Божій!

(*) Хорошимъ переводомъ этихъ виршей обязаны г. Романовичу, см. Сынъ Отеч. за 1839 г. № 10. с. 121-123.

Загрѣ. Были камни разнатылись, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Желты пески разсыпались, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. А невѣрные попугалися, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Ницъ на земельку покидалися, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Уставъ же Христось изъ гробика, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Вго личика свѣтлошнвива, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Его платника бѣлешнива, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Да явился жъ Онъ мироносицамъ, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. А дыми потымъ всемъ апостоламъ, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Онъ двзрюшкой да затвореною, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Православныи жъ всъ спровѣдали, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Какъ мы вамъ теперь исповѣдали, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Нетомите же вы насъ, подарите насъ, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Починаальнику чарку горьчки, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Еще сала кусокъ, подмазать усь, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Каждому пѣвцу, по красному яйцу, —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!
 Загрѣ. Мѣхопошему торбу съ грошами —
 Пѣвц. Христось воскресь, сынъ Божій!

Послѣ этого всѣ водочевники, называя въ одинъ го-

лось по имени хозяина и хозяйку, поздравляют съ праздникомъ и идутъ къ другому дому. —

Роскошное угощеніе въ Свѣтлое Воскресеніе господствуетъ во всемъ царствѣ польскомъ. Въ бытность мою въ Варшавѣ, я былъ изумленъ многотисленностію и многообразностію *свяченаго*, хотя я уже былъ знакомъ съ малороссійскимъ. На нѣсколькихъ столахъ были разные хлѣбы, мясное, вина и превосходные куличи. Тамъ, въ продолженіе цѣлой недѣли, многіе не готовятъ ни какого кушанья, однимъ кормятся пасхальнымъ, и имъ угощаютъ всѣхъ.

Въ Галиціи, въ первый понедѣльникъ Пасхи, ходятъ мальчики по домамъ и обливаютъ молодыхъ дѣвушекъ душистой водою, а по деревнямъ чистою ключевой, и поютъ причитаніе:

Z pod kamienia grobowego Chrystus z martwych wstaje,
J dobywa nożyka na święcone jaje.—
Grajcie i pijcie, — pociecha jedyna,
A dajcie mi skosztować, ja mała dziecina.

Ja mała dziecina,
Nie wiem co łacina;
Nie wiele wiem,
Nie wiele powiem,
Powiem wam nowinę,
Że będziem dziś jedli jajki i słoninę,
I jajka farbowane,
I ser przekładany,
I święcone prosie
I chrzan gorzkawy, co kręci w nosie. —

Хозяинъ дома даритъ ихъ деньгами и надѣляетъ свяченымъ (пасхальнымъ кушаньемъ) (*).

(*) Zig. Pauli Pieśn. lud. polsk. w Galicji, с. 29—30.

Въ Малороссіи празднуется пасха радушіею и богатче, нежели на сѣверѣ. Въ нѣсколько рядовъ ставятъ на столѣ паску, приготовленную на разныхъ сладостяхъ и пряныхъ кореньяхъ. Съ пасхою, въ которую воткнута вѣточка священной вербы и восковая свѣча, красуются масляныя изображенія: агнца съ хоругвями или крестомъ, барашка, и проч. блюдо яицъ, окрашенныхъ въ разную краску: желтую, палевую и красную; начиненный поросенокъ съ торчащими въ зубахъ хлѣбомъ, а по бокамъ его зелень и овощи, жареный гусь, индейка, телятина, копченый окорокъ, колбаса, сало, кусокъ чернаго хлѣба, сладкіе пироги, творогъ, сметана, соль, графинъ съ водкою, настойкою и наливкою. На другомъ столѣ стоитъ у богатыхъ чай и кофе. Угощеніе происходитъ ежедневно до полудня. Гости непременно обязаны хоть чего нибудь поѣсть, если не захочетъ обидѣть хозяина; но за особое считается къ нему вниманіе, если онъ всего поотвѣдаетъ. Есть же такіе гости, которые обходявъ десятки домовъ, успѣвають доказывать уваженіе къ хозяину. Отъ тяжести пасхальныхъ яствъ гнутся столы, и все это не снимается въ продолженіе свѣтлой недѣли. — Тамъ всѣ христосуются по просту, безъ чиновъ: дамы и дѣвицы. Прекрасный полъ радъ этому случаю, а объ мужчинахъ нечего говорить. Ни-гдѣ не толпятся, въ это время, столько молодежи, какъ въ семейныхъ домахъ. — Христосуются *писанками* и *крашанками*. Поселяне и всѣ сословія, неизключая дворянства, бывало не войдутъ въ домъ безъ писанки или крашенки. Было бы великой обидою, если бы послѣ христосованія, не принялъ кто нибудь писанки. (*)

(*) Нигдѣ нѣтъ столь изысканныхъ и даже фантастическихъ

Малыши и даже взрослые люди, въ продолженіе воей свѣтлой недѣли, забавляются въ битки. Твердость нося пробуютъ объ зубъ, по звуку узнаютъ крѣпость. Другіе заливаютъ воскомъ носки. Битье въ яйца составляетъ битоманію, и многіе до того доходятъ, что пробиваютъ по сотнямъ. Какъ ни богаты здѣсь пасхальныя яства, но они никакъ не могутъ сравниться съ изящностію и вкусомъ петербургскихъ нуличей, коиъ одинъ видъ возбуждаетъ аппетитъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сохранился обычай, что дѣти, и даже парни, ходятъ по домамъ первые два или три дня Свѣтлаго Воскресенья, и поздравляютъ виршами. Одна изъ таковыхъ виршей, довольно примѣчательная запорожскихъ козаковъ, которую они поздравляли кн. Г. А. Потемкина; въ день Воскресенія Христова, въ 1781 г.—Она сочинена войсковымъ судеею Головатымъ, поэтомъ и любимцемъ кн. Потемкина :

Христось воскресъ,
Радъ миръ увесѣ!
Дождьмыся Божой ласкы.
Теперь уже ксякъ,
Нався всмакъ,
Свяченой пасхи.
Вси гуляють,
Воухваляютъ

Воскресшаго Бога.
Що вже тая,
Всмиъ до рая
Протерта дорога.
Злыи духи,
Власны мухы,
Вси уже послызлы!
Загнавъ Исусъ,

окрашенныхъ яицъ, какъ въ Петербургѣ. Тутъ между тысячами разнообразно вычурными и художественными рисунками на яйцахъ, встрѣтите съ механическимъ устройствомъ, напирмѣрь, съ музыкой. Что прежде считалось чудомъ, то нынѣ стало обыкновеннымъ.—Иъ. Петр. Кулибинъ поднесъ Екатерины В, вмѣсто краснаго яйца, часы въ яйцѣ, которые играли тропарь пасхи.

Въ неслю понусть,
 Щобъ хрестіанъ не грѣши.
 А смерти юта,
 Що намъ тутъ,
 Вельми доучала;
 По болотамъ,
 Очеревать,
 Бижучи прычала.
 Тамъ сунула,
 Теперь бѣга
 Якъ маленка, торопленка!
 Бо Бигъ престонъ,
 Чорта съ хвостомъ,
 Прогнать лѣтъ собору.
 Сей чертальня,
 Змій немальня,
 Изъ смерти немыслиа.
 Во адъ заморты, (замарить)
 Всихъ заморты, —
 Такъ то ниновался!
 Воны тое,
 Вкуны дое,
 Злохавшии ропшуютъ. —
 Хоть старого,
 Хоть малого,
 Де понавъ, тѣмблуютъ!
 Була вола,
 Хана и праа, —
 Та въ рай не пукають!
 На всихъ тунтахъ,
 И на болотахъ,
 Сторожы отомы. —
 Середъ шляху,
 За шляху,
 До некла хватили!
 Того святымъ,
 Попы и чинцы
 Часть VI.

Не минали шляху.
 Хвилосою,
 Крутопоны,
 Набралися страху.
 Пронавъ сей страхъ,
 Зарисъ той шляхъ
 Куньсмъ та болотамъ.
 Де той злыи дучъ
 Глытавъ, лѣтъ мухъ,
 Ненасытнымъ ротомъ.
 Теперь скорый
 Шляхъ просторный,
 До раю протертымъ.
 Безъ сторожей,
 Вся на вѣсели,
 Ворота отперты.
 Уже велятъ,
 Яблума ризы
 Изъ райскаго древа;
 Изъ якого освѣтитъ Богъ,
 А змучила Ева!
 Давно той уми,
 Крычавъ не дучъ,
 Що спокуюмъ Еву.
 Высытъ окляны,
 Бо Богъ заклави,
 Лазити на древо
 За его грѣхъ, не вѣсть,
 Такъ набрѣхавъ Ева.
 Бидна Ева!
 Одну нѣтъ древа,
 Вырвали немыслину.
 Збула власти,
 Треба прасты,
 На гребни нѣтъ!
 За нею тамъ,
 Бидный Адамъ

Щось, кажуть, сирожульки!

Землю конать,

Ципомъ махаты,

Богъ въ раю помучать. —

За ту Кра блду,

Заслужила сію,

Чеснь Адаму.

Що изъ раю

Выбыла у шую!

Глуха жона,

Сама вона,

Яблука простила:

За одинъ яблудъ,

У весь народъ

Въ некло потащыла:

Бигъ милосердъ,

Еву простыть,

Адаму пробачыть.

Дядь дядогу,

Сестри до доту,

Листы въ веба рачыть.

Томъ чортыха.

Старый цыпце,

Не хоче сиринь!

Но лишь тудъ Бигъ,

Самъ на порчъ,

Видъ въ некло, потащыла!

Тутъ Велесудъ,

Попустыть мучъ.

Злаку прихымысь.

Зарививъ, ррррр.

Якъ рррр, рррр.

Голосомъ сиринь.

Крычить пробу,

Що Христу сиринь.

Побачыть!

Не втакъ хлосты!

Що вси косты,

Шолохаты.

И роги пидъ неба.

Нагнавъ трута,

И самого алого дука

Пидтоптавъ, —

Ажъ очы опустиль.

Крычить ма мучъ,

Що всюды струмъ,

Цельзя и доторкиня!

Надуло брррр.

Заперло дука,

Не дае човарудъ!

А сиринь, шолохъ.

Стоя сдука.

Що пидъ алого дука,

Слава, трислима.

Милымъ сиринь.

Отъ Юда, ррррр!

А сиринь Юда.

Зъ того студа

Звернувся, якъ мучуха.

Такъ, мучуха,

Бо тынь сландоу,

Бере сокруха!

Прочы, ааааа.

И ааааа Хааа.

Давно въ некло мучуха!

Уааааааааааа.

Пекло, ааааа.

Якъ Христу, побачыть!

И ааааааааааа.

Крутый узлыкъ,

Зъ тынь развизалъ;

И все Христу,

Якъ на лету,

Усе розказалъ.

Вся злата,
 Була тутъ,
 Ота дравомо шатамъ,
 Седъ подуса,
 Зибіицъ пруса,
 И Крымского хана!
 Мучить дарма,
 У нихъ ярма,
 Съ шын не злызды!
 Съ ярма въ хомуть,
 Съ узами кнуть,
 Другиинъ пути!
 Съ шын до нуть,
 На шынн знать
 Кровавые смуги!
 Щобъ скакала,
 Небрыкала
 Кладуть въ ротъ удмы.
 Понедилкохъ,
 Хотъ не нилохъ,
 Такъ ему заслуга.
 Зыкулывса,
 Занулывса,
 Медве утикъ зъ плуга!
 Святый Аостъ,
 Ваятъ мушкетъ,
 Якъ выстрѣльнъ на гасло!
 Пяшла зъ рая,
 Родоси: пръ неладъ,
 Ано: неладъ заграшъ!

Святъ Сирра,
 Котъ я остра,
 Та жинна рума:
 Вся гадена,
 Ища аъ ворота,
 А вона, — куда дуча!
 Племинныкъ Лотъ,
 Вкупн сыроть,
 Якъ изобразъ бидныкъ
 Такъ ни дверіа,
 Ни амаиріа,
 Не осталасъ мидныкъ!
 Мусіа пророкъ
 Двери и зашлъ,
 И нуръ пробывъ регани,
 А сплюндровавъ,
 Понацдровавъ,
 Нишныи ноганы.
 Власныи бугай,
 Съ коноры въ рай,
 Выверся голодный.
 Уже теперь некло отперъ,
 И шляхъ протеръ,
 До раю свободный. —
 Прадмъ Адамъ,
 И дядько Ханъ,
 Изъ некла удравъ!
 Авраамъ отъ Исааконъ,
 Ледаи: сивиринъ,
 И себѣ полагать.

Не многие изъ народовъ оказываютъ вспомошествованіе всѣмъ безъ исключенія, въ такой степени, какъ въ Россіи, и не многие десятилетия изъ паче всѣхъ другихъ релігіозно и нравственно, какъ русскіе. Великая колѣнная картина жизни вселенныя раскрывается въ

это время въ Петербургѣ. Кто не былъ здѣсь, тому трудно это представить. На одной изъ лучшихъ площадей, которая находится по срединѣ города и называется адмиралтейскою, строятъ деревянныя горы, обставленныя еловыми деревьями; въ сторонѣ отъ горъ красуются увѣшанными разноцвѣтными флагами начеки, въ видѣ креселъ, возковъ, люлекъ, лошадокъ, и пр. и пр. (*) Тамъ русскій гуляетъ отъ всей души: катается съ горъ и поетъ какъ у себя дома. Пѣсельники распѣваютъ любимыя народныя пѣсни. Повсюду непритворное наслажденіе. Ряды лавокъ съ сладкими прощаньями: корзины съ красными яблками, сметанъ, вареники, орѣхи, все здѣсь къ нашимъ услугамъ.

(*) Качели употреблялись въ крестовыхъ войнѣхъ для смущенія неприятеля. Персидцы были недовольны Мобилъ забавляющаго ихъ. Деревяныя горы суть собственно изобретеніе русскихъ, которые взяли потопъ деревянный. Время введенія неопредѣлено; но по исторіи видно, что онъ составляли удовольствіе всѣхъ сословій уже въ Х вѣкѣ. Иностранцы не знаютъ горъ. Парижане взяли съ собою въ Россію деревянныя горы гораздо выше, чѣмъ у насъ, и очень груты и съ перогубами; съ этого легко можно остаткомъ безъ горъ, но Парижане весьма любятъ забавляться катаньемъ.

IV. РУСАЛЬНАЯ НЕДѢЛЯ.

Верховное существо языческихъ народовъ. Водныя существа. Названіе русалокъ. Мѣстіе въ Малороссіи о русалкахъ. Мавка, малы и гречухи. Предохранительныя травы. Теломіи и прекрасныя женщины, сходныя съ мавками. Огніи дѣтировскихъ русалокъ. Мѣстопробываніе русалокъ. Великъ день русалокъ. Темныя свѣдѣнія о русалкахъ въ Россіи, водяныя и лѣтніе. Русалки. Изгнаніе и проводы русалокъ.

это время въ Петербургъ. Кто не былъ адѣсь, кому трудно это представить. На одной изъ лучшихъ площадей, которая находится по срединѣ города и называется адмиралтейскою, строятъ деревянныя горы, обставленныя словыми деревьями; въ сторонѣ отъ горъ красуются увѣшанными разноцвѣтными флагами начели, въ видѣ креселъ, возковъ, люлекъ, лошадокъ, и пр. и пр. (*). Тамъ русскій гуляетъ отъ всей души: катается съ горъ и поетъ какъ у себя дома. Пѣсельники распѣваютъ любимыя народныя пѣсни. Повсюду непритворное наслажденіе. Ряды лавокъ съ сладкими овощами: корзины съ красными яблцами, смородиной, вишнями, орѣхи, все адѣсь къ дѣшнымъ услугамъ.

(*) Качели употреблялись въ востокѣ еще съ древнихъ временъ. Персіяне, болѣе чѣмъ Мюсли забавлялись ими. Деревяныя горы суть собственно изобретеніе русскихъ, которые вѣли потопъ деревянныя. Время введенія неважно; но по исторіи видно, что оны составляли удовольствіе всѣхъ сословій уже въ Х вѣкѣ. Иностранцы не знаютъ горъ. Парижане знали съ недавняго времени деревянныя: оны гораздо выше, кажутся очень груты и отъ перегибаша отъ этого легко можно получить безъ пользы, но парижане весьма любятъ забавляться катаньемъ.

IV. РУСАЛЬНАЯ НЕДѢЛЯ.

Верховное существо языческихъ народовъ. Водяныя существа. Названіе русалокъ. Мѣтивіе въ Малороссіи о русалкахъ. Мавка, малки и гречухи. Предохранительныя травы. Теломіи и прекрасныя женщины, сходныя съ мавками. Огніи дѣтвировскихъ русалокъ. Мѣстопробываніе русалокъ. Великъ день русалокъ. Темныя свидѣнія о русалкахъ въ Россіи, водяные и лѣшіе. Русалки. Изгнаніе и проводы русалокъ.

IV.

РУСАЛЬНАЯ НЕДѢЛЯ.

Вѣрованіе въ существованіе высшаго божества (существовало въ незапамятные времена язычества), но это
браженіе его не держали ни въ рѣзкихъ, ни въ ровныхъ, Верхов-
ное су-
щество
имѣетъ
нѣтъ на-
родовъ.
срашась навѣть гнѣвъ невидимого Бога, къ нему при-
лились съ трепетомъ. Жертвы приносили на откры-
томъ мѣстѣ, неприступныхъ скалахъ и въ непроходимыхъ
рощахъ. Руками не смѣли прикасаться до
жертвенника, который охраняли жрецы съ длинною
бородой, ибо они одни имѣли право отращивать ее,
какъ мѣсто дланей. — Такой властитель вселенной
былъ Громоносецъ. Они воображали его въ рывъ бурь
и вѣтровъ; въ грозы, освѣщавшей небо молніеиспущаю-
щими лучами, вылетающими изъ загорныхъ сводовъ; — вели-
чественный богъ! Въ глазахъ смертныхъ эти шипы
зажигали небо пожаромъ, сыпались на землю при
страшныхъ ударахъ грома, обхватывали зданіе, разби-
вали вѣковые дубы и убивали людей, — ужасный
богъ! Дѣйствіе природы оказывало чуждымъ безум-
іемъ. Люди думали, что такому божеству непротиво-
но подчинены другіе боги, которые получили отъ
него въ управленіе частицу свѣта, земли и водяной
стихи. — Это самое породило множество другихъ бо-

говъ, богинь, нимфъ, наядъ, похожихъ на нашихъ русалокъ, лѣшихъ, домовыхъ и т. п.

У восточныхъ народовъ верховныя существа отличались отъ людей своею уродливостію и кровопійствомъ. Вѣрованія въ нихъ Грековъ заключались въ пѣсняхъ Орфея, (жившаго за 1250 л. до Р. Х.), древнѣйшаго стихотворца. По его мнѣнію, все что было, есть, и будетъ, содержится въ нѣдрахъ Юпитера, который есть перво начало и конецъ. Философы: Анаксагоръ и Сократъ, (живш. во время Перикла, великаго правителя Аѳинскаго, въ полов. V в. до Р. Х.), развили идею объ единствѣ божества, но пылакое воображеніе Грековъ придало каждому предмету божескія свойства. Гомеръ и Гезіодъ, почти современники между собою, (живш. за 900 л. до Р. Х.), назначили предѣлы божествамъ и образовали многобожіе. Народъ приписывалъ своимъ богамъ свойства добрыя и злыя, а потому старались умолить ихъ возліяніями, жертвами разныхъ животныхъ и растѣвій. Они сотворили боговъ, похожихъ на людей. На небѣ, какъ на землѣ, были свои праздники и шумныя игры. Тамъ Аполлонъ забавлялъ боговъ пѣніемъ и лирою, а Терпсихора веселила пляскою.

Вода-
ныя су-
щества.

Греки удостаивали отличныхъ людей названіями: полубоговъ, полубогинь, нимфъ, которые служили богинямъ и пр.—Ничего подобнаго не было у Славянъ; но у нихъ были свои святиицы воды, рѣки и водныя ошаровательныя существа. Русскіе Славяне приписывали озерамъ и рѣкамъ особую святость. Въ глазной болѣ они умывались водою цѣлебныхъ источниковъ, а бросали въ нихъ серебряныя монеты, (*)

(*) Гизель, Синописисъ; Ломовос, истор. и Райча истор. Серб. Волгаръ, Хоръ и проч.

молились деревьямъ особенно дупловатымъ, обвертывая вѣтви убрисами; поклонялись березамъ, липамъ и дубамъ. — Ничего не было священнаго старыхъ дубовъ. Никакая жертва не была приносима безъ украшенія ея вѣтвями; ни какой таинственный обрядъ не былъ столь пріятенъ богамъ, когда совершали его подъ дубовыми вѣтвями. (*) Послѣдній обрядъ измѣненъ въ посыпаніе травою и ставленіе березокъ въ домахъ, на зеленую недѣлю. Народъ вѣритъ, что душистыя деревья, наполняя воздухъ пріятнымъ запахомъ, изгоняютъ злыхъ духовъ, и не допускаютъ русалокъ тѣшиться людьми. Грубый умъ людей, блуждавшій во мракѣ идолопоклонства, творилъ боговъ на всякомъ шагѣ; представлялъ ихъ великанами, со многими головами и окружалъ ихъ гнусными изображеніями: змѣями, жабами, ящерицами и разными гадами, и преклонялъ съ робостію колѣна предъ чудовищными истуканами, изъ коней нѣкоторые были такой величины, что нѣсколько паръ воловъ не могли сдвинуть ихъ съ мѣста. (**)

Но какими образомъ появились у нашихъ предковъ Русалки, которыя доселѣ служатъ предметомъ суевѣрныхъ толковъ? Народъ, сроднившійся съ языческими понятіями, заимствовалъ ихъ отъ переходныхъ вѣрованій, въ бытіе водяныхъ существъ. Греческія Неряды и Гамадріады, Римскія Наяды и кверкветуланы, рѣчныя богини, преобразовались въ наши Русалки. У всѣхъ обитателей Европы онѣ были извѣстны

(*) Aventinus: Annal. Boior., кн. III. i Doederlein: Heydenthum der Alten Nordgauer, с. 18.

(**) Tynman: Ueber die Altert. der Obotriten, с. 293., Gebhardt, Geschf. der Slaven, ч. I. с. 29.

подъ особыми именами: у Нѣмцевъ адъ именемъ *ду-
кискиасъ дукъ*, у Галловъ *Салыскисіа жемичи*, отъ
обитанія въ рѣкѣ Силѣ, у Англичанъ *Озерныи дукъ*;
у Французовъ *Ондны* или *Ундны* (водяныи), у Ли-
товцевъ и Жмуди *Дукти* и *дуки* (рѣчныи). *Гуделки*
(чужеземци), *Униты* (рѣчныи), *Вунданы*, *Онданы* и
Вилы отъ рѣки Вилы; *Нильнянки* отъ рѣки Нѣвны; (*)
въ Польсѣ *Свитезянки* отъ рѣки Свитези; въ Сербіи
Вилы, которыя живутъ на горахъ, скалахъ и при бе-
регахъ рѣкъ. Онѣ представляются молодыми, въ бѣ-
лоснѣжной одеждѣ, съ длинными развѣвающимися во-
лосами по спинѣ, груди и плечамъ; онѣ на како-
го не дѣлаютъ вреда человѣку, и еще благотворя-
ють ему, если заколѣять; онѣ невинны и прелестныи
существа; потому въ Сербіи обыкновенно срязни-
ють красавицу съ вилою, говоря: *Она прекрасна, какъ
горная Вила*. — Вилы собираютъ облака, сотовать мол-
нию и громъ; онѣ иногда собираются пировать вече-
ромъ, и къ нимъ, въ то время, забѣгаетъ рыцарь
танцевать коло. — Всякій другой смертный платитъ
жизнью; стрѣла поражаетъ его въ ногу, руку и серд-
це. Вилы иногда пророчествуютъ людямъ и съ ними
дружатся. Марко Королевичъ, сербскій Ахиллесъ, ра-
нилъ самую Вилу за то, что она уязвила стрѣлою
его товарища; онъ принудилъ ее помогать ему во
всемъ и выдѣлать его друга. — Панъ Секулъ, развѣ-
жавъ по горамъ и дѣсамъ, наѣхалъ сперва на вертепъ
разбойниковъ, потомъ на волчьи берлоги и наконецъ

(*) Narbut. Dzieje staroż. narodu litewsk. т. 1. с. 73. 82-84.
У Скандинавовъ считалось девять водяныхъ дукъ: *Himinglōfa*,
Dufa, *Hedda*, *Hefring*, *Udur*, *Hrofin*, *Bylgia*, *Bara* и *Kolga*. —
Не превращена ли Удуръ въ нашу уньору? —

на забавы Вилъ. Семула схватила одну: напрасно она умоляла его о пощади, предсказывая ему любовь его дружины; рожденіе сына отъ милой жены, поражение Турокъ. Все это случится само собой, сказали онъ, отвѣтъ отъ янѣтъ и продалъ дядѣ, грозѣ Османъ, Іоанну Гуняду. — Сербскія дѣвушки ищутъ Вилъ въ лѣсахъ, и одна изъ нихъ, по имени Милица (милая), особенно есть любимая ими: она съ длинными бровями, румяными щечками и скромная. Однажды, во время танцованія дѣвушками коло, не было Милицы; всѣ горевали: вдругъ явилъ облака, молнія осветила небо, и анѣ, смотря вверхъ, говорили: вотъ увидимъ оу Милицы! Но онѣ обманулись; она стояла между ними, смотрѣла на зеленую траву, и сказала: я не Вида, которая собираетъ облака; я дѣвица, и стою предъ вами. (*) Вотъ увлекательный міръ воображенія славянскаго, которое творило мнимыя существа, обладало въ высшую силу и жило съ ними въ дружбѣ.

Русалки получили свое прозваніе отъ русла Назва-
ніе ру-
салока.
(вѣточника), потому что онѣ были обитательницы источниковъ, рѣкъ и озеръ. (**)

Въ Европѣ долгое время вѣрили въ существованіе Русалокъ, почти до конца XVIII в. Барнѣ Водваторъ

(*) Касурск. — Начерт. славянск. миеолог. с. 144—147.

(**) Татищевъ уверяетъ, что онъ самъ видалъ у св. Димитрія ростов. сочиненіе о славянскихъ божествахъ, между прочимъ и о русалкахъ, см. его Ист. Рос. кн. 1. ч. 1. с. 17. изд. 1768 г.; до вселѣ смерти епископа, не нашам. — Татищевъ полагаетъ, что сочиненіе, изданное въ Берлинѣ на нѣм. яз. *Neftowitsche Religion*, есть переводъ его сочиненія.

уѣхать, (*) что онъ самъ видѣлъ, среди бѣлаго дня, вышедшую изъ рѣки Майбаха водную женщину, которая утащила съ собою ребенка въ воду. Въ сѣверной Шотландіи, (**) по утверженію д-ра Турера и учителя Монро, они два раза видѣли въ Ренмансѣ нагую женщину, которая, смая на морскомъ берегу, расчесывала русые волосы.

Мѣсто
въ Мало-
росіи о
русал-
кахъ.

Въ Малороссіи говорятъ, что Русалки являются съ великаго тыждня (страстнаго четверга), нѣтъ только прекрестятся луга весенней водою; распускаются вербы и зазеленѣютъ деревья и поля, и живутъ на землѣ до глубокой осени. Ихъ представляютъ обнаженными прелестнѣйшими дѣвушками и молодыми женщинами, съ полными вздымающимися грудями и страстными глазами, станомъ гибкимъ и ловкимъ, съ руками круглыми, ногами маленькими; лицомъ не всегда румянымъ: по большей части блѣдными и тоскливыми; волосы на головѣ волнистые, рустые и длинныя до плечъ, но зеленые какъ трава. Выходя на берегъ онѣ расчесываютъ и плетутъ свои косы; при видѣ незнакомаго бросаются въ воду. Тамъ плещутся, играютъ и заманиваютъ ихъ къ себѣ. Кто попадаетъ имъ въ руки, того зашкочиваютъ до смерти.

Малень-
дочка и
гrecуха.

Въ Украинѣ и Малороссіи господствуетъ еще по-вѣрье, что дѣти, умершія безъ крещенія, превращаются въ мавокъ, малокъ и гречухъ, спутниковъ Русалокъ; что злые духи мучатъ этихъ младенцевъ, которые освобождаются отъ ихъ власти, только на зеленые святки. Въ теченіе семи лѣтъ души ихъ лета-

(*) v. Eran: Mytholog. der Alt. Deutschen u. Slaven, ed. Znam. ч. 2. in 8.

(**) Вѣстн. Евр. 1809 г. № 21.

ють по воздуху и просятъ жалобно, чтобы ихъ окрестили. Кто услышитъ плачевный ихъ голосъ, тотъ долженъ произнести : крещаю тебя Иванъ да Марья, во имя Отца и сына и Св. Духа.—Послѣ этихъ словъ они возносятся на небо (*). Нѣкоторые изъ суевѣровъ утверждаютъ, что нигъ случалось видѣть мавокъ въ водѣ, вмѣстѣ съ русалками.

Олицетвореніе водныхъ существъ между Славянами, происходитъ отъ того, что они поклонялись рѣкамъ, напримъ: Бугу, Днѣпру, Двинѣ, Дунаю, Дону и т. п. У Славянъ были даже особые названія женскихъ водяныхъ существъ, какъ то: Дѣвоцѣ, Дѣвѣаннѣ и Данѣ, и должно думать, что это суть имена рѣкъ Дуная, Двины и Дона. Доселѣ въ обрядныхъ пѣсняхъ звучатъ окончательныя слова *данѣ, дунай, вздунай, донѣ, Донѣ Ивановичѣ* и другія.

Во всѣхъ языческихъ религіяхъ вода была предметомъ обожанія, и ее освящали таинственными молитвами. Послѣдователи ученія Зороастра признавали ее, послѣ свѣта, чистѣйшей жизненной силой и потому совершали омовенія при торжественныхъ обрадахъ. Индѣйцы и Египтяне почитали воду за начало жизненное, и оказывали ей божескія возліанія. Египтяне разумѣли еще, подъ именемъ воды, самую Изиду, и у нихъ сосудъ съ холодной водою выражалъ воскресеніе Озириса.—Греки приписывали водѣ воскресающую силу и по водѣ от-

(*) Есть преданіе, что одинъ юноша, считаясь долго на чужой сторонѣ, влюбился въ чернооую красавицу и потомъ женился на ней. Спустя нѣсколько времени, онъ узналъ, что это была родная его сестра. Любя другъ друга нѣжно, и не желая никогда разстаться, они превратились въ цвѣтокъ *Иванъ да Марья*, называемый еще *братъ съ сестрою*. Въ синій цвѣтъ превратился братъ, а въ желтый сестра.—Иванъ да Марья извѣстенъ у травовѣдовъ подъ именемъ *viola tricolor*, фіалка трехцвѣтная.

гадывали будущее. У нихъ родилась изъ воды Афродита, всеобщая любовь, а самая вода была осуществляема ими женою солнца. Брачное сочетаніе воды съ солнцемъ, есть первообразъ любви съ всеоживляющей вселеной.— Такимъ образомъ вода, всегда живительная и цѣлительная, была часто превращаема то въ дѣву обворожительную, то въ жену всеоживляющаго солнца. — Въ Богеміи и Польшѣ долго почитали воду подъ именемъ *дъвоми* и *дъвакны* а у при балтійскихъ Славянъ подъ именемъ *дъвы*, и ея храмъ находился въ *Дъвинь-градъ*, который переименованъ Нѣмцами въ Магдебургъ (*). Въ Лужицахъ сохранилось повѣрье, что въ лунныя ночи бѣгаетъ *дъвои* съ собаками по лѣсу и пугаетъ зѣбрей (**), а у насъ бѣгаютъ русалки по лѣсу, рощамъ и травѣ, или плещутся въ рѣкахъ и озерахъ: тогда мавки часто раздѣляютъ удовольствія и забавы русалокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ донынѣ сохранился обычай, что въ русальную недѣлю развѣшиваютъ по деревьямъ полотенно, которое будто бы мавки и русалки берутъ себѣ на рубашки. Иныя суевѣры раскладываютъ еще горячій хлѣбъ по окнамъ, думая, что паромъ его бываютъ сыты русалки.

Сохранилось еще повѣрье, что въ дни русальные не должно бросать скорлупу отъ выѣденныхъ яицъ, а надобно разкрошить на мелкія части, потому что если скорлупа попадетъ въ воду, то русалки состроятъ изъ нея корабликъ и будутъ плавать на зло людямъ. Если же кто выброситъ на дворъ скорлупу, потомъ накопится

(*) *Mägdenburg* или *Mädchenburg*, — Cranz: *Histor. ecclesiast.* c. 4.

(**) Grim. *Deutfch. Mytholog.* c. 706.

изъ мѣй вода и наплется сорока; то на того нападетъ лисица. Смыслъ этого повѣрья, конечно, состоитъ въ одной остротѣ: чтобы выбрасываемыя соруны не приучали собакъ таскать лайпа, и не поважились бы домашнюю птицу разбивать свои лайпа и выпивать изъ.

Между малороссійскими поселеніями саратовской губерніи перенятыя повѣрья о русалкахъ. Тамъ думаютъ, что онѣ безобразныя: косматыя, горбатыя, съ большимъ брюхомъ и острыми когтями, длиною гривою и жалѣннымъ прыскомъ, концы онѣ ловятъ проходившихъ. Бѣгаютъ по селамъ и лѣсамъ, ища себѣ добычи; ныряютъ въ воды, и если кто станетъ купаться на Тройну, не прочтаетъ молитвы, того русалки непременно утамятъ на дно. Если кто пойдетъ въ садъ или лѣсъ безъ пучка полыни, то онъ погибнетъ; потому что русалки вдругъ спросятъ его: имъ у тебе въ рукахъ: ли полынь, чи петрушка? Онъ долженъ отвѣчать: полынь. Русалка побѣжитъ мимо и скажетъ: *зачиша онъ имъ (привидѣнъ подъ плечу)*. Если онъ вѣтитъ: петрушка, то она скажетъ: *ахъ! мѣа душоа!* Съ этихъ словъ начнетъ шкотать его, пока не доведетъ въ лѣсъ изъ его рта.

Но поубѣжденію поселятъ оленедней губерніи, въ нихъ сарахъ накладываютъ подволныя царства: русалокъ, которыхъ, при закатѣ солнца, пашутъ и играютъ въ водахъ, накладываютъ на берегахъ и расчесываютъ свои длинные мокрые волосы. Русалки, по словамъ расквашниковъ, хотятъ на обманутыхъ женщинъ, съ кою только очинишь, что воносъ у нихъ на головѣ зеленый. Добродушные вѣрятъ произносимымъ, противу нихъ, колдовствамъ и заговорамъ; вѣрятъ въ существованіе лѣсовика, водяника и домовика; называя ихъ: *хозяинъ, онъ, другая поповина, дядушка*. Иные думаютъ,

что сибиряки пожелали видѣть домовато, стоять только въ свѣтлый праздникъ, между заутреннею и обѣденою, отправятся съ зажженною свѣчою въ хлѣбъ; тамъ, въ которомъ нибудь углу, будетъ непремѣнно стоять онъ лицомъ къ стѣнѣ. — Чтобы вызвать лѣсника, надобно нарубить молоденькихъ березокъ и верхушками сложить въ середину; потомъ сѣсть съ собою крестъ, и ставъ посреди этихъ березокъ, прикнутъ: *дядушка!* онъ тотчасъ явится. Другіе рассказываютъ, что имъ случалось встрѣчать въ лѣсу нечистаго, который весь мохнатый, съ зелеными волосами на головѣ и съ такой же бородой. Нечистымъ духамъ приписываютъ многія страсти людей: шны изъ нихъ картежники, и проигрываютъ между собою всю рыбу, даже съ озеромъ и рѣкою; а другіе больше пьяницы; взяли ведро, вышнваютъ изъ него водку, однимъ залпомъ (1).

Предохранительныя травы — трава — трава.

Въ народѣ употребляются предохранительныя травы отъ нападенія и шкочанія русалокъ: это — полынь и зоря; которыя такъ сильно на нихъ дѣйствуютъ, что довольно имъ бросить эти травы въ глаза и — онѣ тотъ часъ разбѣгутся.

Телони — женщины, сходство съ Масками. Телони — женщины, сходство съ Масками.

Греческія Телони и прекрасныя женщины имѣютъ сходство съ Масками. Телони суть дѣти умершія безъ крещенія; онѣ выходятъ изъ превосходныхъ жилищъ и живутъ въ утреннихъ царствѣ. Мать слышитъ голоса своего дитяти въ шумъ южнаго вѣтра, и для успокоенія дѣти курить благовонія предъ иконою Божіей Матери, которую украшаетъ бѣлыми ризами. Въ продолженіе сорока дней, послѣ Воскресенія Христова, души Телоній носятся надъ дугами, въ свѣтѣ радуги.

— — — — —

— — — — —

(1) Дашевскій. Опис. Олонкинской губерціи, помѣщ. въ Журн. Мин. Внут. Дѣлъ за 1844 г. № 12, с. 423-424.

ныхъ бабочекъ, дѣлѣ и другихъ разноцвѣтныхъ и красивыхъ наѣкомыхъ; онѣ питаются сокомъ цвѣтовъ (*). Прекрасныя женщины живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, на душистыхъ полянахъ и въ селеніяхъ; иногда посѣщаютъ шумные города, собираются при источникахъ и забавляются плясками; отдыхаютъ въ тѣни густыхъ деревь, похищаютъ хорошенькихъ дѣтей, юношей и дѣвицъ, или надѣляютъ ихъ сокровищами (**). Греческія повѣрья, во многомъ сходныя съ Русалками и Мавками, имѣютъ въ своемъ основаніи тѣ же ручьи, озера, источники, дремучіе лѣса и рощи: различаются только мѣстностію.

Въ дніпровской Россіи утверждаютъ поселяне, что ^{О гни дніпров- скихъ ру- салокъ.} огни, которые свѣтятся ночью на могилахъ, насыпанныхъ курганахъ, въ рощахъ, лѣсахъ и на поляхъ, разводятся дніпровскими русалками, для того, чтобы заманить къ себѣ людей, и потомъ, схвативъ ихъ, бросить въ Днѣпръ (***). Онѣ между народомъ изображаются страшными, и ими пугаютъ дѣтей, какъ кievскими вѣдьмами. На канунѣ Троицына дня, Русалки, по мнѣнію Малороссіянъ, бѣгаютъ по полямъ, застигнутымъ хлѣбомъ, и хлопаютъ въ ладоши, приговаривая: *бухъ, бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила.*

Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на ^{Мѣсто- пребыва- ніе руса- локъ.} берега выходятъ только поиграть. Съ Троицына дня до Петрова поста, шатаются по землѣ; живутъ тогда въ лѣсахъ на деревьяхъ. Любимое ихъ дерево кленъ и дубъ. Качаются на зеленыхъ сучьяхъ и разматываютъ

(*) Вѣст. Евр. 1827 г. № 7 и 8.

(**) Снегиревъ: Руск. простонар. праздн. и суевѣр. обр. выпускъ IV. с. 4.

(***) Одесскій альм. 1831 г.

Часть VI.

пращу, которую уносить отъ поселанокъ, заснувшихъ безъ молитвы (*). Съ ключальной подѣли, онѣ аугаютъ въ лѣсахъ и зазываютъ къ себѣ съ хохотомъ прокожихъ: *Ходите къ намъ на рѣки качаться. Уводятъ нѣхъ въ чашу роши или лѣса, а зашекочиваютъ до смерти. Знатоки въ заклинаніяхъ нечистой силы, сохраняютъ, какъ величайшую тайну одинъ черодѣйный заговоръ, который разгоняетъ русалокъ; даже самыя дьяволы разбѣгаются со страхомъ отъ этихъ заклинанійныхъ словъ:*

Ау, ау — шихарда кавда!
 Шивда, вивда, митта, минюгамъ.
 Каламди, ниди, якуташна битамъ,
 Окуто-ми нуфсанъ, зидлама,
 Конопамъ, коноца, таррарра,
 Тидуль, кадаланъ, авдалъ, майда.
 Ябудаль, мейда, викангъ, гизн
 Коно-то-по, іо-іа, іо-іо, іоцохъ, мацахъ, я-ца
 Іо-пи-ни-паццо.; Закоотомъ, заоцамъ, никамъ
 Шолда, колда. — Пафъ, пафъ, пафъ, паццъ.
 Кинцо, пинцо, тинцо, дыньоцонъ.
 Цонъ-чанъ-ценъ! щонъ,
 Щондъ, дынзе!
 Кудинъ-то Іоль, чиходамъ, шамъ
 Болдо ро-ко, булдарамъ, гашенъ, мондырь!
 Ау, ау — шихарда, кавда!
 -Руку — куру-ту! киръ-дынъ,
 Тырь-шаръ-кордоко,-ау!
 Коно-то-по-іо, іа, іо, іо-покъ-покъ
 Русалокъ,— русалокъ, корто-то бухъ бухъ.

(*) Макаровъ : Русскія преданія, кн. I. 1838 г.

Ну шуду, голтоль, боля, когда.
 Шаррахъ, ко-фундо, шаррахъ-слонать полкъ
 Шонъ, шонъ, шонъ-шницъ.
 Донъ-дуръ-торъ-шонъ
 Купу-тонцъ, мяукеръ-шон, —

При послѣднихъ словахъ бросаютъ заплеча полынь или зарю, и убѣгаютъ не оглядываясь (*).

Въ народныхъ разсказахъ сохранились нѣкоторые загадки русалокъ, которыя загадываютъ первому попавшемуся парню или дѣвушкѣ.

Ой бѣжить, бѣжать красная дивчинонька,
 А за мною та русалочка.
 Ты послушай мене, красна паночка.
 Загадаю тобі три загадки:
 Коли ты загадаешъ я до батька пуцу;
 А якъ не загадаешъ, я до себѣ воаму.
 Ой що росте та безъ корня?
 Ой що бѣжить та безъ повода?
 Ой що росте безъ всякаго цвѣту?

Путникъ задумывается и не отгадываетъ, но русалка, какъ говорить повѣрье, — не даетъ ему отгадывать, сама отвѣчаетъ ему:

(*) Заговоръ списанъ со словъ Кіевскихъ ворожей. — У нихъ, кромѣ сихъ заклинаній, натаются и другія, но столько же бессмысленныя, непонятныя и безтолковыя, какъ самыя вороженіе. Онѣ часто сами составляютъ, по произволу, всякаго рода заговоры, и утверждаютъ, что это одно спасеніе противу русалокъ, которыя на зеленую недвлю становятся чрезвычайно сердитыми, даже до башенства, и все, что не попадется имъ, портятъ, особенно молодыхъ супруговъ. Вся заговоры звучатъ татарскими словами.

Камень растетъ безъ корня,
 Вода бѣжитъ безъ повода,
 Папороть растетъ безъ великаго пшиту.—
 Дивотка загадочки не изгадала,
 Русалочка ее загоскотала. —

Русалки немедленно бросаются на дѣвушку, обвиваются около ея шеи и щекочатъ подъ мышками: свачала тихо и съ припѣвомъ, потомъ сильнѣе и сильнѣе съ адскимъ хохотомъ. Дѣвушка смѣется съ ними, но послѣ умираетъ отъ щекотанья.

Великъ
 день ру-
 салокъ.

На Русальную недѣлю, никто не осмѣливается купаться въ рѣкѣ и хлопать въ ладоши, потому что въ это время веселье русалокъ и хлопанье страшное, такъ что оно раздается по всѣмъ окрестностямъ. На ихъ удары стекаются прочія русалки; одні кievскія вѣдьмы только могутъ купаться съ ними. На зеленой недѣли въ четвергъ, никто не долженъ работать, чтобы русалки не испортили домашній скотъ, птицу и все хозяйственное заведеніе. Этотъ день называется *великій день Русалокъ*. Дѣвушки тайно ходятъ въ лѣсъ, имѣя при себѣ полынъ и зарю, бросаютъ завитые вѣнки русалкамъ, чтобы онѣ доставили имъ богатыхъ жениховъ. — Въ этихъ вѣнкахъ бѣгаютъ русалки по хлѣбнымъ полямъ (*).

Въ Бѣлоруссіи поселяне вѣрятъ, что русалки бѣгаютъ нагія и кривляются, и если кому случится ихъ увидѣть, тотъ самъ будетъ всегда кривляться.

Темныя
 свѣдѣнія
 объ ру-
 салкахъ
 въ Рос-

Въ Россіи сохранялись темныя свѣдѣнія о русалкахъ, объ русалкахъ подъ именемъ *водяныхъ*, *лѣсныхъ*, *домовыхъ* и *чертей*, *водящихся въ тихомъ омутѣ*, и всѣ они находятся

(*) Максим. малор. пѣсни. изд. 1827 г.

подъ властію *воднаго дѣдушки*. Нѣтъ сомнѣнія, что <sup>сѣм; во-
дныя и
лѣтніе.</sup> это суть: остатки вѣтрованій дунайскихъ Славянъ, кото-
рые поклонялись морянамъ и водянымъ. На Руси господ-
ствуютъ мнѣніе, что всѣ эти духи, при ниспроверженіи
Вельзевула, со всею нечистою его силою въ адъ, частію
попадали въ воду, другіе разсѣялись по полямъ, а
прочіе скрылись то въ лѣсахъ, то въ домахъ. — Водя-
ныя живутъ въ омутахъ и подъ крутыми рѣчными
перогамъ. — Онѣ выходятъ на берегъ съ растреплен-
ными волосами и чешутъ голову косянымъ гребнемъ;
схватываютъ купающихся, уносятъ ихъ съ собою на
днѣ водяное, и тамъ замучиваютъ ихъ до смерти. Онѣ
разрушаютъ плотины на мѣльницахъ и мосты, и при
разлитіи рѣкъ, уносятъ строенія. Если раздаются со
стономъ слова: «рогъ есть, головы нѣтъ», то услышав-
шему непременно приключится несчастье: онъ можетъ
утонуть въ рѣкѣ, вода зальетъ его поле, или другое
какое либо случится ему бѣдствіе.

Лѣшіе представляютъ собою среднее между дьяво-
ломъ и косматымъ чудовищемъ. Они скитаются ве-
кругъ лѣсовъ и по лугамъ, въ лѣсу ходятъ на-ровнѣ
съ деревьями, по травѣ на-ровнѣ съ травой, прини-
мая ихъ видъ.

Прохожіе часто обманываются призракомъ и заходятъ
въ глушь лѣса. — отъ чего говорятъ, когда кто замучается
въ лѣсу: эка куда завелъ его лѣшій! или когда кто раз-
сердится: лѣшій тебя поберетъ! — Ночью кричатъ лѣ-
шіе по звѣриному и по птичьему, свистутъ и режутъ.
Если лѣшему попадется человѣкъ, то онъ сначала шу-
титъ съ нимъ, потомъ хватаетъ его и зашекочиваетъ до
смерти. Отъ шекотанія избавиться можно произнесе-
ніемъ слова: *чеснокъ*. Если прохожій собьется съ до-
роги, то думаютъ, что лѣшій обонялъ, или запуталъ
его, но и тутъ есть средство выйти изъ бѣды:

должно немедленно вывернуть верхнее платье и надѣть наизнанку. Отсюда вошло въ употребленіе говорить, когда увидать наряднаго въ вывероченное или какое нибудь другое странное платье: «она лѣпій!»

По разнымъ мѣстамъ разсѣяны разсказы о русалкахъ. — Въ тульской губерніи сохранилось преданіе о лѣсой русалкѣ: она молоденькая, прекрасная лицомъ и прелестная, какъ дѣвица; она поетъ и живетъ въ густомъ лѣсу. Русалка эта совершенно безопасна, во все время года, кромя русальной недѣли; въ это время она качается между двухъ деревьевъ, хохочетъ, дукается съ людьми, ходящими по лѣсу; обманываетъ ихъ, принимая голосъ знакомыхъ и, привлекая къ себѣ лестію, защекочиваетъ до смерти. Нѣкоторые изъ поселянъ, особливо дѣти, такъ напуганы этимъ преданіемъ, что во время русальной недѣли, ни за что не пойдутъ въ лѣсъ, и даже со страхомъ идутъ въ сѣднія деревни. Многіе съ божбою утверждаютъ, что имъ случалось много разъ видѣть русалокъ. На русальной недѣлѣ во вторникъ, крестьяне поминуютъ удушенниковъ. Родня умершаго, приносятъ на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разбиваетъ на могилѣ за упокой души удушенника; потомъ пьютъ вино и закусываютъ блинами, при чемъ призываютъ русалку:

Русалка, парница,
Красная дѣвица,
Не забуди души
Не дай удувиться,
А мы тебѣ кланяемся.

Русалки оставляютъ часть блиновъ, и послѣ уже отправляются по домамъ.

Въ смоленской губерніи, кромѣ русалокъ лѣсовыхъ, оуществуютъ водяныя, которыхъ также боятъ дѣти во время русальной недѣли. Въ этихъ мѣстахъ вѣрятъ еще, что русалки и лѣшіе заводятъ людей въ непреходимыя мѣста, сбиваютъ съ дороги и заставляютъ ходить, по одному и тому же мѣсту, нѣскольکو дней сряду. Кажется, все знакомо, а выйти не могутъ. Когда лѣсовой идетъ по лѣсу, тогда онъ ровенъ съ лѣсомъ; а когда идетъ на лугу, тогда ровенъ съ травою. Лѣсовые и водяные имѣютъ свои отдѣльныя другъ отъ друга владѣнія; посѣщаютъ даже ярмарки. Отличаются отъ людей тѣмъ, что у нихъ сѣрѣца (армяна), завернута пола, вмѣсто правой, на лѣвую сторону; поясъ завязанъ безъ узла, потому что на уахъ есть крестъ; оборы (веревочки или ремни у лаптей) закручены въ одну сторону, а не крестообразно. Они всегда стоятъ въ одеждѣ синіе, и человѣчки въ глазахъ (зрачки) у нихъ вверхъ ногами.

Лѣсовые и водяные пьютъ водку, играютъ въ карты безъ престовъ (трефей) и одинъ другому проигрываютъ свое имущество: отъ того-то въ нѣмъ мѣстѣ бываетъ много рыбы, а въ другомъ ничего: въ нѣмъ мѣстѣ бѣдна дичи и звѣрей, а въ другомъ ровно какъ никогда ничего не бывало,—между тѣмъ какъ всѣ знаютъ, что здѣсь или тамъ всего водилось много.

Лѣсовые и водяные также даруютъ: отъ того, въ самую тихую ночь слышенъ по лѣсу грохотъ и трескъ, а на водѣ, когда и рыба спитъ, бываютъ всплески.—

Въ Сибири думаютъ, что русалки, во время русальной недѣли, играютъ съ парнями и дѣвушками, или по тамешнему выраженію, *дежуются*. Въ прочихъ мѣстахъ Россіи, бываетъ гулянье, подъ именемъ русальнаго.

Русалки и водяные представляются вообще тоскую-

щими и враждебными. Онѣ, — то души младенцевъ, плодъ незаконной любви, или умершіе безъ крещенія; то злые духи, преслѣдующіе чело-вѣка и принимающе на себя разные виды, по произволу. —

Русалы. Недѣля отъ седмицы св. Отцевъ называлась на Руси, въ древности, русальною, (*) а самыя забавы *русалым* или *скомороаскія*. — Праздновавшіе русалы, представляли бѣснованіе чертей. Одни въ видѣ чело-вѣка ходили по улицамъ, били въ бубны, играли на волынкѣ и на свирѣли; другія надѣвали на себя, что бы ихъ не узнали, *скураты*, или личины (маски), и смѣялись надъ христіанскою набожностію. Изъ Стогла-ва (состав. 1550 г.) видно, что на канунѣ Иванова дня, Рождества Христова и Богоявленія, — мужчины, женщины и дѣвицы сходились съ хохотомъ и руко-плесканіемъ, на ночное веселіе и шумную забаву, пре-вращавшуюся въ чувственное наслажденіе; пѣли бѣ-совскія пѣсни, плясали и скакали. По прѣшествіи но-чи, шли съ великимъ крикомъ къ рѣкѣ, какъ бѣснующіеся, и умывались водою. — Церковь наша строго воспрещала эти забавы, налагая разные духовныя на-казанія.

Западная церковь преслѣдовала русалин (*rusalia*), про-исходившія послѣ пасхи, когда разцвѣтали розы; отъ того св. пятидесятница называлась розовою пасхою, а самое воскресенье розовымъ.

Извѣстно вѣдѣть, что папы ввели въ обычай дева-тать въ этотъ день золотую розу. — Въ бытность въ Римѣ императора Франковъ, Карла V., папа под-несъ ему въ подарокъ, вмѣсто краснаго лица, золотую розу, а потомъ многіе папы, посылали отъ себя зна-

(*) Кар. И. Г. Р. ч. I пр. 210.

меннымъ монархамъ или великимъ людямъ, въ коихъ они нуждались, золотую розу, что считалось тогда за величайшую почесть. — Древніе Римляне посыпали могилы своихъ друзей и родныхъ розами, думая, что онѣ улаживаютъ души умершихъ.

Русалки были страшны для нашихъ предковъ, — Истпаніе и прово-
ди руса-
локъ. потому они выдумали противу нихъ изгнаніа и *проводы*. Дѣвицы и женщины собирались съ разныхъ улицъ деревни, или города, съ пѣніемъ веселыхъ пѣсней, для того, чтобы ободрить другъ друга. Онѣ становились по угламъ съ чучелою, которое было въ видѣ женщины и представляло русалку; потомъ составляли хороводъ, въ срединѣ коего женщина съ чучелою, производила смѣшныя тѣлодвиженія и скакала. Пропѣвъ пѣснь, онѣ раздѣлялись на двѣ половины: оборонительную и наступательную. Однѣ защищали свое чучело отъ нападеній, другія бросали имъ въ глаза песокъ и обливали водою. Наконецъ, всѣ толпой отправлялись въ поле; тамъ разрывали чучело и разметывали его по воздуху. — Это называлось: *проводить русалокъ*. Дѣвицы, которыя не могли защитить своихъ русалокъ, возвращались домой печально, вѣря, что послѣднія не дадутъ имъ покоя въ первую ночь супружества, и что онѣ будутъ преслѣдовать ихъ, пока не прибѣгнутъ къ предохранительнымъ средствамъ опытныхъ знахарей. —

Провожаніе русалокъ совершается и нынѣ, почти съ тѣмъ же самымъ обрядомъ, въ первый понедѣльникъ послѣ Троицы, который называется *русальнымъ провожаніемъ*, а воскресенье *русальнымъ заговньемъ*.

V. СЕМИКЪ.

Старинное существованіе весеннихъ забавъ. Приношеніе жертвъ на могилахъ. Семикъ. Значеніе въиковъ. Обычай погребенія и поминашенія въ семикъ. Измѣненіе семика. Вѣнчанный хороводъ.

V.

С Е М И К Ъ.

Еще во времена идолопоклонства существовали въ ^{Старинное су- ществова- ние то- скихъ} нашемъ отечествѣ весеннія забавы, которыя господство-
вали долгое время по распространеніи христіанской вѣ-
ры, и потомъ превратились въ семики. Въ старину дѣвуш-
ки и пожилыя женщины, сходились на окрестный близъ
Кіева лугъ, и пѣли разныя сладострастные пѣсни, или
пляшущая толпа выходила изъ города и деревень, съ
зелеными въ рукахъ вѣтвями, и плясала около поста-
вленного въ полѣ истукана, который украшался цѣ-
тами полевыми, сучьями зеленыхъ деревьевъ, и разно-
цвѣтными лоскутами. — Дѣтъ 20 тому назадъ, мнѣ
случилось видѣть въ малороссійскихъ и великороссій-
скихъ городахъ и селеніяхъ, возвращающихся изъ лѣ-
су толпы людей, предводимыя плясунами и плясунья-
ми, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ. Толпа шла, а
передъ нею скакали плясуны. Это происходило на
канунѣ Троицына дня. — Изъ пѣсней и обычаевъ вид-
но, что въ семики проводились гаданія при рѣкѣ и
кочодѣхъ; дѣлали тамъ вопросы; умывали глаза водою,
чтобы они не боѣлись и бросали туда мелкую монету.

На зеленые святки, которыя именовались въ древ-
ности семицкою и русалочною недѣлю, совершаются

понынѣ гаданія, въ то время, когда весна въ великолѣпномъ своемъ нарядѣ: луга убраны цвѣтами, лѣсъ въ зеленой одеждѣ и воздухъ благоухающій. И для кого наряжается юная природа въ новую одежду, убираетъ себя цвѣтами? она встрѣчаетъ семя, словно невѣста своего жениха. Но кто такой этотъ семя? — наши преданія изображаютъ его юношею веселымъ, ласковымъ, разсыпнымъ на веселости и задушевымъ пріятелемъ масляницы. Таковымъ можно видѣть его на любовныхъ картинкахъ, гдѣ онъ принимаетъ въ гости масляницу и величаетъ ее русскими прибаутками:

Душа моя, масляница!
Перепелница твои косточки,
Бумажное твоё тело,
Сахарныя твои уста,
Сладкая твоё речъ,
Русая твоё коса,
Тридцати братьямъ сестрица,
Сорока бабушкамъ внучка,
Трёхъ матерей дочка.
А масляница его за руки принимала
И ссина величала.

Но кто онъ былъ у нашихъ предковъ? объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. — Мысль семки зашла на предметы празднества, съ которыми снѣжилось созвѣріе. Престолушіе допустило его, но оно не заняло себя тѣми гнусными веселостями, какія раздавались нѣкогда въ Верансжъ, въ честь Ярылы, кою предназначи

въ семинкій четвертъ. Это произошло отъ того, что семинкъ принадлежитъ одному дѣвятицѣ.

Въ Литвѣ и у Жмуди пастухи празднуютъ въ Духовъ день баддиникой, въ честь рогатого скота (*). Они въ этотъ день берутъ съ собою молоко, дѣла, масло, сыръ, муку, говядину, солонину, сало, крупы, пироги и разный хлѣбъ. Собравшись въ Жесу, они садятся въ кружокъ, пируютъ, и поютъ пѣсни въ честь божества Ганиклиннсъ :

Ganiklinis dawajte,
Ganik mana karwajte,
Ganik mana patilka,
Ne lejak wagi wilka. —
Ganau, ganau awute,
Acz tau wilkie ne bijau.
Su saulinejs plaukajs,
Tawi diweas ne lejs,
Lado, lado saple
Drok jam samczin ragalwa. —

Ганиклиннсъ божокъ,
Дася мою корову,
Пася мое тельку,
Не пускай вора волка.
Дасю, дасю овцу,
Тебя волкъ не боюсь,
Ибо солнцевласый
Богъ тебя не пустить.
Лало, лало солнце,
Дай ему щелчокъ по головѣ.

Послѣ пирушки разводятъ огонь, пляшутъ, скачутъ черезъ него шесть разъ, съ вѣнками на головѣ, въ сопровожденіи свирѣли и дудки (*).

(*) Въ Литвѣ девятыми святками называется Духовъ день, а у Жмуди семиннсъ. Подобное переименованіе понемногу существуетъ въ Малороссіи: здѣсь Духовъ день празднуютъ въ воскресенье, а Троицынъ въ понедельникъ, между тѣмъ какъ въ Россіи на оборотъ.

(**) Сынъ отеч. за 1839 г. № с. 123—125. — Семиннсъ по-литовски значитъ седьмой; но какъ сошествіе св. Духа происходитъ на седьмой недѣли, послѣ свѣтлаго праздника, то потому называется семиннсъ, какъ Вознесеніе Господне шестиннсъ,

Въ Малороссіи доселѣ сохранились суевѣрныя преданія, что при извѣстныхъ криницахъ (колодезяхъ), сидятъ въ зеленую недѣлю русалки, а въ Новгородѣ Сѣвернѣй (черниговск. губ.) существуетъ донынѣ родникъ, называемый Ярославъ родникъ, и криницы: *заручейская, сусомлинская*. Народъ думаетъ, что тутъ сидятъ, въ зеленую недѣлю, чаровницы, называемыя криниченьки (колодезныя русалки) и загадываютъ проходящимъ: *що росте безъ корня?* (что растетъ безъ корня?) и сами отвѣчаютъ: *камень росте безъ корня*.

У Подяковъ, еще въ XV в. (*), повторялось въ пятидесятницѣ языческое празднество *стадо*, сходное съ сибирскими, московскими и тульскими, или съ семикомъ.

Прини-
женіе
жертвъ
на моги-
лахъ.

Въ германскихъ и славянскихъ земляхъ, какъ то: въ Саксоніи, Лузаци, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, сохранились слѣды праздниковъ, въ честь умершихъ. Перваго марта, рано по утру, выходили на кладбище съ факелами, и приносили жертвы надъ могилами родныхъ. *На булахъ и буйвицахъ*, (такъ называются кладбища Псковской и Тверской губер.), донынѣ дѣлаютъ гаданія, какъ въ святки.

Отправленіе семика приходилось въ тотъ самый день, въ который погребали и поминали убогихъ на могилахъ. Это есть остатокъ благочестивыхъ учреждений. Первые проповѣдники св. вѣры, чтобы уничтожить суевѣрныя празднества, ввели въ обычай погребеніе и поминовеніе. Когда проповѣдники въ римскихъ об-

празднуемое на шестой недѣли. — Нарбутъ ошибочно называетъ обрядъ бандининая, секминне, и думаетъ, что секминне есть какое нибудь мнѣологическое наименованіе.

(*) *Diagos, Hist. Polon. кн. XII. ed. Grodeck, Lips. — 1771, in f.*

ластях, не могли уничтожить идолопоклонническіе обряды: тогда они должны были сообразоваться съ ихъ обычаями, съ коими суевѣрный народъ, еще въ царствованіе Константина В. (въ IV в.), не могъ разстаться, и установили крестныя хожденія въ се-
микъ (*). Изъ Стоглава видно, что въ трояцкую суб-
боту сходились мужи и жены на жальники (кладбища),
и плакали на могилахъ съ великимъ крикомъ, и когда
играли скоморохи и гудошники, тогда рыдающіе не-
реставали плакать, начинали скакать, плясать и бить
въ ладоши. Подобный обычай соблюдается въ смолен-
ской губерніи, въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Малороссіи.

Въ Исландіи, при началѣ весны, празднуютъ зеле-
ный четвергъ, какъ нашъ семякъ. Въ Даніи онъ так-
же называется зеленымъ четвергомъ, и тамъ во время
язычества, праздновали его въ честь бога Тора или Тура.
У Англичанъ и Шведовъ онъ называется *седьмымъ четвер-
гомъ*, у Нѣмцевъ *зеленымъ четвергомъ*. Простолудины въ
Германіи употребляли обыкновенно въ зеленый чет-
вергъ кунанье изъ зелени. У всѣхъ этихъ народовъ
праздновалось первое мая: точно также, какъ у насъ се-
мякъ: поселане увѣнчивали себя цвѣтами, носили въ ру-
кахъ зеленныя древесныя вѣтви и танцовали вокругъ
березки, называемой *майскимъ деревомъ*. — Адони-
совъ праздникъ, когда Греки бросали въ море и рѣку
плетеные вѣйки, цвѣты и древесныя листья, сход-
ствуетъ во многомъ съ нашимъ семякомъ.

Семякъ есть дѣвичій праздникъ вынѣ и онъ такъ *Семикъ*.
названъ потому, что приходится на седьмой недѣль по
Пасхѣ, именно въ четвергъ. Въ этотъ день ходятъ дѣ-
вушки въ лѣсъ. Тамъ они играютъ въ горѣлки, пляшутъ,

(*) Вар. Розенк. Обзор. Коричей кн. въ историч. видѣ.
Часть VI.

поютъ и угощаютъ преимущественно личиною. Въ иныхъ мѣстахъ вся седьмая недѣля по Пасхѣ называется семинкою; въ Малороссіи она называется клочальною, седьмою недѣлю и зелеными святками. Клочальною названа потому, что въ это время обстаиваютъ храмы, дворы, дома и покои молодыми кленовыми деревьями, иногда липовыми и березовыми. Внутренности жилищъ насыпаютъ травой и цвѣтами. Въ Велико-Россіи такой же обычай, но только тамъ, вмѣсто кленоваго дерева, употребляютъ преимущественно березу. Сіе обихованіе было извѣстно еще во времена идолопоклонства, когда въ празднество бога Тора, украшали его жилище в дома деревьями, травой и цвѣтами.

Въ бѣлой и черной Россіи семикъ называется сѣмуха.

Въ Богеміи, и по введеніи христіанской вѣры, долго существовали священные дубравы, куда, въ день семика, ходилъ народъ совершать разные жертвоприношенія. Герцогъ Брѣциславъ уничтожилъ эти обряды, въ 1093 г. Отъ суевѣрнаго обычая осталось семикское празднество, въ которое дѣвушки ходятъ собирать по рощамъ и полямъ цвѣточки, изъ концы влетутъ вѣнки. Тоже самое сохранилось въ Малороссіи и Велико-Россіи. Въ наше время тамъ носятъ, при пѣніи, зеленныя вѣтви деревьевъ, вьютъ вѣнки, гадаютъ на лужайкахъ, въ рощахъ и при водахъ.

Нашеніе деревьевъ сопровождалось у древнихъ Эллиновъ особыми празднествами. Въ Сициліи и другихъ городахъ Греціи, праздновали (αὐδιστορική) цвѣтоносіе, (ἀνδριστορική) древоношеніе, въ честь богини Прозерпины; носили зеленныя деревья и масличныя вѣтви, и вили вѣнки изъ колосьевъ въ честь солнца. У Римлянъ было торжество въ честь мѣсяца маія, матери

Меркурія. — Майское ихъ дерево (arbor majalis) со-
отвѣтствуетъ нашей семицкой березѣ.

Рощи и дубравы, у всѣхъ восточныхъ народовъ, равно у Грековъ и Римлянъ, служили заветными мѣ-
стами для совершенія обрядовъ. Германцы и Славя-
не, подъ покровомъ дремучихъ лѣсовъ, отправляли
свои таинственные обряды. Не довольствуясь завет-
ными рощами, они имѣли священныя деревья на
поляхъ, дорогахъ, между селеніями и рубежами. —
Кому не извѣстны мрачныя, таинственные дубравы
суровыхъ Друидовъ. — У нихъ дубъ болѣе всего по-
читался, потому липа: отрѣзать отъ нихъ вѣтку или
отломить сучекъ, считалось святотатствомъ. У Гер-
манцевъ производились еще суды и жертвоприношенія,
подъ липою (*). У Норуссовъ или древнихъ Пруссавъ
зажигались огни подъ липою, въ честь Лиго, бога ве-
сенія и весны. — У Литовцевъ липа посвящалась бо-
гине Лайлю. Западныя Славяне посвящали ясенъ вер-
ховному своему богу.

Веселые хороводы на семицъ, составляемые изъ ме-
лодыхъ людей обоюго пола, увеличивали общее весе-
ліе: прелестью зелени, цвѣтущими душистыми де-
ревями и свѣжестью бальзамическаго воздуха. Остат-
ки забавъ сохранились въ играхъ и шуткахъ не
только сѣверныхъ народовъ, но въ Германіи и Вели-
кобританіи. Нѣмецкій праздникъ вѣнковъ, передъ
Троицынымъ днемъ, похожъ на семицъ. На немъ дѣй-
ствующимъ лицомъ бывалъ царь садовъ или зеленый
человѣкъ. Въ одну изъ рощей собиралась веселая тол-
па, веселилась и пировала: за пиромъ употребляли
преимущественно яблоча, потому обвивали одного изъ

(*) Klein. Handbuch der Germ. Alterthums-kunde.

охотниковъ зеленою, листьями и деревьями, и выводили его изъ роши. Пляски и пѣсни сопровождали *зеленаго человека*.

Значеніе
вѣнковъ.

Семицкія пѣсни, въ коихъ воспѣвается липа и береза, напоминаютъ остатки языческихъ обрядовъ. Украшеніе же вѣнками есть также остатокъ обычаевъ древняго міра. Греческіе и Римскіе жрецы надѣвали на голову вѣнки при жертвоприношеніяхъ, дѣланные изъ тѣхъ деревьевъ, которыя посвящались божествамъ. Отсюда вошло въ обычай, увѣнчивать дубовыми вѣнками знаменитыхъ людей, украшать ихъ на олимпійскихъ играхъ за побѣды, гражданскія добродѣтели и успѣхи въ художествахъ, и послѣ смерти освящать памятники, гробы и могилы цвѣтами и плетеными вѣнками. За великія дѣла равняли людей съ божествами, почему и не удивительно, что увѣнчанные такимъ образомъ заслуги, пережили отдаленное потомство и украсили страницы бытописанія незабвенными именами. — Сонъ и смерть представлялись у Грековъ въ вѣнкахъ, потому что они означали награду неувядаемой славы: Увѣнчанный лаврами мужъ почитался сверхъестественнымъ существомъ.

Семика, при всѣхъ мѣстныхъ разнообразіяхъ, у насъ въ всеобщемъ употребленіи. Онъ только въ Сибирѣ называется *Тюльмою*, вѣроятно отъ того, что на празднество собирались толпами. Въ Польшѣ онъ называется стадо (*), которое производятъ отъ глагола *стадиться*, собираться въ толпу.

Празднованіе семика производится съ незапамятныхъ временъ, и для удовольствія на этотъ разъ избираютъ преимущественно роши, лѣса, рѣчныя и озерныя мѣста.

(*) Длуг. Hist. Polon. кн. VII. ed. Lips. — 1771 г.

Въ рѣсахъ и лѣсахъ завиваются дѣвушки вѣнки и потомъ пускаютъ ихъ на воду съ загадываніями, наблюдая, какъ они плывутъ и какъ двигаются по водѣ. Эти примѣты ведутъ въ послѣдствіи къ безконечнымъ толкованіямъ. Тутъ старухи или особыя разгадчицы — ворожеи, пользующіяся особою довѣренностію, объясняютъ дѣвушкамъ значеніе вѣнковъ.

Прежде въ семикъ совершался обычай погребенія и поминашенія умершихъ въ убогихъ домахъ. Въ Малороссіи повторяется еще этотъ обычай на Троицкой недѣлѣ, въ субботу, которая называется еще родительскою или поминальною субботою. Народъ собирается на могилы своихъ родныхъ въ нарядномъ одѣяніи, съ разными съѣстными припасами: пирогами, жаркимъ, пасхою (куличъ), крашеными лицами и съ водкою. — Священники исправляютъ службу за упокой, и по окончаніи панихидъ, каждый идетъ къ могилѣ своего родственника. — Тутъ начинаютъ охать и плакать, вспоминая объ усопшихъ; поплакавъ не много, растилаютъ на могилѣ бѣлое полотно и раскладываютъ съѣстное. Старшій въ семействѣ налиываетъ рюмку водки и подбиваетъ всѣхъ званыхъ; затѣмъ предлагаетъ имъ чего нибудь покушать; спустя нѣсколько времени, онъ опять подбиваетъ и совѣтуетъ кушать, чтобы ничего не оставалось, иначе покойники останутся недовольными. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ снова подаетъ по чаркѣ водки, и потомъ опять. Это дѣлается для того, чтобы залить горе. Когда довольно подгуляютъ, начинаютъ вой и плачь. Тогда опять подносятся вино, чтобы забыть горе. — Когда же позабудется горе, начинается между поминающими сужденіе о любви или непріязненности нѣкоторыхъ изъ покойниковъ, и въ послѣднемъ случаѣ часто доходитъ до ссоры. Тогда и покойники не рады

Обычай погребенія и поминашенія въ семикъ.

сердобольнымъ этимъ воспоминаніямъ объ нихъ. — Однако этотъ обычай существуетъ вездѣ въ Россіи, — на Оуминой недѣлѣ и въ поминальную субботу, и все на кладбищахъ. — Кто не видѣлъ разнообразныхъ представленій въ это время! Въ большихъ городахъ они выказываются болѣе, а въ столицахъ въ обширнѣйшемъ размѣрѣ. На волковскомъ и смоленскомъ кладбищахъ (въ Петербургѣ) какія не происходятъ дѣйствія! Еслибы поминанія ограничивались однимъ плачемъ, а то доходитъ до того, что самые поминающіе дѣлаются полумертвыми отъ чрезвычайнаго заливанія горя по усоншимъ.

Поминовеніе мертвыхъ на могиллахъ, есть остатокъ древней тризны или стравы.

Въ прежнія времена отправлялись погребенія и поминовенія по убитымъ или скоропостижно умершимъ, въ убогихъ домахъ; таковые покойники назывались убогими. Всякой приходилъ въ убогій или скудельничій домъ, чтобы отыскать безъ вѣсти пропавшаго, и если его находилъ, то бралъ и погребалъ торжественно на особыхъ мѣстахъ, и обсаживалъ могилу деревьями, отъ чего сіи мѣста превращались въ рощи. Въ скудельницу доставлялись всѣ поднятые, на улицахъ и дорогахъ, мертвые трупы. Обрядъ погребенія и поминовенія о погибшихъ безъ вѣсти, совершался еще предъ вселенскою троицею субботою. (*)

(*) Le Brun. (Voyages par la Moscou en Perse et aux Indes orient. т. I. с. 35), говоритъ, что въ день семки, отправлялись некоторые изъ духовныхъ, утромъ рано, къ одному рау, подлѣ когто изъ трехъ или четырехъ ямакъ, лежали найденные убитые на большихъ дорогахъ и казненные правосудіемъ, и по совершеніи надъ ними поминовенія, предавали землѣ.

Время много изменило народныя обыкновѣнія. — ^{Начало} Семикъ сдѣлался нынѣ веселымъ хороводнымъ гуляньемъ; но деревенскіе обитатели удерживаютъ нѣкоторые обряды древняго повѣрья. Семикъ почитается въ Россіи честнымъ семикомъ, однимъ изъ лунныхъ весеннихъ праздникоу; за нимъ считается Тройцынъ день, а накованецъ кунальница. (*) Въ московской, владимірской и рязанской Губерн. сгибаютъ молодыя плакучія березы, выютъ изъ нихъ вѣнки и куются черезъ вѣнки (дѣлуются), гөверя:

Покумимся кума,
Покумимся :
Чтобы намъ съ тобою не браняться,
Вѣчно дружитья. —

(*) Въ петербургской губерніи празднуютъ семикъ, сходно съ описываемымъ въ московской, владимірской и костромской губер. Лѣтъ тридцать тому назадъ, праздновался семикъ въ самомъ Петербургѣ у церкви во имя Рождества Іоанна Предтечи, которая въ 1742 году дазывалась оспенною Іоанно-Прелтеченскою, потому что была построена на оспенномъ кладбищѣ, во время свирѣпствовавшей тогда оспы. — Ямщики, населявшіе тогда загородную эту часть, и простолюдины сходились сюда для игръ и забавъ въ семикъ и Ивановъ день. Бывало экипажи тянулись въ два ряда по лиговскому каналу отъ знаменскаго моста до церкви Іоанна Предтечи, около которой, на обширномъ полѣ, разбивались шатры съ лакомствами и питьями. Бывало, эти гулянья посещался блестящимъ дворомъ, знатными особами и всеми оесловіями, развѣзжавшими въ пышныхъ и изысканныхъ одеждахъ, подобно гуляньямъ екатерингофскому, елагинскому, петергофскому и другимъ. Теперь уже не празднуютъ такъ семикъ, — время искоренило древній обычай.

Потомъ дарятъ другъ друга желтыми яйцами. Въ владимірской Губ. ходятъ еще дѣвушки, поутру, съ пирогомъ на яйцахъ, собирать у сосѣдей деньги; вечеромъ составляютъ хороводы, пляшутъ, поютъ, ѣдятъ пирогъ и яишницу. У волжскихъ жителей дѣвицы пекутъ козули, — лепешки на яйцахъ, въ видѣ яйца. — Съ козулями отправляются въ рощу, обматываютъ березки ленточками, — разноцвѣтными бумажками и пестрыми шнурами. — Изъ сучьевъ снхъ березокъ свиваютъ вѣнокъ и во время заиванія, поютъ:

Береза моя, березенька!
 Береза моя былая,
 Береза моя кудрявая.
 Стоишь ты, березенька,
 Осередь долинушки.
 На тебѣ, березенька,
 Трава шелковая.
 Влизъ тебя, березенька,
 Красны дѣвушки,
 Семики поютъ. —
 Подъ тобою, березенька,
 Красны дѣвушки,
 Вѣнокъ плетутъ.
 Что не былая березенька,
 Къ землѣ клонится;
 Не шелкова травонька,
 Подъ ней разгиается;
 Не бумажны листочки,
 Отъ вѣтру раздуваются. —
 Подъ этой березенькой,
 Съ красной дѣвицей,
 Молодецъ разговариваетъ.

По завиваніи кумятся — (цѣлуются) чрезъ вѣнокъ,
говоря: здравствуй кумъ и кума! Потомъ садятся подъ
березкой, и ѣдятъ козулю и личицу. — Мужчины и
дѣвушки открываютъ потомъ семикъ, хороводомъ, и
ходя вокругъ избранной березки, увитой лентами,
поютъ:

Не дожжикъ березку обиваетъ,
Здѣсь въ рошѣ дѣвокъ прибываетъ.
Скачите, пляшите, красны дѣвки,
А вы холостые, поглядите.
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взять!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли
По батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью,
По невестину рукодѣлю.

По оковчаніи пѣсни, ставятъ въ средину хоровода
дѣвушку и мужчину, и всѣ продолжаютъ пѣть:

Ай во полѣ липнякъ стояла,
Во полѣ кудрявая стояла;
Подъ липою былъ шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ, столъ,
За темъ столомъ дѣвица,
За темъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нижетъ узду жемчугомъ.
Вхалъ мимо молодецъ:
Богъ на помощь, дѣвица!
Богъ на помощь, красная!
Ширинку шьетъ золотомъ,
Низаетъ узду жемчугомъ.

Молодцы поютъ:

Не мнѣ ли ширинка?
 Не моему ли коню уадечка?

Имъ отвѣчаютъ дѣвушки:

Не по молодцу ширинка,
 Не по твоему коню уадечка. —

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ костромской губерніи. (Галичѣ, Кинешмѣ и Нерехтѣ), мѣняются при кумовствѣ кольцами и серьгами, — по завитіи вѣнковъ, потомъ садятся пировать, кто что принесъ; или дѣлаютъ пиръ въ складчину, называемую *сыпчина*. Послѣ пира поютъ:

Какъ у насъ въ году три праздниа
 Первой праздникъ семикъ честной,
 Другой праздникъ Троицынъ день,
 А третій праздникъ купальница.
 Какъ у насъ зелена трава,
 Какъ милой мой другъ
 Въ кабакъ напивается,
 Какъ милой мой другъ
 По зеленой травѣ валяется.

Одна изъ дѣвушекъ выходитъ изъ круга и представляетъ пьянаго, послѣ падаетъ на землю и валяется. — Другая подходитъ къ ней, силится поднять ее на ноги, — хороводъ продолжаетъ:

А Орина подходила,
 Никиту своего будила:
 Встань, убудися, Никита!
 Встань, убудися, волокита!
 Соседи сжуются,
 Во безчестье то ставить.

Мужъ встаетъ, а жена цѣлуетъ его.

Сталъ Никита, пробудился,
За руку съ Ориней ухватился,
Домой Никита потащился,

Тамъ поютъ еще очень любопытную пѣснь, сопровождаемую пріятными движеніями: въ хороводный кругъ ставятъ Царевну и поютъ:

Царь по городу гуляетъ
Царь царевны своей ищетъ.

Послѣ этихъ словъ начинается хороводъ плясать, — потомъ продолжаютъ:

Ужъ какъ гдѣ моя царевна?
Гдѣ княгиня молодая?
Ужъ и вотъ моя царевна,
Вотъ княгиня молодая!
По загороду гуляетъ,
Шелковымъ платкомъ махаетъ,
Златымъ перстнемъ осваиваетъ:
Растворитесь ворота,
Растворитесь широки,
Вы еще пошире.

Послѣдній стихъ относится къ хороводу, который немедленно раздѣляется на двѣ половины; по концамъ держать платки, съ поднятыми вверхъ руками, въ видѣ воротъ. Царевна и хороводъ проходятъ чрезъ нихъ, продолжая пѣть, и сходятся между собою.

Вы сойдитесь поближе,
Вы еще того поближе;

Поцѣлуйтеся помылѣй.
Вы еще того мнѣе.

Всѣ цѣлуются между собою, и потомъ садятся за столы, накрытые скатертями, и угощаютъ приготовленными пирогами, личницею, лакомствами, пивомъ и виномъ. По угощеніи встають и поютъ:

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На веселое, на веселое.
На немъ снѣзъ кафтанъ, на распаху,
Шелковой кушакъ на рубашкѣ;
Тростъ камышева съ алой лентой,
Перчаточки въ правой ручкѣ;
Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился.

Одна изъ дѣвушекъ выходитъ изъ круга и кланяется.

Ужъ вы здравствуйте, на гуляньи,
На веселомъ на весельи.
Тутъ дѣвушки приулыли,
Тутъ всѣ красныя приулыли.

За снѣзъ дѣвушки бросаются толпою къ березкамъ, плетутъ вѣнки, перевиваютъ ихъ лентою, и несутъ березку домой съ пѣніемъ. По прибытіи въ свою деревню, ставятъ березку въ землю, и поютъ:

Какъ за нашимъ за дворомъ,
Какъ за нашимъ за дворомъ;
По той травѣ паньа шла,
По той травѣ паньа шла;
А за паньей панъ летѣлъ,
А за паньей панъ летѣлъ;

Крича : панья, ты моя!
 Крича : панья, ты моя!
 А я, сударь, не твоя,
 А я, сударь, не твоя :
 Родинова батюшки,
 Родинова батюшки,
 Сударыни матушки,
 Сударыни матушки. —

Дѣвушки переплетаются руками, проходить поочередно подъ поднятыя вверхъ руки, и поютъ:

Какъ за Волгою ярь хмѣль,
 Подъ кусточкомъ вьется ;
 Перевился ярь хмѣль,
 На нашу сторонку.
 Какъ ли на нашей сторонкѣ,
 Житье пребогато.
 Житье пребогато.

Серебряны листы, вѣтки золотыя.
 Нащиплюся я хмѣлю, хмѣлю ярова ;
 Наварю я пива, пива молодова.
 Позову я гостя, гостя дорогова,
 Ай ли гостя дорогова, батюшку роднова ;
 Мой-то батюшка пьетъ, пьетъ,
 Пьянъ не напьется, домой соберется.

Эту пѣснь поютъ и въ другой разъ, если хотятъ примѣнить слова къ матери. За пѣсню составляютъ другой кругъ, въ которомъ помѣщаются дѣвушку въ мужской шляпѣ.

Ахъ, по травкѣ по муравкѣ,
 Вокругъ города большова,
 Гулялъ молодецъ удалой.

Дѣвушка расхаживаетъ и посматриваетъ съ надмѣнностью на прочихъ дѣвушекъ.

Ой, туръ, молодецъ удалой!
Онъ изъ города большова
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ побороться.

Немедленно выходитъ къ ней другая дѣвушка, съ платкомъ въ рукѣ.

Ой, дидъ, ладо! побороться
Вышла красна дѣвица!

Онѣ борятся. Вышедшая дѣвушка поборола много мушину, — сбиваетъ шляпу и рветъ на немъ волосы:

И молодая поборола,
На муравку уронила,
Ой, дидъ, ладо, уронила!

Минимый мушину успѣлъ встать съ земли, но отъ стыда онъ закрылъ свое лицо.

Доброй молодецъ вставая,
Закрывъ лице руками;
Утирагъ горючи слезы.
Онъ не смѣлъ своей кручины
Добрымъ объявить;
Ой, дидъ, ладо, объявить.

Этотъ хороводный сѣмекъ выражаетъ не одну дѣвическую веселую жизнь. — Въ немъ рѣзко отсвѣчива-

ются женскія страсти и чувство любви. Женщина и живетъ въ области сладостныхъ чувствованій: явился женихъ, и дѣвическое сердце затренилось. Она уже согласна отдать ему свое сердце, — но чувство, какъ она расстанется съ родными, заставляетъ ее отказываться отъ жениха, подъ предлогомъ, что она не его, а родимова батюшки и сударыни матушки. Не означаетъ ли это борьбу чувствъ дѣвушки? Дѣвушка поборола себя, — это значитъ, что она рѣшилась оставить родительской свой домъ и отдать сердце навсегда тому, кого уже не можетъ не любить. Въ этомъ семикѣ раскрывается цѣлая повѣсть о любви сельскихъ дѣвицъ. — Любовь поселанъ въ тысячу разъ сильнѣе, нежели горожанъ, взлелѣянныхъ баловствомъ и прехотами.

Въ тульской губерн. называютъ кумою семицкую березу. — Тамъ предъ завитіемъ вѣнковъ, поютъ:

Благослови, тройца,

Богородица!

Намъ вѣнки завить,

Вѣнокъ сплести.

Ай, дядъ, ой, ладо!

Намъ вѣнки завивать,

И цѣты сорывать.

Ай, дядъ, ой, ладо!

А мы въ лѣсъ поидемъ,

И цѣтовъ нарвемъ;

Мы цѣтовъ нарвемъ,

И вѣнокъ сошьемъ.

Ай, дядъ, ой, ладо!

Свекру-батюшкѣ,

Свекрови-матушкѣ;

Свекру-батюшкѣ, малиновой;

Свекрови матушкѣ, калиновой.

Ай, дядъ, ой, ладо!

Пойду ль я пѣшкомъ,
 Лужкомъ, бережкомъ;
 Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
 Брошу на быструю рѣчишку;
 Ай, дядъ, ой, ладо!
 Не тонеть, не плыветъ,
 Съ сыра дуба вѣточка.
 Не тужить по мнѣ,
 Свекоръ батюшка,
 Свекровь матушка. —
 Ай, дядъ, ой, ладо!

Въ владимірской губ. поютъ предъ завитіемъ вѣн-
ковъ.

Ты, не радуйся,
 Дубъ съ горькою осиною,
 Ты, радуйся, бѣлая береза!
 Къ тебѣ дѣвки идутъ;
 Съ пирогами, съ яичницей
 Со дрючками. —

Донныя не только въ селеніяхъ, но и въ столи-
цахъ убираютъ дома въ семикъ березками и усы-
паютъ полъ травою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи,
особенно въ Малороссіи, ходятъ дѣвушки по улицамъ
въ вѣнкахъ, плетеныхъ изъ ландышей, незабудучекъ,
васильковъ и проч.; ставятъ столъ у березки, съ при-
готовленною яичницею, драчною, пирогами и вод-
кою.

Дѣвушки берегутъ свои вѣнки до Троицына дня.
 Изъ завиванія вѣнковъ онѣ составили вѣночный хо-
 роводъ. — Въ кругѣ ставятъ дѣвушку и молодаго пар-
 ня, а всѣ прочія ходятъ около нихъ, и поютъ:

Вѣноч-
 ный хо-
 роводъ.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во полѣ липнякъ!
 Подъ липою, подъ липою,
 Подъ липою, былъ шатеръ,
 Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
 Во томъ шатрѣ столъ стоитъ
 За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ.
 За тѣмъ столомъ дѣвица
 Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
 Рвала цвѣты со травъ.
 Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ;
 Вила вѣнокъ съ огорода;
 Со дорогимъ, со дорогимъ,
 Со дорогимъ яхонтомъ.
 Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
 Кому вѣнокъ износить?
 Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
 Носить вѣнокъ старому.
 Старому вѣнокъ, старому вѣнокъ
 Старому вѣнокъ не сносить.
 Мою молодость, мою молодость,
 Мою молодость не сдержать.
 Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во полѣ липнякъ!
 Подъ липою, подъ липою,
 Подъ липою былъ шатеръ.
 Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
 Во томъ шатрѣ, столъ стоитъ.
 За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
 За тѣмъ столомъ дѣвица.
 Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
 Рвала цвѣты со травъ.
 Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ,
 Вила вѣнокъ съ огорода
 Со дорогимъ, со дорогимъ,
 Со дорогимъ яхонтомъ.

Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
 Кому вѣнокъ нести?
 Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
 Носить вѣнокъ милому.
 Милому вѣнокъ, милому вѣнокъ
 Милому вѣнокъ нести.
 Мою молодость, мою молодость,
 Мою молодость содержать?

Поютъ не только при заиваніи, но и въ Троицынъ день.

Въ пермской губ. большая часть жителей обоого пола собирается въ деревню Даниловку. Тамъ веселятся дѣвушки, поютъ пѣсни и играютъ кружками, а парни составляютъ свои забавы, или, соединясь вмѣстѣ, поютъ и пляшутъ.

Въ саратовской губ. для празднованія семика избирается дѣвушками особый домъ, куда приносятъ разный припасъ для пира, не забывая солоду и хмѣлю. — Вотъ обрядъ, происходившій въ селѣ Березовкѣ, стоящемъ на рѣкѣ Узѣ, саратовскаго уѣзда. Съ наступленіемъ семицкой недѣли, дѣвушки варятъ тамъ брагу, которая приправляется пѣниемъ веселыхъ ихъ пѣсней, въ той увѣренности, что брага, затираемая, заквашиваемая и сливаемая подъ пѣснями, прдаетъ больше веселія. У кадки хлопчатъ дѣвушки: одни нереливаютъ брагу въ ведра, другіи катятъ бочку въ погребъ, и тамъ, переливая снова брагу, хохочутъ и поютъ:

Я пиво сливала:
 Меня разжимало,
 Въ ножиньки вступало.

Послѣ запираютъ погребъ и ключъ отъ него отдаютъ одной изъ распорядительницъ пиршества. — Въ четвергъ,

съ самого утра, еще больше хлопотъ.—Пекутъ пироги, курники и заобвыя лепешки; приготавливаютъ яичницу, варятъ кашу, похлебку; готовятъ лапшенникъ, прешникъ, сахарякъ, и сальникъ. (*) Въ полдень начинается самое торжество. Вся площадь двора чисто выметена. Посреди двора воткнуто срубленное съ вѣтвями и листьями дерево, а подъ нимъ стоитъ горшокъ съ водою. Дѣвицы ходятъ по двору, или сидятъ: нѣны на примосткѣ, а другія у дверей погребя. Одни изъ мальчиковъ держатъ въ рукахъ заготовленные кушанья, другіе ведра съ пивомъ на палкѣ. Одна изъ дѣвицъ, отличающаяся большею живостью вредъ

(*) Въ хвалынскомъ уездѣ, саратовской губерніи, семикъ начинается топленіемъ бани, въ коей женщины готовятъ яичницу и везутъ потомъ въ лѣсъ при пѣніи :

Не радуйтесь дубья, осинушки, ли, ли,
Радуйтесь бѣлымъ березыньки :
Идутъ къ вамъ красны дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яичницу.

Пришедши въ лѣсъ, садятся подъ кудрявой березкой и поютъ:

Гдѣ дѣвки шли, ли, ли,
Тутъ ромъ густа,
Болосиста,
Колосъ въ ведро
Зерно съ пироги.

Послѣ того поютъ,

Закушимся куна, закушимся.

Цѣлуютъ другъ друга, жѣнаются кольцами, платнами, бѣр-гами и потомъ едятъ яичницу. За этимъ уже завиваются вѣ-ки на березѣ, и тамъ оставляютъ до Троицына дня.

своими подругами, отдѣлившись отъ толпы, подходитъ къ дереву, и опрокидываетъ горшокъ съ водою; потомъ выдергиваетъ дерево изъ земли, и запѣваетъ пѣсню. Съ ея голосомъ соединяются голоса прочихъ:

Разыгрался Никитинъ конь,
Сломалъ тычину серебряную.
Бранской староста, отворилъ ворота,
Пускай дѣвушкѣ гулять во луга.

Ворота отворяются, и вся толпа, окруживъ дѣвицу, несущую дерево, движется по улицѣ, ведущей въ лѣсъ, и поетъ:

Ю, Ю семикъ, — Тройца!
Туча съ громомъ сговаривалась:
Пойдемъ громъ, погуляемъ съ тобою,
Во ту слободу, въ *Радышевчину*,
Ю, ю, семикъ, Тройца! (*)

Дѣвушки выходятъ стройнымъ рядомъ изъ села, направляя свой путь къ лѣсу, при пѣніи:

Не радуйтесь дубы,
Не радуйтесь зеленые!
Не къ вамъ дѣвушки идутъ,
Не къ вамъ красныя;
Не вамъ пироги несутъ,
Дешенки, яичницы.
Ю, ю, семикъ, да Тройца!

(*) Радышевщина есть нѣмъ части той самой деревни, въ которой происходитъ веселье. Она получила названіе свое отъ имени повѣщизнъ деревни.

Радуйтесь березы,
 Радуйтесь зеленыя!
 Къ вамъ дѣвушки идутъ,
 Къ вамъ красныя;
 Къ вамъ пироги несутъ,
 Лепешки, яичницы.
 Ю, ю, семикъ да Тройца.

И вотъ дѣвицы въ тѣни деревьевъ, подъ зеленымъ ихъ навѣсомъ, разстилаютъ скатерть; ставятъ кушанья: пироги, лепешки, яичницы; съ радушіемъ простоты начинаютъ ѣсть и подбивать другъ друга пивомъ. По окончаніи пира, онѣ разсыпаются по лѣсу и выбираютъ одну изъ березъ кудрявую, для завиванія на ней вѣнковъ. Если дѣвицъ очень много, то избирается нѣсколько березъ такой величины, чтобы можно было достать вѣтви, стоя подъ деревомъ.—Раздѣлившись попарно, каждая пара изъ вѣтвей березки выетъ себѣ одинъ вѣнокъ, не отрывая вѣтвей отъ дерева. По свитіи вѣнка, каждая пара кумится. Это состоитъ въ томъ, что одна другой подаетъ, сквозь вѣнокъ, по лѣщу; потомъ обмѣнявшись имъ, цѣлуются сквозь вѣнокъ. За этимъ приступаютъ къ выбору: которой изъ нихъ быть старшей кумою. Для этого, свивъ свои платки, бросаютъ ихъ вверхъ, и который поднимется выше, той дается имя старшей кумы. А какъ всякой изъ нихъ хочется быть старшею, то незамѣтно кладутъ онѣ какую нибудь тяжесть въ платокъ, чтобы онъ могъ выкинуться выше. Получившая первенство, носитъ во весь день названіе старшей кумы; остальные же съ любопытствомъ спрашиваютъ другъ у друга: кто у тебя старшая или младшая кума?—По завитіи вѣнковъ, толпа возвращается въ село; остатокъ же дня проводится въ хороводныхъ играхъ. Но этимъ не кончился семикъ.

Въ день Троицы дѣвушки отправляются въ тотъ лѣсъ, гдѣ завивали вѣнки, чтобы опять развивать ихъ. Каждая пара разсматриваетъ свой вѣнокъ: завялъ онъ, или еще свѣжъ? по немъ судятъ о своемъ счастьи или несчастіи. Но грустное чувство исчезаетъ скоро: хоръ пѣвицъ оглашаетъ лѣсъ пѣснію:

Перепелка молодая,
Куда ты летала?
Я ходила, я гуляла
По чистому полю;
Я летала, я порхала
По зеленому лѣсу.
Ю, ю, семикъ да Троица:

Послѣ вяють вѣнки изъ тонкихъ березовыхъ сучьевъ; убираютъ ихъ цвѣтами, и надѣвъ на голову, ходятъ припѣвая:

Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ;
Хожу, гуляю,
По гороночку.

Потомъ каждая изъ нихъ свиваетъ еще вѣнокъ для своихъ родныхъ: батюшки, матушки, братцевъ и сестрицъ, оставшихся въ домѣ по болѣзни или по другимъ какимъ либо причинамъ. Нагулявшись, онѣ выступаютъ изъ лѣса съ вѣнками на головѣ и на рукахъ, и поютъ:

Ищу ль я, ищу
Ласкова ладу.
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ;

Хожу ль я, хожу
Вокругъ городочка.
Добрый молодецъ!
Будь мнѣ дадой.

Подъ березкой ходили, ли, ли,
Березки шумѣли,
Ванюшки въ рѣчку бросаю
Ахъ вы, братцы молодые, да да!
Метите улитки
Стройте горнипы;
Съ тремя окошечками:
Первое въ улитку,
Второе въ поле,
Третье къ царю, на дорогу.

На встрѣчу идущимъ дѣвицамъ выходитъ толпа
парней, присоединяется къ нимъ и всѣ вмѣстѣ поютъ:

Ищу ль я, ищу
Ласкова тестя.
Я въ вѣночки,
Я въ зеленочки,
Хожу ль я, хожу
Вокругъ городочка.

Ищу ль я, ищу.
Ласкову тешу.
Я въ вѣночки,
Я въ зеленочки;
Хожу ль я, хожу
Вокругъ городочка.

Ищу ль я, ищу
Ласкова шурина.
Я въ вѣночки,
Я въ зеленочки;
Хожу ль я, хожу
Вокругъ городочка.

Ищу ль я, ищу
 Ласкову своячину.
 Я въ вѣнчѣхъ,
 Я въ зеленочѣхъ;
 Хожу ль, гуляю,
 По городочку.

Можетъ быть, сердце молодца давно уже избрало
 себѣ ладу, но онъ хранитъ желаніе въ своей душѣ
 до-поры.

Я въ вѣнчѣхъ,
 Я въ зеленочѣхъ.
 Ласковый тестякъ,
 Вари пиво, меду!
 Я въ вѣнчѣхъ,
 Я въ зеленочѣхъ.
 Ласкова теща
 Пеки пироги!
 Я въ вѣнчѣхъ,
 Я въ зеленочѣхъ.
 Ласковый шуринъ
 Сядь коня вранца!
 Я въ вѣнчѣхъ
 Я въ зеленочѣхъ.
 Ласкова своячинъ,
 Шей ты ширинку!

Свадебный пиръ еще далекъ; — поющій хоръ даетъ
 этой пѣснѣ тонъ простодушной насмѣшки.

Вы, добрые люди!
 Жалуйте на свадьбу,
 Хлѣба, соли ѣсти;
 Пива, меду пить.

Расхвалили люди,
 Борисову свадьбу.
 На свадьбу Бориса:
 Пива, меду нѣту,
 Хлѣба не бывало,
 А соль оскудала.

Потомъ веселая толпа отправляется къ рѣкѣ, чтобы бросать вѣнки свои и гадать по нимъ о будущемъ. — Направляясь къ берегу рѣки, хоръ поетъ:

Пойду на Дунай, на рѣку,
 Стану на крутомъ берегу.
 Брошу вѣнокъ на воду;
 Отойду подаль, погляжу:
 Тонетъ ли, не тонетъ ли,
 Вѣнокъ мой на водѣ;
 Мой вѣнчикъ потонулъ,
 Меня милой вспомнюлъ:
 «О свѣтъ, моя ласковая!
 О свѣтъ, моя приветливая!»

Бросая вѣнки съ берега, дѣвушки замѣчаютъ, какъ вода уноситъ эти вѣнки, и потомъ гадаютъ и объясняютъ по плаву и по формѣ движенія послѣднихъ значеніе своего будущаго.

Принеся невольную дань довѣрія неизвѣстному будущему, онѣ возвращаются въ свое село, при пѣніи; но въ это время поютъ по произволу:

У нашего у сосѣдушки,
 Весела была бесѣдушка.
 Во бесѣдушки у сосѣдушки,
 Сидятъ люди добрые;
 Люди добрые, гости званые,

Старички почетише:
 У батюшки старичи;
 У матушки, старушки;
 У брата товарищи;
 У сестрицы подружени,
 У мила дружка товарищи.
 Торилъ Ванюшка дорожку,
 Ко Дунышину подворю,
 Ко ея краску оцошкѣ.
 «Здравствуй Дунышка, Дуныша!
 Ты за что любишь Ивана?—
 Я за то люблю Ивана:
 Его личико румяно,
 Головушка кудревата.
 На головкѣ черна шляпа
 А во шляпѣ-то платочекъ,
 Дунышинъ дарочекъ. —

За тѣмъ дѣвушки занимаютъ хорошедыми играми,
 или пѣснями, и только темная ночь прекращаетъ ихъ
 веселье.

VI. ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Знаменованіе зеленыхъ вѣтвей и украшеніе зеленью. Украшеніе зеленью въ Россіи и другихъ странахъ. Троицынъ день, въ старину срочный день, а суббота троицкая, номинальная. Завиваніе вѣнковъ по разнымъ мѣстамъ. Окаменѣлый хороводъ. Выборъ невестъ въ лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ.

VI.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Нельзя опредѣлить времени происхожденія Троицкихъ игръ. Большая часть повѣрій и обрядовъ терлется въ глубокой древности; но суевѣрные понятія объ нихъ остались еще въ обыкновеніяхъ, изъ коихъ многія служатъ предметомъ къ загадыванію, забавамъ и веселію, какъ напримѣръ, развиваніе и пусканіе на воду вѣнковъ, украшеніе домовъ зеленью, цвѣтами и плетеными вѣнками.

Употребленіе цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтвей въ язы- Знаме-
нованіе
3 0 1 0
и м х з
вѣтвей
и укра-
шеніе
зеленью. чествъ, замѣняло чувствованія сердца: масличная вѣть, знаменовала общественный миръ; лавровая, — побѣду, а дубовая, славу. Посему въ торжественныя шествія онѣ носились по городу, и потомъ хранились въ храмахъ.—У Іудеевъ, украшеніе домовъ и городовъ цвѣтами и деревьями, утвердилось въ воспоминаніе заповѣдей, полученныхъ Моисеемъ отъ Бога, на горѣ Синаѣ. У нихъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ которомъ праздновались ихъ зеленые святки, украшали подсвѣчники, потолки, окна, зданія и храмы зеленью, цвѣтами, цвѣточными вѣнками и многолиственными деревьями. Сей обычай, безъ сомнѣнія, перешелъ отъ нихъ къ прочимъ народамъ.

Украше-
ние зе-
ленными
деревьями
и травами
и т. п.

Въ Литвѣ и Польшѣ, въ Троицынъ день украшались церкви, вельможскіе дома и убогія хижины зелеными деревьями, цвѣтами и травами; даже лавки, двери, окна и самыя постели. — Это самое въ обычай донынѣ въ Малороссіи, и въ большей части Россіи. — Съ нѣкотораго времени, въ Литвѣ и Польшѣ, значительно уменьшился обычай убирать дома зелеными деревьями, по причинѣ ~~общественнаго~~ недостатка въ лѣсѣ. — На Жмудѣ, въ Духовъ день (Секминець), пастухи ѣздятъ на лошадяхъ съ пѣснями, для отвращенія непогодъ и засухи на пастбищахъ. — Въ Германіи доселѣ въ употребленіи троицкія деревья, троицкія и майскія пляски, и убираютъ церкви и колокольни цвѣтами и березками. — Въ Англіи равномерно существовали, незадолго предъ симъ, троицкія игры. Въ Венеціи совершали ежегодно въ Троицынъ день торжественное обрученіе дожа съ адриатическимъ моремъ.

Трои-
ца и въ
день, въ
который
срочный
день, а
суббота
троиц-
кая, по
нельзя
наз.

Въ Россіи Троицынъ день долго служилъ срочнымъ временемъ, (до XVII. в.), ко внесенію податей, рѣшенію спорныхъ дѣлъ и совершенію всякаго рода закладовъ, выкуповъ, продажъ, и новыхъ условій по хозяйственной части, а въ глубокой древности въ Троицкую субботу совершали языческіе обряды. Мужчины и женщины сходились на жальникахъ (могилахъ) и плакали надъ гробами съ великимъ крикомъ. Когда заигрывали скоморохи и гудочники, тогда они переставали плакать, и начинали скакать, плясать и бить въ ладоши на могилахъ. (*)

Почти по всей Россіи Троицкая недѣля называется

(*) Стогл. гл. 41—44.

зеленую, то около Стародуба (чернигов. губ.) она называется *оремухою* и *трекушкою*.

Въ Бѣлорусіи Троицынъ день въ числѣ послѣд-<sup>Земля-
ныя зѣ-
ньи</sup> нихъ весеннихъ праздниковъ; съ нимъ прекращается <sup>когда по-
размыш-
ляютъ</sup> и катанье красныхъ яицъ. Здѣсь, на другой день Со-
шествія святаго духа, въ березовыхъ рощахъ, вьютъ
вѣнки, которые вѣшаютъ на деревья, и поютъ:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лезли, кору грызли,
Звалилися, забивали.

Троица!

Думаютъ, что въ Троицынъ день русалки нападутъ
съ деревьевъ. — Завивъ вѣнки, дѣвушки скачутъ во-
кругъ дерева, и хлопая въ ладоши, поютъ:

Мы живши завивали,
Мы горьлочки попили,
И личинку поели.

Въ знакъ дружбы, мѣняются между собою коль-
цами. Потомъ старшая изъ нихъ садится на землю;
ее покрываютъ платкомъ и привязываютъ къ колу.
Она задремливается. Прочія дѣвушки, взявшись за
руки, танцуютъ около нея, и поютъ. Но вдругъ вы-
скакиваетъ женщина, скачетъ среди ихъ высоко, какъ
можетъ и бьетъ по рукамъ дѣвицъ. Поднимается стѣхъ
и потѣха. Послѣ начинаютъ угощать виномъ, но та-
кое угощеніе, сопровождаемое музыкою, отправляется
по большей части около гумна.

Въ слѣдующее воскресенье гадаютъ о долговѣчности
родителей, сестеръ, братьевъ, мужа, дѣтей и дорогого
для сердца, потомъ всѣ идутъ, въ стройномъ поряд-

нѣ, развивать вѣтки. — Если чей вѣтокъ не засохъ, тому долго жить, чей же засохъ, тому не долго жить. Однако: еще остается надежда на испытаніе: снимаютъ высохшіе вѣтки и бросаютъ въ воду. — Когда плыветъ, вѣрнѣй знакъ долгой жизни; когда потонулъ, — умереть непременно, въ этотъ же самый годъ. — При развиваніи вѣткѣвъ поютъ:

На Троицу мы вѣтки завили,
На разгары развивали;
Горюлочку понесли,
И личку повили.

Послѣ этого, дѣвушки снова мѣняются нольцами и танцуютъ.

Отъ зеленой недѣли, до слѣдующаго воскресенья, не занимаются ни какой работой, боясь прогнѣвить русалокъ, (*) и думая, что скотъ родится съ кривыми головами и ногами.

Нѣкогда предавали русалокъ проклятію. Вѣрили, что онѣ съ черными волосами и черными глазами; жили въ лугахъ и качались на сучьяхъ деревьевъ. Завидѣвъ кого либо, манили къ себѣ, приговаривая: *ja! ja! jadzić k nam na arali (на люлькѣ) колы-лаця.* — Бѣда тому, кто подходилъ къ нимъ: его изуродовали. — По мнѣнію народа, русалки суть дѣти затерянныхъ или умершихъ безъ крещенія, или злыхъ Бѣлароссіанокъ. (**)

(*) Суезары думаютъ еще, что въ субботу предъ Троицей будетъ преставленіе свята; а другіе ожидаютъ его въ этотъ день.

(**) Савер. арх. 1822 г. *Dzien. wileń.*, 1817 г. т. 6.; *Goleb. Gr. i zab.* ч. 3. с. 277—279.

Въ Малороссіи зазываютъ вѣшны съ отѣбой радостію. — Дѣвушки отправляются на дугъ, и собирають тамъ любимыя ими душистыя травы: ландышъ, бардыдокъ, васильки, незабудочки и другія, а плетуть вѣзъ нѣхъ. вѣнка, при вѣніи:

Ой зазью вѣнки, та на вси святки,
Ой на вси святки, на вси праздники. —
Да рано, рано, — на вси праздники.
А въ бору сосна намычалася,
Дочка бытныки дожидалася.
Ой мій батяньку, мій голубчику,
Ты прибудь ко мнѣ, хоть на одно лѣто,
У мене въ тыни, передъ воротами,
Сине море разливаєця. —
Пааны и гетманы набыгалися
Вси сему диву дивовалися. —

По завітїи вѣнковъ, убирають ими сами себя голову, и возвращаются домой съ пѣніемъ.

Въ Тройцынъ день поють еще:

Приштила возулинька,
Зъ темнаго лисочку;
Сила, пала, заковала,
Въ зеленомъ садочку.
Ой якъ выйшла марусенька,
Въ ней запытала:
Скільки мені, возулинько,
Чи довго буду въ батьна?
Будешъ мила, Марусинько,
Сей день до вечора.
Бодай же ты, возулинько,
Сидѣть лѣтъ не ковала;

«Но ты жёна, молодечка,
Правды не сказала.

Надобно замѣтить, что въ Троицкѣ дѣвушки спрашиваютъ у зозуль (кукушекъ), когда онѣ кукують: долго ли имъ быть еще въ домѣ отца? Это значитъ: скоро ли выйдутъ замужъ? сколько разъ она прокукукаетъ, столько лѣтъ имъ жить или ждать суженыхъ.

Нельзя пропустить молчаніемъ и того, какъ встрѣчается и празднуется зеленая недѣля въ Малороссіи.—Тамъ, куда не посмотрите, все и повсюду зеленѣетъ. У порога хатъ поставлены зеленныя деревья; предъ окнами тоже: самые плѣтви убранны вѣтвями. Войдете въ бѣлую, чистенькую хату, и тамъ благоухающая зелень. Въ переднемъ углу, называемомъ покутомъ, стоитъ зеленое кленовое дерево, которое осыплетъ собою столъ, накрытый бѣлою скатертью; на столѣ лежитъ хлѣбъ съ солью, (*) за образами воткнуты бузокъ (сирень) и гвоздики; на стѣнахъ и по потолку, тоже бузокъ душистый и гвоздика; полъ усыпанъ травою, на окошкахъ раскидана свѣжая трава, чебрець благовонный и полынь противу чародѣйствія; въ полинявшихъ стаканахъ и въ кувшинахъ, разставленныхъ по окошкамъ и главному столу, краются: пивонія, лилія, оксамитъ, фіалки, пижма, Божіе дерево и другія. — Подъ иконами текутъ лампада, или маленькая восковая свѣчка, коей тусклый свѣтъ, едва пробивающійся сквозь густоту бальзамическихъ растѣ-

(*) Въ Малороссіи есть обыкновеніе класть на столъ въ большіе праздники хлѣбъ и соль. Его снимаютъ со стола, когда возвратятся отъ обѣда и садятся ѣдать.

ній, извѣщаетъ на сердца и радость и чувство благоговѣнія. — Жители, встопывъ печи и приходя въ лабѣ все въ порядокъ, одѣваются въ праздничный нарядъ; шпиготъ садятся по скамьямъ, и сложивъ руки, ожидаютъ съ чистосердечной набожностью благовѣста. Раздался колоколъ, всѣ привстали и перекрестились. Звонъ пребилъ три раза, народъ зашумѣлъ, засуетился и повалился въ церковь. Бѣлѣютъ юбки, пестрятъ разноцвѣтныя запаски, звѣздятся дукаты на загорѣвшихъ шеяхъ, блестятъ цвѣтныя монеты, развиваются во вѣтру узорнатыя и гладкія ленты, вытетенныя въ косы дѣвушекъ, концы головы, кромѣ лентъ, уборы еще барвишками и другими цвѣтами. Въ рукахъ каждой дѣвушки вѣточка полыни и барвянку. Парни въ черныхъ и сѣрыхъ суконыхъ свиткахъ, подтянутые красными, зелеными и бѣлыми поясами, въ черныхъ и синихъ смушевыхъ шапкахъ, съ сукоными или плюсовыми вершиками, идутъ чинно и съ веселой поступью. Всѣ они, норовившіе съ пожилыми людьми, снимаютъ предъ ними шапку; послѣдніе привѣтствуютъ ихъ: «Добры день, будьте здоровы, въ сядую недѣлю.» Старики, одѣтые безъ щегольства, но чисто и опрятно, приближаются къ церкви, широкими шагами; набожность отсвѣчивается на ихъ лицахъ. Жемчужныя преклонныхъ лѣтъ, въ бѣлыхъ длинныхъ свиткахъ и съ ламитками на головѣ, идутъ скромно, подавая собою примѣръ дѣтямъ и внукамъ. — Послѣ обѣдни поднимается радостный шумъ и говоръ. Въ сторонѣ стоитъ высокій шестъ, который снизу доверху увѣтъ зелеными вѣтвями и цвѣтами; около него посажены въ кружокъ кленовыя, липовыя и березовыя деревья. — Сюда стекаются веселыя толпы; раздуются вѣтры и начинаются пляски и хоробы; вла-

ли и около бречать неутомимым балабайки. Веселие продолжается до темной ночи.

На другой день ведѣли, поутру рано, отправляются дѣвушки купаться. У каждой изъ нихъ на головѣ вѣнокъ, а въ руцѣ полынѣ. — Съ ними онѣ выходятъ въ рѣку и выряютъ: вѣнки сплываютъ съ ихъ головъ; послѣ онѣ выходятъ на берегъ и слѣдятъ глазами за вѣнками. Чей вѣнокъ принесется водою первымъ къ берегу, та думаетъ, что она прежде всѣхъ своихъ подругъ выйдетъ замужъ; чей вторымъ, та послѣ своей подруги, и такъ далѣе. Но если вѣнокъ начнетъ качаться на одномъ мѣстѣ и не плыветъ, — не выйдетъ замужъ; чей потонетъ, — той умереть скоро.

Еслибы захотѣли спросить у старыхъ Малороссіянъ: зачѣмъ въ день святой ведѣли всѣ носить полынѣ? то они расскажутъ вамъ легенду, съ простодушной увѣренностію въ ея истинѣ. Святая ведѣля есть великъ день малокъ; въ этотъ день онѣ выходятъ изъ воды повеселиться, погулять и кроются въ травѣ, житѣ, и въ огородахъ. Онѣ нападаютъ на человека и шекочутъ его. — Бѣдный смѣется до тѣхъ поръ пока умираетъ отъ смѣха. Если же человекъ имѣетъ при себѣ полынѣ, то малыя боятся его, и не смѣютъ даже приближаться къ нему. Отъ того дѣти, взрослые и старики, идя купаться, на гулянье, въ поле, въ огородъ, даже гуляя по селу, всегда носятъ при себѣ полынѣ. По этому-то поводу раскладываютъ полынѣ на окошкахъ, посыпаютъ ею полъ въ хатахъ, бросаютъ въ сѣняхъ, бросаютъ на порогъ и во дворѣ, чтобы малыя не дерзали приближаться даже ко двору. Случалось не разъ человѣку, что малка, встрѣтившись съ нимъ, спрашивала его: *що у тебе?* Если онъ отвѣчалъ: *полынѣ*, и покажетъ; то она сказала: *куръ тобі зъ нимѣ*, удалялась отъ него; но если встрѣтившійся имѣлъ

при себѣ мятуту, и снажить мѣла; то она отвѣтитъ ему: *тумъ нѣби ама, начинаетъ шекотать и зашкочитъ* — взлетъ до смерти. — Что же это за малки? — Маленькія дѣти, которыя умирали некрещенными. Души, послѣ ихъ смерти, переселяются жить въ рѣки и озера, гдѣ онѣ плаваютъ золотыми рыбками. — Иногда онѣ превращаются въ дѣвушекъ, и показываясь на берегахъ, манятъ къ себѣ проходящихъ; когда эти приближаются къ нимъ, тогда онѣ скрываются въ воду; но бывало, что малки уносили съ собою на дно рѣки, парней, съ коими онѣ любятъ забавляться.

Не вѣрите этой легендѣ? — такова всякая легенда; но позволите, имѣйте терпѣніе выслушать до конца разсказъ одного старика, который божится и присягаетъ за достоверность легенды.

Въ день святой недѣли, онъ шелъ вечеромъ, когда былъ еще парубкомъ, въ свою деревню; не доходя за полверсты до деревни, была могила; на той могилѣ стояло три креста. Онъ смотритъ: подъ крестами сидятъ шесть барышень, одѣтыхъ вышню, какъ царевны, — лица ихъ были румяны, словно калина. Такихъ красавицъ онъ не видывалъ отъ роду. Онъ подумалъ сначала, что это какія нибудь проѣзжія пани, зашелъ посмотрѣть намазованный крестъ (разрисованный), который недавно былъ поставленъ надъ умершимъ прикатишкомъ. Подходить ближе, барышни начали перекидываться, и зная, что-то притовариваютъ; онъ подошелъ еще ближе, прислушался, и волосы стали дыбомъ на его головѣ. Одна покатила съ могилы, закричала: *завъ! у мене соломенный духъ; мене мати уродила некрещену положила*. За ней другая, третья и такъ всѣ, и всѣ притовариваютъ тѣже самыя слова. Счастье мое, говоритъ онъ, что я имѣлъ при себѣ полынъ, былъ бы мнѣ тутъ аминь. Когда малки разбѣжались,

тогда она перекрестилась, спряталъ полъни въ книжечку (карманъ), побѣжалъ въ деревню, разсказалъ объ этомъ случаѣ всѣмъ встрѣчнымъ, крестился и божился, что это правда.

Цѣлыя и травы, находимыя въ Троицынъ день, хранятся въ домахъ, какъ предохранительное средство отъ разныхъ недуговъ. Предъ захожденіемъ солнца, когда умолкають пѣсни и прекращаются хороводы, поселяне пускаютъ вѣнки на воду, наблюдая той камъ поплыветъ : закружится ли, поворотится или потонетъ! Правильное и спокойное плаваніе, — означаетъ счастливый успѣхъ; круженіе, — неблагопріятное окончаніе дѣла, а потопленіе, — несчастное событіе. Гаданія, производимыя дѣвками о выходѣ за мужъ, о жемчѣхъ, о будущемъ счастіи, и тому подобное, часто производятъ печальныя впечатлѣнія на цѣлое семейство. — Послѣ пусканія вѣнковъ на воду, что не вездѣ соблюдается одинаково, — иногда поутру, иногда въ полдень, — отаравляются дѣвушки въ березовыя рощи, при цѣніи радостныхъ пѣсней, и тамъ играютъ въ хороводы, выютъ новые вѣнки, угощаютъ другъ друга и веселятся играми и плясками. — Суворовъ любилъ вразновать Троицынъ день и семикъ въ березовой рощѣ. Тутъ онъ обѣдалъ съ своими гостями подъ кудрявыми березами, испещренными разноцвѣтными лентами, при пѣніи народныхъ пѣсней; послѣ обѣда играли въ хороводы не только съ дѣвушками, но съ солдатами, и забавлялся играми, изъ коихъ особенно любилъ : « живъ, живъ, курлка. »

Въ петербургской губ. плетутъ вѣнки, на канунѣ Троицына дня, а въ этотъ день пускаютъ ихъ на воду съ разными гаданіями и аэрованіями. Дѣвушки замѣчаютъ всякое движеніе плывущаго вѣнка, и если онъ потонетъ, то непремѣнно несчастіе!

По этому случаю составлялось въ народѣ памятная цѣль:

Во садикѣ дѣвки гуляли,
 Калина моя, малина моя!
 Во саду красныя гуляли,
 Калина моя, малина моя!
 Цвѣтки сорывали, вѣнки совивали,
 Калина моя, малина моя?
 Во Неву рѣку бросали,
 Калина моя, малина моя!
 Кто вѣнокъ поймаетъ,
 Калина моя, малина моя!
 За тово за мужъ пойду.
 Калина моя, малина моя!
 Гдѣ ни взялся молодчикъ,
 Калина моя, малина моя!
 Изъ суровскаго ряду.
 Калина моя, малина моя!

Разувался, раздѣвался,
 Калина моя, малина моя!
 Въ Неву рѣку бросался.
 Калина моя, малина моя!
 Какъ вѣночекъ-то дагъ,
 Калина моя, малина моя!
 Молодецъ то вѣдь тонетъ,
 Калина моя, малина моя!
 Какъ вѣночекъ попернулся,
 Калина моя, малина моя!
 Молодецъ захлебнулся,
 Калина моя, малина моя!

Если вѣночекъ, не коснувшись береговъ, утонетъ и не потонетъ, то сбудутся желанія дѣвицы. — Последъ пущанія вѣночекъ, отправляются въ рощи или въ окрест-

стые сады : тамъ забавляются игриши, хороседыми;
пляшутъ и поютъ, между разнообразными пѣснями;
тронцкую пѣснь :

Благослови, тройца,
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти
Взночекъ соплесть,
Ой, дидъ, ой, ладо!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ ;
Свекру-батюшкѣ, малиновой ;
Свекрови-матушкѣ, калиновой.
Ой, дидъ, ой, ладо!

Пойду ль я пѣшкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ;
Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣчишку ;
Ой, дидъ, ой, ладо!
Не тонеть, не плыветъ,
Съ сыра дуба вѣточка.
Не тужить по мнѣ :
Ни свекоръ батюшка,
Ни свекровь матушка. —
Ой, дидъ, ой, ладо!

Въ московской губерніи пускаютъ на воду, при загадываніи, пучки тѣхъ цвѣтовъ, которые стояли въ церкви.

Въ калужской губер. существовало обыкновеніе, которое мѣстами отправляется понынѣ, что парень, задумавшій жениться, долженъ вытащить изъ воды вѣночекъ для той, которую проситъ за себя. Вытащивши вѣночекъ, онъ можетъ свататься.

Въ рязанской губери. дѣвѣ и молодыя женщины,

ходятъ завивать вѣнки въ рощу. Набрать полевыхъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ, онѣ садятся подъ вѣвистымъ деревомъ, или гдѣ имъ понравится, въ хоро-водный кружокъ, и поютъ пѣсни, съ припѣвомъ *Лелю*; потомъ полудничаютъ. — По сплетеніи вѣнковъ, на-дѣваютъ ихъ себѣ на голову, и идутъ хоровадомъ къ р. Окѣ, въ которую бросаютъ съ себя вѣнки, и гада-ютъ по ихъ плаванію про будущую свою судьбу.

Завиваніе вѣнковъ въ смоленской губерніи совер-шается не въ одно время, смотря потому, въ который день празднуютъ Сошествіе св. Духа и св. Троицу. Въ смоленскомъ, рославскомъ, духовщинскомъ, краснин-скомъ, елининскомъ, дорогобужскомъ, бѣльскомъ и порѣч-скомъ, Духовъ день празднуется въ воскресенье, а Трои-ца въ понедѣльникъ: поэтому завиваютъ вѣнки въ поне-дѣльникъ. Точно въ такомъ порядкѣ празднуютъ эти дни въ моголевской и витебской губ.; но въ уѣздахъ: вяземскомъ, гжатскомъ, сычевскомъ и юхновскомъ, смо-ленской же губер. Троицынъ день празднуютъ въ во-скресенье, а Духовъ въ понедѣльникъ; посему завива-ютъ и вѣнки въ воскресенье. Такъ празднуютъ въ гу-берніяхъ: С. Петербургской, Новгородской, Псков-ской. —

Въ завиваніи вѣнковъ, кромѣ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, принимаютъ участіе пожилые обѣихъ по-ловъ; вѣнки завиваютъ съ музыкою и пѣніемъ, начиная отъ дома или селенія, изъ котораго выходятъ въ рощу, или въ лѣсъ.

Мы пойдемъ дѣвочки

Во луга гулять,

Ай люди, люди, во луга гулять!

Во луга гулять,

Вѣнки завивать,

Ай люди, люди, вѣнки завивать.

Мы заведем вѣночки
 На всѣ красны денечки.
 Ай люди, люди, на красны денечки.

Благослови Троица,
 Богородица,
 Намъ въ лѣсъ пойти,
 Вѣнокъ сплести,
 Ай люди, люди, вѣнокъ сплести.

.. При завязаніи поютъ :

Благослови Троица,
 Богородица,
 Намъ вѣнокъ сплести ;
 Ай люди, люди, намъ вѣнокъ сплести ;
 Свекру батюшкѣ,
 Свекрови матушкѣ,
 Ай люди, люди, свекрови матушкѣ :
 Свекру батюшкѣ малиновый,
 Свекрови матушкѣ калиновый ;
 Ай люди, люди, калиновый,
 А мнѣ молодой
 Съ гиблаго вѣтѣлка,
 Ай люди, люди, съ гиблаго вѣтѣлка!

Въ Троицынъ день пускаютъ вѣнки на воду и гадаютъ : дѣвушки и парни о суженыхъ, а замужнія и пожилыя о смерти, или о горѣ и радости въ жизни; когда вѣнокъ не коснется берега рѣки, и не потонувъ, уплыветъ,—тогда сбудется желаніе; въ противномъ случаѣ,—неудача или смерть. При пусканіи вѣнковъ, поютъ.

Да пойдѣ я тихонько,
 Лужкомъ, бережкомъ,
 Ай люли, люли, лужкомъ, бережкомъ.
 Сломлю со сыра дуба вѣточку,
 Брошу на быстру рѣчишку,
 Ай люли, люли, на быстру рѣчишку,

При неудачѣ въ гаданіи поютъ :

Да грозна, грозна
 Грозовая туча!
 Ай люли, люли, грозовая туча!
 Грозный того вѣтъ, —
 Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ.
 Ай люли, люли, ко мнѣ свекоръ ѣдетъ.
 Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ
 Со лютой свекровью.
 Ай да люли, люли, со лютой свекровью.
 Вы мостите мосты,
 Гнилыя колоды.
 Ай да люли, люли, гнилыя колоды.
 Забивайте гвозди,
 Еловыя шиники.
 Ай да люли, люли, еловыя шиники.
 Чтобы мостъ обломился,
 Лютой свекоръ залился.
 Ай да люли, люли, лютой свекоръ залился.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казанской губер., выходя на камунѣ Троицына дня, съ Св. образами, чтобы служить молебны на полѣ, засѣянномъ хлѣбомъ; поле и околѣ окропляютъ освященной водою. — По окончаніи молебствія, веселяще обою пола пляшутъ и поютъ въ честь Ярилы.

Въ чебоксарскомъ уездѣ (Казанской губер.), дѣвушки изъ вѣстовыхъ деревень, сходятся вѣстѣ на се-

микъ, ѣдятъ личину, и потомъ отправляются въ лѣсъ завивать вѣнки на березѣ. Возвратясь въ деревню, выбираютъ лучшую избу, моютъ ее, даже соскабливаютъ нечистоту со стѣнъ, и выметають дворъ. Въ этотъ день дѣлается между ними ссыпчина (складчина), на которую каждая дѣвушка приноситъ съ собою часть муки, солоду, хмѣлю, и варятъ пиво. Въ Троицынъ день наряжаются дѣвушки, по-утру рано, въ лучшіе сарафаны, и потомъ отправляются вмѣстѣ въ ту рощу, гдѣ завивали въ семикъ вѣнки; берутъ съ собою березку, украшаютъ ее лентами и приносятъ съ пѣніемъ, въ избранную ими для празднованія избу. Здѣсь весь дворъ убирають березками и вѣнками. — Ихъ праздникъ продолжается три дня, и сюда съѣзжается множество гостей изъ деревень и городовъ. Всѣ веселятся, пляшутъ, поютъ, а дѣвушки по большей части гадаютъ о своихъ женихахъ, или тутъ высматриваютъ ихъ. Безъ молодежи имъ праздникъ не праздникъ, — то и раздолье, когда гуляетъ безпечная юность, то и наслажденіе, когда радуется весна жизни. Старухи и матушки, припоминая о своемъ давно мишувшемъ веселіи, говорятъ: мы гуляли лучше ихъ! — но онѣ говорятъ со вздохомъ и не безъ зависти къ веселящимся.

Въ пермской губ. не менѣе забавляются, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Гулянье происходитъ по большой части внѣ города. Въ Перми, за кунгурской заставой; располагають круглыя и веревочныя качели; торгаша разбавляютъ палатки, или раскладываютъ на устроенныхъ прилавочкахъ пряники, орѣхи, сладкіе плоды и разныя напитки. — Дѣвушки и парни качаются на качеляхъ; другіе поютъ, а тамъ пляшутъ. Въ Дуковѣ дѣшъ продаются тѣмъ же самымъ забавамъ уже на горѣ, — надъ рѣчною Егосиной. — Считающія себя не

простыми людьми, протулываются по беребывымъ ало-
ямъ, разсаженнымъ подлѣ земляного вала :

Въ пензенской и симбирской губ., Троицынъ и Ду-
ховъ дни сопровождаются страннымъ обычаемъ. Дѣ-
вушки, одѣвшись въ простыя платья, сходятся на
условленное мѣсто; тамъ, избравъ одну изъ своихъ
подругъ, съ названіемъ *Костромы*, кладутъ ее на доску,
несутъ къ рѣкѣ и спускаютъ въ воду. Потомъ и сами
туда бросаются за нею: купаются, поютъ, шалятъ и ду-
рачатся. Порѣзвившись вдоволь, дѣлаютъ барабанъ изъ
лубка, съ нимъ идутъ домой, при пѣніи и глухомъ
барабанномъ боѣ. За тѣмъ жаряются въ праздни-
чныя платья, и играютъ въ хороводы до вечера.

Еще есть другое обыкновеніе въ пензенской губер.:
тамъ, за три дня до пятидесятницы, всѣ дѣвушки от-
правляются хороводомъ въ лѣсъ завязать вѣнки. Пока
идутъ къ лѣсу, поютъ:

Охъ ты веснушка, весна,
Весна барыня моя!
Что не въ радости пришла,
Не въ радости, не въ чести,
Во великой сухотѣ.
Охъ ты садъ ли мой, садикъ,
Садъ, зеленой виноградъ:
Отъ чего садикъ повялъ?
Въ саду молодецъ гулялъ,
Тяжеленько вздыхалъ.
Тяжелѣе того давка плакала,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
По своимъ дружкѣ, по Иванушкѣ.
У Иванушки лицо былое,
Лицо былое, все румяное,
Все румяное, кудри русыя,

На русскѣхъ издрѣвѣхъ пляска новая,
Шлапа новая со бархоткою.

Вошедши въ лѣсъ, всѣ разсыпаются въ немъ: тамъ онѣ ломаютъ мѣлкія вѣтви деревьевъ, свиваютъ изъ нихъ вѣнки, которые и оставляютъ на мѣстѣ до самаго праздника, но прежде всего, свивъ одинъ вѣнокъ, кумятся. — Дѣвица подаетъ сквозь вѣнокъ другой дѣвицѣ яйцо и говоритъ:

Покумиися,
Кумушка,
Покумиися,
Голубушка!
Да ю, ю,
Семикъ да Троица!

Послѣ выходятъ изъ лѣса, съ дѣвнѣю:

Ты не лъсти меня словами,
Не обманывай въ глаза!
Ты почувствуй, мой любезный,
Что я буду говорить,
Всѣхъ досады перенесла
На своей бывшей груди.

Наскучивъ пѣснью голосовую, онѣ затягиваютъ скорошную.

Негодный сынъ тараканъ,
Купилъ дѣвкѣ сарафанъ.
Она его не носитъ,
Бумажинькаго проситъ.

Въ день праздника, всѣ дѣвицы отправляются за вѣнками, и поютъ которую нибудь изъ прописанныхъ пѣ-

села. На обратномъ пути, подхождя — къ селу, или деревнѣ; поютъ:

Да ю, ю, семикъ да и Троица!
 Но этой по улицѣ,
 Различъ различается,
 Да ю, ю, семикъ да и Троица!
 Во этомъ различикѣ,
 Утепъ добрый молодецъ (*)
 Да ю, ю, семикъ да и Троица!
 Съ своимъ вороннымъ конемъ,
 Съ черкасскимъ сѣдельцемъ.
 Да ю, ю, семикъ да и Троица!

Подошедъ къ рѣкѣ, дѣвицы бросаютъ свои вѣнки въ воду, и смотрятъ: не тонетъ ли который изъ нихъ? чей потонетъ, той быть за мужемъ. Прежде, нежели разойдутся по домамъ, опять поютъ:

Раскунимся, кумушка,
 Раскунимся голубушка,
 Да ю, ю, семикъ да и Троица!

Тѣмъ и оканчивается завиваніе вѣнковъ. Въ послѣдній день весны, прежде всего хлопчутъ какъ бы проводить ее почестиѣе. — Трое или четверо молодыхъ ребятъ, накрывшись двумя, или тремя пологами, образуютъ изъ себя подобіе лошади, довольно уродливой. Одна изъ женщинъ, наряжается въ солдатскій мундиръ и панталоны, и командуетъ тремя лошадьми. Всѣ дѣвицы провожаютъ ихъ за свое село или деревню, и прощаются съ ними, въ ознаменованіе послѣд-

(*) Здесь поются по имени и отчеству.

наго веселія, и это называется *прощаньи*, весны. —
Послѣ во всю ночь идетъ веселье и пляска. Такъ
оканчивается послѣдній день весны. Съ петровскаго
поста до глубокой осени, всѣ заняты тяжелыми ра-
ботами: сѣнокосомъ, уборкой хлѣба и т. п., и по
этому расстаются съ весною не безъ грусти.

Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына
дня, погребаютъ *кострому*, а въ Владимірѣ на Клязь-
мѣ, погребаютъ въ это самое время *ладу*.

При завиваніи вѣнковъ въ калужской губ., зани-
маетъ главное мѣсто при угощеніи, драчона и пи-
роги. Послѣдній дѣлается на подобіе колпака; внут-
ренность его почти вся видна, по причинѣ тѣстяной
на верху его плетенки. Подъ сподъ привѣшиваютъ
два окрашенныхъ пустыхъ яйца. Пирогъ этотъ хра-
нится до развитія вѣнковъ, и во время забавъ поется
хороводная пѣснь:

«А мы просо съяли, съяли», и т. д.

По развитіи вѣнковъ, отправляются съ пѣснями къ
мосту или рѣчкѣ, и снявъ съ головы вѣнки, бро-
саютъ ихъ въ воду, замѣчая: если чей вѣнокъ не то-
нетъ, того мать, или другой кто изъ родныхъ умретъ
въ тотъ самый годъ, хотя этого почти никогда не слу-
чается, однако загадывающіе остаются въ убѣжденіи.

Въ орловской губ. пекутъ на Троицынъ день два
коровая: это печенье называется *моленіемъ короваю*.
Одинъ ѣдятъ за столомъ, а съ другимъ ходятъ дѣ-
вушки въ рошу завивать вѣнки.

Въ псковской губ. *протищаютъ глаза у родителей*, —
это значитъ, что дѣти обметають и опахивають тогда
могилы своихъ родителей троицкими цвѣтами, свя-
занными въ большой пукъ, на подобіе вѣника.

Въ Петербургѣ также ходятъ въ Троицынъ день
на могилы: посыпають ихъ цвѣтами и обставляя

ють березками; поминають своихъ родителей и прово-
дятъ цѣлый день съ покойниками, думая, что они бе-
сѣдуютъ, веселятся и горюють съ ними. Въ этотъ
день поминають еще не однихъ родныхъ, но и зна-
комыхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ енисейской губ. одѣвають
березку въ пестрое платье, и ставятъ ее въ клетъ до
Тройцына дня. — Это чучело изъ березки называется
гостейкою. Въ Тройцынъ день послѣ обѣдни, выно-
сятъ дѣвушки съ парнями гостейку за селеніе; зави-
ваютъ въ рошѣ вѣнки и пляшутъ около гостейки; по-
томъ пускаютъ на воду плетеные вѣнки и гадаютъ.

Изъ мѣстныхъ обычаевъ на Тройцынъ день, не ме-
нѣе замѣчательнъ у волжскихъ жителей. Завивъ бе-
резки въ рошѣ, отправляются съ вѣнками къ рѣкѣ
Волгѣ, при радостномъ пѣніи.

Глубока рѣка, берега рвала,
Охъ, люли, берега рвала!
Ужъ я молода по бережку шла,
Охъ люли, по бережку шла!
По бережку шла, и цѣты рвала,
Меня молоду туда сөрвало,
Внизъ понесло, къ донскимъ козакамъ
Охъ люли, къ донскимъ казакамъ.

По развитіи вѣнковъ, бросаютъ ихъ въ воду: чей
вѣнокъ прямо поплыветъ, той выйти за мужъ, въ
тогъ же годъ; чей потонетъ, той сидѣть въ дѣвахъ. —
По окончаніи загадыванія, возвращаются домой съ
пѣніемъ:

Грушица, грушица, зеленой виноградъ,
Подъ грушицей свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвушка сидитъ,
Забавная речъ говорить :

Часть VI.

Ахъ, почете намѣя времѣни:
 Сущиѣ жети хорошиѣ мунѣя,
 А дѣвушки дамыѣ друзья. —
 Всяка дѣва, себѣ дружка зашла:
 Дальній другъ, — большаѣ сухота,
 Близній другъ, — весельѣ за всегда. —
 Призвала дружка на часокъ побывать;
 Уняла его и почку почевать;
 Упросила недвлюшку пожить,
 Принуждаѣтъ его силою любить.
 Уже силою не буду я любить,
 По неволѣ я не буду цѣловать (*).

Въ воронежской губерніи существовалъ обычай, что дѣвушки завивали вѣнки по утру Троицына дня, — а развивали и пускали на воду въ самый праздникъ, уже вечеромъ. — Для праздника строили шалашъ за городомъ, убирали его вѣнками, цвѣтами и душистою зеленью; внутри его ставили чучело, одѣтое въ богатое платье, мужское или женское. Около шалаша толпились люди обоѣго пола раскладывали на застланныхъ скатертью столахъ или на землѣ, нарочно приготовленное кушанье, и ставили разнаго рода напитки: медъ, пиво, варѣнуху и водку; сажались и угощали другъ друга; за тѣмъ начинали пѣть и плясать около шатра. — Дѣвушки и молодые парни составляли хороводъ съ пѣснями, и пѣли.

Луговая коростель,
 Ладо, ладо, коростель!
 Не кричи рано по зорѣ
 Не буди меня рано на зорѣ!

(*) Снегир. русск. прост. пр. и сует; обр. ч. III. с. 148—151.

У меня матушка, — матка.
 Она меня поздно спать кладетъ,
 Она меня рано возбуживаетъ
 Къ легкому дѣлу, — къ жерновамъ.
 Луговой поростель,
 Ладо, ладо, поростель!
 Закричи рано по зорѣ,
 Разбуди меня рано по зорѣ!
 У меня матушка родная,
 Она меня рано спать кладетъ,
 Она меня поздно возбуживаетъ
 Къ тяжелому дѣлу къ палицамъ.

Въ Семицъ и Троицынъ день, разыгрываютъ, въ сѣверной части Россіи, хороводную игру жениха и невесты, при завиваніи вѣнковъ. Въ средину хоровода помѣщаютъ ловкаго парня и печальную дѣвушку. Хороводъ ходитъ вокругъ нихъ, и поетъ:

Ай во поле, ай во поле,
 Ай во широкомъ раздолѣ!
 Стоять шатры, стоять полотняны
 Во шатрахъ сидятъ князья, бояре,
 За шатромъ гуляетъ гостининъ сынъ.
 Онъ во гусли играетъ,
 Дѣвушку утѣшаетъ:
 Не плачь, не плачь дѣвушка,
 Не плачь, не плачь красная!
 Сошью тебѣ дѣвушка,
 Шубку, юбку, тьмогривну;
 Подарю монисты съ камнями
 Серьги со жемчугами.
 Ай во поле, ай во поле,
 Ай во широкомъ раздолѣ!
 Стоять шатры, стоять полотняны,
 Во шатрахъ сидятъ князья, бояре,

За шатромъ красна дѣвица гуляеть.

Дѣвица рѣчи ведеть,
Къ гостинну молодцу:
Ненадобно молодець,
Ни шубки, юбки, тылгравии,
Ни монисты со камнями,
Ни серегъ съ жемчугами.
Пусти меня, молодець,
Съ дѣвицами гулять!

Тогда тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

Эта хороводная игра, выражающая грусть дѣвушки по ея свободѣ, которая для ней дороже всѣхъ подарковъ, оканчивалась въ старину расплетеніемъ косы. Дѣвица всегда восхищается волнистою своею косою, но какъ она плачетъ, когда расплетаютъ ее! Наши пѣсни о русой косѣ, запѣчатаены душевною тоской.— Такъ пѣли наши предки, такъ оно и было. А теперь, не то время! теперь каждая дѣвушка расплетаетъ съ радостію свою косу, чтобы ей быть по свободѣ. За мужемъ. Слѣдующую пѣснь такъ же поютъ, во время тропицкихъ хороводовъ.

Конопля, конопля зеленая моя!
Чтожъ ты конопля, не весела стоишь?
Ахъ, какъ мнѣ конопль весело стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломало,
Сверху коноплю воробьи клюють.

Дѣвка ты, дѣвушка красная!
Чтожъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?—
Ахъ, какъ мнѣ дѣвушкѣ веселой быть!
Мой батюшка хочетъ замужъ отдавать,
А матишка хочетъ въ черницы постричь,
Мой батюшка пошелъ бояръ собирать,
А матишка пошла за игуменьею. —

Скрыпнула ворота растворчатые,
 Брехнула собака борзая на цыпи,
 Мнѣ чало (мнѣ думалось) батюшка съ боярами,
 Ажно моя матушка съ игуменью.
 Садись, мое дитятко, на золотое стульце,
 Расплетай, мое милое, русую косу.
 Пусти меня матушка на Донъ погулять.
 Бялылицы, румяницы съ лица постирать.
 Смоємъ, мое дитятко, горючей слезой
 Сотремъ, мое милое, пельчатый рукавомъ (*).

Между суевѣрными предметами, народъ сохранилъ <sup>Окане-
нѣмъ
хоро-
воду.</sup>
 на берегу рѣки Мечи, въ селѣ Козьмѣ, (около Тулы),
 кучу камней, расположенныхъ хороводнымъ кругомъ. —
 Тамъ думаютъ, что этотъ кругъ состоялъ изъ хоро-
 водныхъ дѣвушекъ, которыя, за неистовыя пляски
 ихъ на Троицынъ день, превращены небеснымъ гро-
 момъ въ камни. — Это похоже на Ниоба, превращен-
 наго громомъ съ дѣтьми въ камни.

Въ древности ходили въ священныя рощи снимать
 кору съ деревьевъ, березы, липы и дуба, и прикла-
 дывали ее къ ранамъ. Добывая огонь изъ священныхъ
 деревьевъ, помощію тренія, хранили его дома. Другіе
 брали кусочекъ затлѣвшагося дерева или щепочку
 золы, и берегли у себя, думая предохраниться отъ
 заразы. Спинающую боль излѣчивали топтаніемъ ногами
 по хребту спины, въ священной рощѣ. (**)

Странное сохранилось донинѣ обыкновеніе въ Пе- <sup>Выборъ
невесты
въ лѣт-
номъ са-
ду въ Пе-
тербургѣ.
гѣ.</sup>
 тербургѣ. Спустя недѣлю послѣ перваго Воскресенья
 отъ Троицы, молодые люди выбираютъ себѣ невестъ
 въ лѣтнемъ саду. — Туда стекается изъ столицы, въ

(*) Украинскій журн. 1824 г. № 11.

(**) De Russ. relig. et ritib. ed. 1581 г.

четыре или пять часовъ по полудни, все, что можетъ ходить и двигаться, чтобы посмотрѣть, полюбоваться и самихъ себя выказать. Музыка гремитъ безумно, по всѣмъ угламъ сада, въ коемъ гуляютъ въ богатыхъ и изысканныхъ нарядахъ, гуляютъ и замѣчаютъ другъ друга. Хотя это гулянье собственно купеческое, однако подъ ихъ вывѣскою, расхаживаютъ и другіе, кто ищетъ себѣ жениха или невѣсты. Дѣвушки и молодыя вдовушки, изъ купческаго и мѣщанскаго сословія, одѣваются съ расточительной роскошью, въ дорогія платья, голову и шею унизываютъ жемчугомъ и брилліантами; въ уши вдѣваютъ драгоценныя серьги; пальцы испещряютъ перстнями и кольцами. — Разряженныя невѣсты ходятъ по главной аллеѣ, съ своими матерями и родственницами; женихи, которые стоятъ по обѣимъ сторонамъ аллей, высматриваютъ невѣсты, и потомъ объявляютъ о своемъ выборѣ стоящей возлѣ нихъ свахѣ. Эти передаютъ условія и желанія жениха, и дѣло по большей части въ пладѣ. Часто женятся весьма забавно. Многіе изъ жениховъ, думая, что драгоценное украшеніе дѣвушки, которое видѣли на ней, есть ея собственное, — между тѣмъ какъ все это берется отъ бриллианщиковъ на прокатъ, — опрометью ищутъ руки, въ той надеждѣ, что обогатятся наѣрно. Но какъ они обманываются жестоко! въ удѣлъ достается не рѣдко одно подѣвичье платье, и въ томъ, увѣ, все богатство!

VII. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

**Первое апрѣля. Апрельскій дуракъ и апрѣльская рыба.
Первое апрѣля въ Россіи.**

VII.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Это не есть народный праздникъ, а одинъ веселый ^{Первое} ^{апрѣля.} обычай: обманывать въ первый день апрѣля. На востокъ и въ древней Европѣ, онъ составлялъ часть языческаго празднества. У насъ на Руси, онъ никогда не былъ въ числѣ празднествъ; нынѣ же онъ служитъ къ неистощимымъ забавамъ и шуткамъ. (*)

Первое апрѣля обязано своимъ происхожденіемъ востоку. Въ глубокой древности праздновали Индѣйцы, и нынѣ празднуютъ въ это время, рожденіе бога Шивы и его праздникъ называется *Гули* или *Голака*. Въ честь его представляютъ разныя игры, сопровождаемыя обманами:

У Римлянъ первое апрѣля посвящалось въ честь божеству *смѣха*, и составляло народное празднество. Смѣялись, шутили, выдумывали обманы, переодѣвались и паряжались для обмана.

Еврей, предвидя Воскресеніе Иисуса Христа, распустили въ пародѣ ложную молву, что Спаситель не воскреснетъ, развѣ тѣло Его похитятъ ученики. Когда

(*) Goleb. Gr. i zab. rożn. stan. War. 1831.

божественное воскресеніе совершилось, тогда ученики вездѣ провозглашали съ торжествомъ: *Христосъ воскресъ*. Невѣровавшіе въ Воскресеніе отвѣчали, *не правда*. — Но какъ воскресеніе случилось перваго апрѣля, то первое число этого мѣсяца сдѣлалось предметомъ по-смѣянія надъ Евреями, разглашавшими повсюду неправду о не воскресеніи Христовомъ. — Иудеи думали, что обманывая себя, обмануть весь свѣтъ. — Современемъ этотъ обманъ обратился въ шуточный, и доселѣ господствуетъ по всей Европѣ. — У насъ, особенно въ Петербургѣ, непостоянная апрѣльская погода, примѣнена къ непостоянству самыхъ женщинъ. — Прекрасный полъ призываетъ къ этому сравненію. Любовныя проказы, супружескія измѣны, обыкновенныя во всей подлунной, оправдываются въ столицѣ непостоянствомъ апрѣльскимъ, а если ужъ большіе грѣхи, то годичнымъ непостоянствомъ климата. — Такъ должно быть, говорить обманываемые въ свое утѣшеніе. Нигдѣ первое апрѣля такъ не кстаетъ, какъ въ Петербургѣ.

Апрѣль-
скій ду-
ракъ и
апрѣль-
ская ры-
ба.

Обманутый перваго апрѣля, называется *дуракомъ*. У Англичанъ, Шотландцевъ, Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ и Нѣмцевъ, этотъ день называется днемъ всѣхъ дураковъ.

Во Франціи апрѣльская шутка называется *апрѣльской рыбою*, означая этимъ, что людей такъ легко обманывать, какъ нѣмыхъ рыбъ. Въ это время тамъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, говорятъ еще: посылать отъ Пилата къ Ироду, т. е. когда дѣло во всемъ чистое, посылать вновь на судъ. Выраженіе это вошло конечно въ употребленіе съ тѣхъ поръ, когда водили Спасителя отъ Пилата къ Ироду.

Чехи и Словаки употребляютъ выраженіе: *послати кого съ апрѣлемъ*.

Обычай обманывать первого апрѣля, занесенъ въ ^{Первое} Россію иностранцами, нѣтъ сомнѣнія, до временъ Петра 1. Въ 1700 г., явившаяся въ Москвѣ на площадѣ <sup>апрѣля въ Рос-
сін.</sup> труппа Нѣмецкихъ комедіантовъ, объявила всенародно, что первого апрѣля, въ день представленія *разныхъ забавныхъ и невиданныхъ штукъ*, содержатель ихъ, нѣмецъ, покажетъ на себѣ чудо изъ чудесъ: онъ влезетъ въ обыкновенную бутылку. — Когда народъ собрался и долго ожидалъ съ нетерпѣніемъ, тогда открылась занавѣсъ и на освѣщенномъ огнями театрѣ, явилась бутылка, съ бѣлой надписью на стѣнѣ: *апрѣля, первое число*. Государь, присутствовавшій при этомъ представленіи, остался не довольнымъ шуткою, но не обнаруживая гнѣва, онъ сказалъ съ усмѣшкой: *вотъ вольность актеровъ*. (*) Въ послѣдствіи времени перво-апрѣльскія забавы распространились у насъ повсюду.

(*) Голл. Дѣян. Петра В. ч. 2. с 11.

VIII. ПЕРВОЕ МАЯ.

Происхожденіе перваго мая. Свѣченіе мужей перваго мая. Общее обыкновеніе майскихъ забавъ. Изгнаніе чертей и вѣдьмъ, и добываніе огня. Майскія собранія. Незнѣстность майскаго гулянья между славянами. Кокуй въ Москвѣ и введеніе гулянья. Майскія рекреаціи. Ермекъ запрягалъникъ.

VI.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Гулянье и празднество въ первое мая, есть ино- Провс-
хожде-
ніе пер-
ваго мая.
странное, и введено Петромъ I. — Разсматривая исто-
рически происхожденіе празднества первого мая, мы
тотъ-часъ узнаемъ, по самому имени, что оно соб-
ственно есть римское, и не древнѣе 740 л. до Р. Х.
Мѣсяцъ май (majus), названъ Ромуломъ, въ память
раздѣленія народа на части, изъ коихъ одна именован-
лась маіоресъ, предками. По мнѣнію нѣкоторыхъ май,
названъ отъ имени маіи, дочери Атланта, матери Мер-
курія. Сабинцы приносили жертвы, въ первый день
мая, домашнимъ богамъ Ларамъ, а знатныя Римлян-
ки, доброй богинѣ, въ домѣ первосвященника. — Му-
шавы не могли присутствовать при этомъ жертвопри-
ношеніи. Самыя картины и статуи, изображавшія му-
шинъ, были въ то время завѣшаны. — Римскій на-
родъ поставлялъ за грѣхъ вступать въ бракъ въ про-
долженіе этого мѣсяца, по причинѣ совершавшихся
тогда набожныхъ поминовеній лемуриаль, — тѣмъ
умершихъ. — У насъ май мѣсяцъ тоже считается не-
счастливымъ для браковъ.

Май сначала былъ третій, а потомъ пятый мѣсяцъ въ году. Нума Помпилій, второй царь по Ромулъ, возстановилъ празднества на разные народные случаи, ввелъ въ обыкновеніе праздновать первое мая; но о значеніи празднованія, мнѣнія писателей различны. Одни утверждаютъ, что празднество у Римлянъ, называвшееся *маіоме*, совершалось въ честь богини *Маіи*; другіе думаютъ, что оно перешло съ востока, изъ города *Маіомы*, и отправлялось не въ майѣ, но въ августѣ. Съ большею вѣроятностію доказываютъ многіе, что майское празднество произошло отъ празднествъ Флоры, которыя были извѣстны, въ языческомъ Римѣ, подъ именемъ *цвѣтныхъ или зеленыхъ забавъ* (*floralia seu ludi florales*); начинались съ 28 апрѣля и оканчивались перваго мая. Въ это время обливали другъ друга водою, и открывали общее купанье.

Майскія или цвѣтныя забавы совершались въ европейскіхъ государствахъ, съ давняго времени. Въ Римѣ и почти во всей Италіи, жители обоого пола выходили изъ города въ поле, перваго числа, съ утреннею зорей, большими толпами; музыка и пляска сопровождали ихъ шествіе, и увеличивали общую радость. Наломавъ зеленыхъ вѣтвей, они входили съ шумной веселостію въ городъ; украшали ими ворота и дома своихъ родственниковъ, друзей и почтенныхъ заслугами людей. — Всѣ ожидали ихъ на улицахъ, предъ своими домами, и угощали разными кушаньями. Весь день, и часто всю ночь проводили въ веселіи, и ни какими не занимались дѣлами. Правители, дворянство и граждане всѣхъ сословій, сливались во одно ликующее семейство. Многіе увѣчивали себя молодыми вѣтвями, и считалось нѣкоторымъ образомъ за бесчестіе не имѣть этого убора. — Простодушныя пляски, начинавшіяся чистосердечной радостію, о воз-

пращеніи весны, переходили въ сладострастныя, и увлекали къ чувственному наслажденію. Сначала, то было невинное удовольствіе, потомъ рождалось постепенно пріятное ощущеніе отъ объятій дѣвушки съ мужчиною, и наконецъ это обращалось въ упорительный источникъ страстей. Такой переходъ отъ невоображаемаго къ существенному, поощрялъ соблазнъ, который заставлялъ трепетать умныхъ правителей. Римъ и вся Италия погружалась тогда въ отаратительное веселіе; даже распутный Тиверій гушался имъ! Онъ строго воспрещалъ эти празднества, но запрещенія уже не дѣйствовали: (*) обыкновеніе обратилось въ страсть, и празднованіе майскихъ забавъ, содѣлалось народною необходимостію. По распространеніи христіанства въ Европѣ, первое мая праздновалось радостной встрѣчею разцвѣтшей весны: народъ украшалъ себя и свои дома зеленью и цвѣтами; пили, гуляли и веселились благодатнымъ маемъ.

У Французовъ существовалъ довольно умный обычай; перваго мая сѣкли тѣхъ мужей, которые давали Свѣченіе и у жей перваго мая волю своимъ женамъ. (**)

И нынѣ существуетъ въ Европѣ много схожее съ этимъ обычаемъ, но съ тою только разницею, что жены сѣкутъ своихъ мужей за то, что послѣдніе даютъ имъ волю.

У всѣхъ европейскихъ народовъ, майскія гулянья Общее обыкновеніе и въ д-скихъ забавъ. ведутся съ древнихъ временъ, и сопровождаются танцами и хороводами, вокругъ майскаго дерева. Церквн, дома и дворы убираютъ, какъ у насъ въ Трой-

(*) Успенскій опытъ повѣств. о древ. Русск., с. 644-645.

(**) Вѣстн. Евр. 1811 г. № 20,
Часть VI.

пыль дровъ, зелеными деревьями, пѣтами и травою. Старинный нѣмецкій *радостный мѣсяць* (*Wonne-monat*) луговой и розовый май (*Wiese und Rosen-monat*) и англосаксонской *трудолюбивый* — отъ того, что въ май три раза доили коровъ, — получили наименованія отъ прекраснѣйшаго времени въ году, и первое май повсюду истрѣчалось и провожалось: танцами, пѣніемъ и музыкою; угощали другъ друга и всолились.

Изгнаніе
чертей и
вѣдьмъ, и
добыва-
ніе огня.

Въ *волкуровую* ночь, которая извѣстна въ Германіи и Швеціи, наканунѣ перваго мая, бѣгаютъ мужчины съ заажженными пучками соломъ, привязанной къ длиннымъ пестамъ, и стрѣляютъ въ сосѣднія горы. Это дѣлаютъ для того, чтобы разогнать чертей и вѣдьмъ, кои собираются на ту пору во множествѣ, и замышляютъ истребить все растущее и засяянное. (*) Въ другихъ мѣстахъ Германіи, перваго мая добываютъ огонь трѣніемъ дерева, и раскладываютъ изъ него огонь въ печи. — Тамъ думаютъ еще, что въ волкуровую ночь колдуны, чародѣи и вѣдьмы, собираются на гору Броккенъ или Блоксбергъ, какъ въ Кіевѣ на лысую гору, совѣщаются съ нечистой силою, о истребленіи садовъ, полей, рогатаго скота, лошадей и другихъ животныхъ. Вѣдьмы со всѣмъ своимъ причѣтомъ получаютъ тогда способность принимать на себя виды разныхъ животныхъ: лѣтаютъ змѣями, ѣздятъ верхомъ на лопатахъ и помелахъ. (**)

Майскія
собранія.

У Фравковъ и Англичанъ существовали долгое время, въ началѣ среднихъ вѣковъ, майскія собранія, называвшіяся *майскими полями*, на коихъ присутствовалъ народъ. — Тутъ разсуждали о дѣлахъ обществен-

(*) Энциклоп. лексик. т. III.

(**) Klein. Handbuch der German. Alterthumskunde.

ныхъ, писали законы, и короли предлагали свои постановленія. — По закрытіи совѣщаній, пировали и веселились.

Во Франціи, еще при св. Людовикѣ IX, (*) ставили зеленые деревья предъ его дворцомъ, домами городскихъ меровъ и знатныхъ господъ. Въ Португаліи и Испаніи, одѣваютъ хорошенькую дѣвушку въ бѣлое платье, убираютъ ея голову вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, возводятъ на приготовленное возвышенное мѣсто, и провозглашаютъ ея майемъ или богинею *розосазо* мѣсяца. — Другія молодыя дѣвушки, одѣтыя также въ бѣлое платье и украшенныя цвѣтами, но безъ вѣнковъ, окружаютъ ее и поютъ пѣсни; прочія дѣлаютъ сборъ для своей царицы.

Кто не знаетъ, что на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ древней Англіи, избирались изъ обоюго пола юные майскіе цари и царицы? Головы ихъ украшали вѣнками и водили вокругъ высокаго майскаго песта.

Архіепископъ упсальскій Іоаннъ Магнусъ былъ наименованъ майскимъ царемъ (1596), отъ самого короля, и былъ торжественно водимъ по улицамъ въ вѣнкѣ.

Въ мѣсяцѣ маѣ, называвшемся у насъ въ древности *травнежъ*, (**) совершались жертвоприношенія духамъ, покровительствовавшимъ растеніямъ и водамъ. Богемцы

Неизвѣстность
найска-
го гула-
на и
мѣсяца
славянъ.

(*) Въ полов. XIII в.

(**) Снегир. Русск. прост. празд. и пр. вынукъ III. с. 88, говоритъ, что у славянскихъ племенъ мѣсяцъ май назывался то подъ именемъ *травня*, то *цвѣтня*. Это ошибочно. Онъ никогда не былъ называлъ подъ именемъ *цвѣтня*, а всегда подъ именемъ *травня* мѣсяцъ апрѣль назывался *цвѣтень*, *квѣцень* и *березозель*. Кар. И. Г. Р. т. I. с. 71. примѣч. 159. изд. С. П. Б.

отправляли празднество въ честь *колодцевъ*, съ многочисленными жертвоприношеніями. (*)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши, праздновали съ языческими обрядами май, въ честь богини *мая*, и ей приносили жертвы. Это празднество заимствовано отъ Германцевъ, и должно думать, не ранѣе XIII в., потому что оно до сего времени не было имъ извѣстно. При Королѣ Сигизмундѣ Августѣ, послѣднемъ изъ Ягеллонова дома, (въ концѣ XVI в.) существовалъ еще обычай, заимствованный отъ Германцевъ, что молодыя наряженныя женщины собирались на лугъ, составляли хороводъ, плясали и пѣли пѣсни въ честь весны. Въ Литвѣ первое мая было народное празднество. На лугу ставили зеленое дерево, испещренное разноцвѣтными лентами. Дѣвушки, молодыя женщины и молодые мужчины, избравъ изъ своей среды ловкую красавицу, именovali ее богинею май; надѣвали ей на голову свѣжій вѣнокъ, обвивали весь ея станъ березовыми вѣтвями, и отправлялись къ зеленому дереву: тутъ плясали и пѣли, повторяя: о *маія, маія*.—(**) Словаки, Лузійцы, Чехи и Поляки, встрѣчали маемъ весну, и прогоняли изъ селеній марену, (смерть природы). Дѣвицы изъ Липтова и Любеля, собираются на *цѣлтную* или *смертнкую недѣлю*, выносятъ изъ села, на высокомъ мѣстѣ мурену, въ женскомъ изображеніи, и поютъ:

(*) Gebhard: Fortsetz. der Allgem. Weltgesch. der neuen Zeit. ч. 33. с. 253. ed. 1789.—Cosm. Pragens. ap. Meneken. т. I. с. 207. подъ 1093 годомъ:

(**) Gołęb. Gr. i zabaw różn. stan. —

Mariena naša,
 Kdei prebywala?
 W dëdinskom dome,
 W nowey stodole!

По вынесеніи поють на два голоса:

Первый:

вторый:

Wyniesli sme,
 Priniesli sme
 Sasegeme
 Nawarjme
 Opogime

Murienu zo wsi,
 Mąg nowy do wsi,
 Sùrżicu s owsy.
 Černého piwa,
 Kmetowko syna.

вмѣстѣ:

A ne bude pjti,
 Búdeme ho bjti;
 S trima kygi kygowati,
 Za wlasý ruwati,
 Dáme mu, dáme
 Sidlo i kopyto,
 Geho ženě..... sito i koryto.

Мальчики несутъ за муреной дѣдушку (дедка), въ мужескомъ образѣ, одѣтаго весьма бѣдно, и поють:

Dedko náš, dedko!
 Požrau si nám wšetko.
 Nic si nam nenachau,
 Tak si sa dotre mau. (*)

Дѣдушку представляютъ сидящимъ всю зиму въ

(*) Kel Narod. Zpiew. ч. I. с. 4.

хлѣбныхъ анбарахъ и поѣдающимъ хлѣбъ, потому съ весной выносятъ его. Мурена превращена въ Мало-россиі въ мару. — Въ краловорской рукописи, изображается *марена* смертью. — Тамъ сохранилось народное вѣрованье, что если пробѣжить по тѣлу дрожь, то это значитъ *мерена* (ваша смерть).

Кокуй
въ Мо-
сковъ
заводе-
не най-
скаго
гулянья.

Нѣмецкіе ремесленники, художники и находившіеся на службѣ въ Москвѣ, совершали въ Нѣмецкой слободѣ Кокуй, гулянье перваго мая, которое въ простонародіи проименовалось *нѣмецкими станами*. Петру I такъ понравилось это гулянье, что онъ обратилъ его въ народное. Во всей Россіи празднуютъ нынѣ первое мая. Въ деревняхъ и селахъ веселятся поселяне на травкѣ—муравкѣ. Распѣваютъ пѣсни и угощаютъ другъ друга. Парни и дѣвушки составляютъ игры и хороводы. Въ губернскихъ городахъ отправляютъ первое мая въ городскомъ саду, въ коемъ играетъ музыка и поютъ пѣсельники. Сюда съѣзжается весь городъ. Съ наступленіемъ вечера освѣщаются аллеи разноцвѣтными огнями, и все гуляющее спѣшитъ поздравить губернатора съ первымъ маемъ. Потомъ сожигаютъ вѣтъ сада фейрверкъ, а въ воксалѣ начинаютъ танцы, которые оканчиваются съ разсвѣтомъ дня. Въ Петербургѣ и Москвѣ, майское гулянье господствуетъ въ большей степени, потому что имъ встрѣчаются всѣ предстоящія весеннія и лѣтнія удовольствія.

Въ Петербургѣ первое мая празднуется съ изысканной роскошью. Гулянье бываетъ въ Екатерингофѣ. (*) Императоръ и весь Императорскій домъ

(*) Екатерингофскій дворецъ, построенный Петромъ I., для его супруги Екатерины I, которая все лѣто проживала въ

удостоиваютъ гулянье своимъ посѣщеніемъ. Дипломатическій корпусъ, знатные государственные чины, вельможи и дворянство участвуютъ во всеобщемъ веселіи. Тысячи богатѣйшихъ экипажей устилаютъ дорогу, ведущую къ саду. — Прелестный полъ отличается дорогими и щегольскими одеждами. Все и повсюду блеститъ золотомъ и вкусомъ. Кажется, что каждый хочетъ затмить другъ друга сіяніемъ и роскошью одеждъ. Сотни тысячъ народа стекаются сюда. Музыка, качели и горы увеселяютъ любителей забавъ. Сотни палатокъ съ разными сладостями разбиты въ саду. Тысячи разношниковъ съ яблоками, апельсинами, коврижками и т. п., спуются по всѣмъ направленіямъ.

Гулянье начинается около двухъ часовъ пополудни, и продолжается, если стоитъ хорошая погода, до разсѣта.

Въ старые годы, воспитанники духовнаго званія ^{малою} отправлялись перваго мая въ поле, съ своими ^{рекреа-} настав-
никами, для забавъ, которыя посему получили названіе майскихъ рекреаций. Особенно отличались рекреациями: переяславская и черниговская семинаріи, харьковскій коллегіумъ и кіевская академія. — Къ первому числу мая пекли заблаговременно пироги, готовили жареное и варили на полѣ молочную кашу или же приносили приготовленную изъ рису, съ изюмомъ и другими сладостями. Обѣдъ и все угощеніе приготавливалось изъ собранныхъ складчиною денегъ. Распоряженіе общимъ угощеніемъ поручалось особымъ ловкимъ, молодымъ людямъ, которые, прибывъ

немъ. Дворецъ этотъ находился первоначально вѣз города, а теперь вошелъ въ городскую черту.

на поле прежде всѣхъ, съ запасомъ дополнительнымъ: медомъ, дивомъ, винами, настойками и наливками, готовили столы для своихъ товарищей и гостей. Нѣкоторые изъ студентовъ и семинаристовъ, отряжались отъ своего общества, на канунѣ еще праздника, пригласить на рекреацію ректора, инспектора и прочихъ наставниковъ, прося ихъ почтить празднество высокимъ своимъ посѣщеніемъ, и удостоить поѣсть и попить. — Другіе, отличные въ знаніи *элоквиціи* и *пѣтими*, сочиняли похвальные слова, діалоги, гимны, кантаты, и все, что льстило самолюбію наставниковъ, не забывая вознестъ ихъ тропами и фигурами, и увѣрять величественно, какъ они высоко почитаютъ и любятъ ихъ. Еслибы случилось, что для написанія торжественныхъ стиховъ не достало вдохновенія, то собирали совѣтъ: какъ бы тутъ помочь? По долгомъ и жаркомъ преніи, рѣшалось просить учителя *элоквиціи* прибавить вдохновенія къ ихъ рѣчи. Всѣ одобрительнымъ голосомъ провозносили: *excellenter! fiat sic* (превосходно! да будетъ такъ). — Въ самый день рекреаций, собирались воспитанники по утру на сборное мѣсто, одѣтые въ праздничное платье, и отправлялись веселой толпою торжествовать первое мая. Тамъ, до прихода своихъ наставниковъ, иные забавлялись уже въ мячъ. Прочіе помогали ставить и накрывать столы съ кушаньемъ, и заботились, чтобы все было готово и сдѣлано хорошо. Когда начинали сходиться званные гости, тогда встрѣчали ихъ привѣтствіемъ, а главнаго, почтеннѣйшаго и любимаго, встрѣчали музыкою и провожали съ поклонами до перваго мѣста. Спустя нѣсколько времени, подносили закуску, а потомъ подавали обѣдъ. Товарищи садились за другими столами. Во время обѣда играла музыка, и пили за здоровье своихъ начальниковъ и учителей. Когда у

робкихъ питомцевъ развязывались языки, тогда собирались говорить похвальные слова. Каждый поочередно вынималъ изъ за пазухи, согрѣтую пламеннымъ сердцемъ рѣчь, и говорилъ до того, что весь захлебывался отъ ручьевъ пота, который катился съ него градомъ, вмѣсто радостныхъ слезъ. Пылкій витія еще не окончилъ: онъ только началъ; онъ твердитъ во всеуслышаніе, что всѣ его товарищи глубоко запечатлѣли, въ своихъ сердцахъ, высокія и мудрыя правила своихъ мудрѣйшихъ наставниковъ. — Отъ словъ его сверкали молніеюсной восторженностію глаза наставниковъ, которые, бывъ уже *наэлектризованы* изліяніемъ сочувственной души, — требовали покаловъ за *преуспѣліе* въ наукахъ. Имъ подавали безмѣрные наполненные воспламенительнымъ одушевленіемъ. Наставники послѣ этого не слышали, что имъ льстили, а панегиристы сами не знали, что несли, и до того заносились, что одно утро раскрывало имъ глаза, — они вставали изъ подъ кустовъ отъ преуспѣнія.

Послѣ пира тѣшились разными играми. — кто могъ тѣшиться; не принимавшіе участія въ забавахъ выливали въ свои желудки остатки пѣнитического упоенія. Музыканты и пѣвчіе развлекали сонныхъ гостей громкими пѣснями, особенно любимѣйшею: *gaudeamus igitur!* Веселіе продолжалось далеко за полночь. (*)

(*) Ученики, получавшіе воспитаніе въ духовномъ заведеніи, были весьма бѣдные, потому жили въ общественномъ домѣ, называемомъ бурсою, отъ коей имъ дано прозваніе бурсаковъ. Бурса была во многомъ похожа на сарай: она строилась изъ плетня, внутри и снаружи обмазывали желтой глиной, крыша была соломенная; огромныя двери и не большія окошки.

Рекреаціи были извѣстны въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ лавныхъ временъ; отсюда онѣ перешли въ Польшу и Литву, а отсюда въ Малороссію. Въ польскихъ и литовскихъ училищахъ онѣ извѣстны подъ именемъ *майосекъ* (майскаго увеселенія) и *рекреація майосе* (майскія отдохновенія). — Перваго

Названіе бурсы происходитъ отъ латинскаго *burga*, означающее кошель, мѣшокъ, потому что питомцы, будучи большою частію убогіе, ходили выпрашивать подаеніе подъ окнами, съ мѣшками. Живя въ одномъ домѣ, они имѣли особое управленіе; сословіе всѣхъ бурсаковъ образовало могущественный Римъ, конемъ повелевалъ консулъ съ избранными сенаторами, лшторами и целерами. — Римъ находился подъ верховнымъ вѣдѣніемъ ректора. Въ консулы избирали старшаго изъ богослововъ, прочіе богословы и философы составляли сенаторовъ, риторы составляли лшторовъ, кои, по указанію консула, наказывали розгами, пшты образовывали целеровъ (бѣгунцовъ), употребившихся на разсылки; все остальное называлось плебеянами, (простымъ народомъ). Если консулъ провинился въ чемъ нибудь, напримѣръ: поймали его въ воровствѣ, то сенаторы доносили о томъ ректору, который немедленно лишалъ его величественнаго сана, и наказавъ, по мѣрѣ преступленія, розгами, батогами или палками, обращалъ въ званіе сенатора. За то консулъ самъ определялъ наказаніе нашедшимися подъ его властію. Если преступленію подчиненнаго было важное, то онъ собиралъ сенаторовъ и совѣтовался съ ними. Консулъ и сенаторы господствовали деспотически, и ихъ все трепетало; они лучше всѣхъ ѣли и пили; для нихъ плебеяне готовили лучшее кушанье. По указанію консула, отправлялись они подъ предводительствомъ сенаторовъ, съ мѣшками на плечахъ, опустошать огородныя овощи, воровать изъ закромъ и амбаровъ муку, хлѣбъ, крупу, просо, говядину; ходили по рынку мимо торговыхъ, хватали хлѣбъ и разное съестное, съ добычей возвращались изъ консулу, который, осмотрѣвъ ее, похвалялъ сподвижниковъ и приказывалъ особымъ

мая собирались ученицы, по колокольчику, на школьной двери. Взявъ учебныя знамена, отправлялись стройными рядами къ ближайшимъ помѣщикамъ, которыхъ они веселили разными забавами, представленіями, играми и музыкою. Помѣщики угощали учениковъ, которые вѣчеромъ

кашеварамъ готовить обѣдъ или ужинъ. Такими промыслами кормились бурсаки. Бѣда, если они попадались въ руки враговъ : ихъ были и представляли на судъ ректору, по горе, если сенаторъ попадался въ планъ : его избивали немилосердно и представляли ректору, который торжественно наказывалъ его безжалостно розгами, такъ что сенаторъ не могъ вставать съ постели нѣсколько дней.—Главнымъ промысломъ бурсаковъ составляло пѣніе церковныхъ стиховъ, подъ окнами обывателей, за что пѣвцы получали въ награду муку, свиное сало, масло, зелень и говядину.—Плебеяне одѣвались въ пестрядинныя халаты, ходили лѣтомъ безъ сапоговъ; сенаторы, дикторы и целеры носили длинныя изъ толстаго сукна сюртуки и ходили въ сапогахъ, а консулъ былъ въ усахъ, носилъ сюртукъ изъ тонкаго сукна и закрепованные сапоги. Плебеяне спали на соломѣ или на голой землѣ, сенаторы на лавкахъ, а консулъ въ особомъ углу на постелѣ. Его особа была неприкосновенна и священная : ему дозволялось драть за уши виновныхъ и не виновныхъ, трепать по щекамъ, тузить кулаками и рвать чубы ; ему дозволялось пить цѣлофанъ и курить. Когда консулъ бывалъ въ веселомъ духѣ, тогда онъ дозволялъ тѣшиться могущественному Риму : начинались кулачные бои и страшно было смотреть. — Мирные духомъ плебеяне рѣзали пѣсни, отъ коней окошки дрожали; бряцали на балабайнѣ и скакали въ присядку. Веселіе прекращалось мгновенно, если заблагорассудить консулъ. — Такова была жизнь бурсаковъ. Не многие изъ нихъ оканчивали ученіе въ молодыхъ лѣтахъ ; нѣкоторые выходили изъ ученія съ бородами длинными, почти на 48 г. жизни. — Не въ одной югозападной Россіи дала подобную жизнь бурсаки. Достигавшіе возмужалости, но неокончившіе еще ученія, оставляли семинарію, приставали къ шайкамъ разбойниковъ, ввергались въ развратъ. Во всей

отходили домой съ пѣніемъ и музыкою. Случалось, что они посѣщали помѣщиковъ нѣсколько дней сряду.

Сохранилось суевѣрное замѣчаніе, что май есть несчастное время для супруговъ. Римляне говорили пословицею: *въ май мѣсяць выходить замужъ злокрав-
мыя*, и еще: *май весьма несчастливъ для супруговъ*. По ихъ понятію мѣсяць май никому не благопріятствуетъ: ни вдовамъ, ни дѣвицамъ.

Nec viduae taedis cadem, nec virginis apta
Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.
Haec quoque de causa, si te proverbis tangunt:
Mense malas majo nubere vulgis ait. (*)

Въ Россіи говорятъ почти тоже самое: *кто женится въ май, тотъ будетъ во всю жизнь маяться*. И довольно странно, что этому предубѣжденію слѣдуютъ многіе изъ образованныхъ людей.

Крестъ
запря-
галь-
ника.

У поселянъ осталось замѣчаніе, что хорошо запа- хивать поле, съ первой майскою росой: для этого многіе выходятъ нарочно въ поле съ плугомъ, въ день перваго мая или иначе въ день *Еремья запрягальника*, а другіе послѣ. Пророкъ Іеремія, по мнѣнію просто- душныхъ, запрягаетъ тогда на небѣ свою колесницу

Европѣ, до полов. XVIII в., отличались подобной жизнію студенты университетовъ и духовныхъ училищъ, и они тамъ возмужали еще умы народовъ. Этотъ духъ республиканской свободы перешелъ въ Польшу, отсюда въ югозападную Рос- сію и наконецъ въ другія мѣста; но заботливость нашего пра- вительства истребила злоредный образъ жизни.

(*) Овидій in Fastis, кн. V.

и застѣваетъ хлѣбъ, потому это время почитается самымъ благопріятнѣйшимъ для урожая. — Отсюда вошло въ поговорку: *Еремей запрягальникъ, всемірный застѣвальникъ.*

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

	страницы.
I. Обрядные праздники .	3.
II. Неделя Ваиѣ	75
III. Пасха	89.
IV. Русальная неделя	. 119.
V. Семицъ.	141.
VI. Троицынъ день.	. 173.
VII. Первое апрѣля .	. 201.
VIII. Первое мая .	205.

ПОГРѢШНОСТИ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Чтеть.
6.	13.	богѣихъ	божѣихъ
23.	22.	пиръ,	пиръ.
24.	1.	не вырвѣсть	не вырѣсть
25.	6—7.	поклѣсться	поклѣсться
42.	11.	по одной со двора	по одной коровы со дво- ра
47.	11.	привлекать	привлекаеть
—	21.	гречишница	гречишница
48.	19.	привѣтствуютъ	привѣтствуютъ
51.	23.	собираютя	собираются
53.	23.	вырѣзываютъ	вырѣзають
56.	18.	бѣзпечныя	бѣзпечныя
83.	17.	не издають запаха,	не издають запаха;
93.	31.	ascaster	
104.	3.	своѣъ	словаъ
105.	2—3.	прики, веретена и прики, причутъ далеко	причутъ прики далеко свои веретена и прики,
—	16.	пече	печѣ
126.	1.	проходяхъ	проходящихъ
134.	31.	Русалки	Русалкѣ
161.	27.	во вонъ	во томъ
175.	6.	въ березовыхъ рошахъ	вьютъ въ березовыхъ ро- щахъ
177.	19.	избѣгалися	позбѣгалися
—	31.	въ банька	въ банька
178.	1.	жени	жени
180.	30.	прибудиться	приблизиться

